ЗАЛА 18
ШКАФЪ 139
ПОЛКА 2
№ 90 62

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА.

Письмо X.

Бенáресъ, Праяга (нынѣ Аллахабадъ), Насикъ, Хардваръ, Бадринаттъ, Матура, вотъ тѣ священнѣйшія мѣста древней доисторической Индіи которыя одно за другимъ мы собирались посѣтить,—но, конечно, не такъ какъ ихъ обыкновенно посѣщаютъ туристы à vol d'oiseau, съ дешевымъ *гидомъ* въ карманѣ и подъ командой сбивающаго васъ и съ ногъ, и съ толку чичероне. Нѣтъ, мы хорошо знали что вокругъ всѣхъ этихъ мѣстъ, словно плющъ на развалинахъ старыхъ замковъ, обвилось преданіе вѣками, наросли сорныя травы фантазіи, пока наконецъ, по примѣру этихъ паразитныхъ растеній, постоянно сдавливая въ своихъ холодныхъ объятіяхъ стѣны, онѣ совсѣмъ не разрушили первобытной формы зданія, и археологу также трудно по обезображеннымъ, усыпающимъ окрестности, остаткамъ судить объ архитектурѣ когда-то цѣлаго зданія, какъ и для насъ изъ этой массы легендъ отдѣлить плевелы отъ настоящаго зерна. Тутъ не помогутъ ни гиды ни чичероне. Они способны развѣ указать намъ на мѣста гдѣ во времена былыя возвышались крѣпость, замокъ, храмъ, священный лѣсъ или знаменитый городъ, да повторять сложившіяся ужь при мусульманахъ преданія. До неискаженной истины первоначальной исторіи каждой интересующей насъ мѣстности, намъ конечно придется доискиваться самимъ, слѣдуя собственнымъ соображеніямъ.

Современная Индія не представляетъ и блѣдной тѣни не только древней, то-есть Индіи дохристіанской эры, но даже и Индостана подъ владычествомъ Аурунгезеба, Акбара, Шахъ-Джехана. Словно кровавыми окаменѣлыми слезами усѣяны круглымъ красноватымъ булыжникомъ окрестности каждаго многократно истерзаннаго города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природнымъ камешкамъ, не по дресвѣ, раните вы себѣ ноги, приближаясь къ высокимъ окованнымъ желѣзомъ воротамъ старинныхъ укрѣпленныхъ городовъ, а по гранитнымъ еще древнѣйшимъ обломкамъ, подъ которыми часто покоятся развалины третьяго еще болѣе древняго города. Имена первыхъ даны имъ мусульманами которые обыкновенно строили свои города на пепелищѣ побѣжденныхъ, взятыхъ приступомъ городовъ: имена послѣднихъ кое-какъ еще упоминаются въ преданіяхъ, но названія ихъ предшественниковъ исчезли изъ памяти людской еще до мусульманскаго вторженія. Кому когда удастся проникнуть въ эти вѣковыя тайны?...

Зная все это заранѣе, мы рѣшились не терять терпѣнія, и даже, еслибы того потребовали обстоятельства, посвятить цѣлые годы на частыя экскурсіи въ одни и тѣ же мѣста пока не добьемся болѣе вѣрныхъ историческихъ данныхъ, менѣе исковерканныхъ фактовъ нежели удалось нашимъ предшественникамъ. Послѣдніе должны были довольствоваться собраніемъ дикихъ вымысловъ съ трудомъ вызываемыхъ изъ устъ напуганныхъ неохотно отвѣчающихъ дикарей, или же враждебныхъ, нарочно искажающихъ истину брамановъ. Намъ же помогаетъ цѣлое общество образованныхъ, заинтересованныхъ тѣ-

ми же вопросами какъ и мы Индусовъ; мы уже имѣемъ положительное обѣщаніе быть допущенными хотя въ нѣкоторыя тайны древнихъ хранителей этихъ тайнъ, *махантовъ*; слышать не преданіе, а вѣрный переводъ древнихъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ хроникъ и грамотъ нѣкоторыхъ городовъ.

Исторія Индіи давно исчезла изъ памяти ея сыновъ, она совершенно неизвѣстна ея завоевателямъ; но она несомнѣнно существуетъ, хотя быть-можетъ и въ растерзанныхъ частяхъ, въ тщательно оберегаемыхъ отъ европейскаго глаза рукописяхъ. Не даромъ браманы, въ рѣдкія минуты дружескихъ изліяній, иногда проговаривались. Такъ, не разъ уже упомянутому мною Англичанину Тоду, старый *махантъ* (настоятель) нѣкоего древняго храма-монастыря, разъ замѣтилъ: „не теряй времени, саабъ, въ напрасныхъ розыскахъ. Индія *беллати* (Индія иностранцевъ, Англичанъ) предъ тобою: *гупта* Индію (то-есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители ея тайнъ, скорѣе отрѣжемъ языкъ другъ у друга.“

И однакоже Тодъ много кой-чего узналъ. Правда, ни одинъ Англичанинъ не былъ такъ любимъ туземцами какъ этотъ старый, храбрый другъ Махарани Уйдсларскаго; но за то и онъ любилъ туземцевъ и никогда не показывалъ презрѣнія даже къ бѣднѣйшему изъ нихъ. Онъ писалъ до періода полнаго развитія современной этнологіи, и книга его до сей поры считается авторитетомъ во всемъ касающемся Раджистана. Хотя, по собственной скромной оцѣнкѣ ея автора, она представляетъ „лишь сводъ добросовѣстно собранныхъ матеріаловъ для будущаго историка,“ но въ ней найдется, кромѣ того, много такого чего ни одинъ еще великобританскій чиновникъ не добился до него, да не добьется и послѣ.

Такъ пусть же недовѣрчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смѣются надъ нашею претензіей „проникнуть въ міровыя тайны Аріяварты“, какъ выразился недавно одинъ критикъ. Смотря съ самой пессимистической точки зрѣнія, наши заключенія, если даже и не окажутся достовѣрнѣе заключеній и доводовъ Фергесона, Вильсона, Уиллера и tutti quanti археологовъ и санскритистовъ трактовавшихъ объ Индіи, то во всякомъ ужъ случаѣ не будутъ бездоказательнѣе прочихъ. Намъ замѣчаютъ что мы неблагоразумно затѣяли то предъ чѣмъ ежедневно отступаютъ археологи и историки, которымъ способствуетъ здѣшнее правительство съ его вліяніемъ и неистощимою казной за спиной; что мы взялись де за работу оказавшуюся не лодъ силу даже азіятскому королевскому обществу...

Пусть такъ. Но у всѣхъ свѣжо въ памяти, а у насъ тѣмъ болѣе, какъ бѣдный Венгерецъ, не только безъ средствъ, но почти нищій, отправился пѣшкомъ въ Тибетъ, чрезъ страны неизвѣданныя, опасныя, увлекаемый лишь любознательностью да желаніемъ пролить свѣтъ на историческое начало своего народа. Въ результатѣ вышло то что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературныхъ сокровищъ. Филологія, дотолѣ бродившая въ египетскихъ лотемкахъ безвыходнаго лабиринта этимологій, уже важно предлагавшая было ученому міру помириться съ самыми фантастическими теоріями вдругъ неожиданно напала на нить Аріадны. Она открыла, наконецъ, что санскритскій языкъ если не праотецъ, то все же „старшій братъ“ всѣхъ другихъ древнихъ языковъ, по выраженію Макса Мюллера. Въ Тибетѣ найдена неисчерпаемая литература на языкѣ, о письменности котораго не было ничего извѣстно. Благодаря необыкновенному рвенію Александра Ксомо де-Кэрёшъ, она имъ частью переведена, а частью анализована и выяснена. Переводъ же его доказалъ всему ученому міру что, волервыхъ, подлинники *Зендъ-Авесты* — солнцепоклонниковъ, *Трипитакъ*—буддистовъ, и *Айтарси-Брамана*мъ—брамановъ, были въ оригиналахъ своихъ написаны на томъ же древнесанскритскомъ языкѣ; вовторыхъ, что всѣ три языка, то-есть зендскій, пелалійскій и современный, или браманосанскритскій—болѣе или менѣе діалекты перваго; втретьихъ, что отъ санскритскаго произошли всѣ менѣе древніе индо - европейскіе и современные языки и діалекты Европы; вчетвертыхъ, что три самыя значительныя религіи язычества: зороастризмъ, буддизмъ и брамапизмъ, хотя только ереси монотеистичекаго ученія Ведъ, но что это не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ тремъ древними религіями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказаннаго очевидна. То чего не могли бы добиться цѣлыя поколѣнія ученыхъ, то-есть проникнуть въ *ламазеріи* Тибета и получить доступъ къ священной литературѣ этого вполнѣ

изолированнаго народа, того добился бѣдный странникъ, безъ средствъ, какъ и безъ протекціи; быть-можетъ и даже вѣроятно только потому что смотрѣлъ на дикихъ Монгольцевъ и Тибетянъ какъ на *братій* своихъ, а не какъ на *низшую* расу. И стыдно становится подумать, стыдно за человѣчество вообще, а за науку въ особенности, что первопричинный авторъ такихъ великолѣпныхъ для науки результатовъ, сѣятель столь драгоцѣнной для нея жатвы, оставался почти до самой смерти тѣмъ же непризнаннымъ бѣднымъ труженикомъ. Достигнувъ Калькутты обратно изъ Тибета *пѣшкомъ*, безъ гроша денегъ, онъ сталъ извѣстенъ и его имя стало громко произноситься съ почестями и хвалой лишь въ то время какъ, вслѣдствіе безкорыстной любви своей къ наукѣ, Ксомо де-Кёрёшъ умиралъ и умеръ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Калькутты...

Само собою разумѣется что въ предѣлахъ обыкновенныхъ газетныхъ писемъ нельзя серіозно начинать что-либо подобное затѣваемому нами. Мы можемъ лишь надѣяться заложить первый камень зданія, дальнѣйшую постройку коего можетъ взять на себя развѣ будущее поколѣніе. Для того чтобъ успѣшно опровергнуть установленныя цѣлыми двумя поколѣніями индіанистовъ о древностяхъ Индіи мнѣнія, потребуется не менѣе полувѣка упорной работы. А для того чтобы замѣнить эти мнѣнія другими, необходимо заручиться фактами, основанными не на хронологіи и лжеказаніяхъ лукавыхъ брамановъ, заинтересованныхъ въ невѣжествѣ европейскихъ санскритистовъ (какъ-то испытали, къ своему горю, лейтенантъ Вильфордъ, а за нимъ Луи Жаколіо), а на неопровержимыхъ доказательствахъ древнѣйшихъ, доселѣ неразобранныхъ надписей, ключа къ которымъ Европейцы еще не нашли, ибо онъ, какъ не разъ уже показано, хранится въ *не менѣе древнихъ*, почти недоступныхъ рукописяхъ. Да если даже наши надежды и осуществятся и мы получимъ этотъ ключъ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опроверженіе, страница за страницей, каждаго изъ многихъ десятковъ фоліантовъ доселѣ опубликованныхъ Королевскимъ Азіятскимъ Обществомъ *гипотезъ*. А на это потребовались бы дюжины постоянно занятыхъ ученыхъ санскритистовъ, которые даже въ Индіи рѣдки какъ бѣлые слоны *.

Поэтому, въ описаніяхъ посѣщенныхъ нами пещеръ и другихъ памятниковъ архаическихъ временъ, я ограничусь лишь простымъ указаніемъ наиболѣе распространенныхъ идей и общепринятыхъ между археологами мнѣній касательно этихъ мѣстностей. Требую во всякомъ случаѣ привилегіи указывать также и на разноголосицу существующую между почтенными учеными, на ихъ противорѣчивыя показанія и теоріи доказывающія какъ дважды два четыре какъ мало права они еще имѣютъ, не взирая на весь ихъ авторитетъ, требовать для вышесказанныхъ своихъ теорій чего-либо сверхъ простаго къ нимъ вниманія. Я надѣюсь доказать неопровержимыми фактами какъ мало успѣли еще придти къ какому-либо правдоподобному заключенію гг. археологи касательно хотя бы пещерныхъ храмовъ Насика.

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то-есть одинъ Американецъ, три Европейца, и три туземца, заняли цѣлый вагонъ *Great Indian Peninsular Railroad*, и отправились въ Насикъ, одинъ изъ древнѣйшихъ, какъ это ужъ упомянуто мною, городовъ Индіи, и самый священный въ глазахъ обитателей западнаго президентства. Насикъ заимствуетъ свое имя отъ санскритскаго слова *насика*, то-есть „носъ“, вслѣдствіе эпической легенды увѣряющей будто Лакшманъ, старшій братъ обоготвореннаго царя Рамы, отрѣзалъ на этомъ самомъ мѣстѣ носъ великанши „Сарпнаки“, сестры царя Раваны, похитителя Ситты, троянской Елены Индусовъ.

Поѣздъ желѣзной дороги останавливается въ шести миляхъ отъ самаго города, и мы пріѣхали въ ночь; поэтому намъ пришлось отправиться далѣе въ часъ полуночи въ шести золоченыхъ, двухколесныхъ таратайкахъ, называемыхъ *экка*, и на волахъ. Даже не взирая на поздній часъ ночи, рога этихъ животныхъ были вызолочены и украшены гирляндами цвѣтовъ, а на ногахъ звенѣли мѣдные браслеты. Дорога пролегала черезъ неров-

* Благодаря частнымъ капиталамъ и усердію нѣкоторыхъ образованныхъ патріотовъ Индусовъ, два *даровые* класса языковъ санскритскаго и *пали* уже открыты: одинъ въ Бомбеѣ—Теософическимъ Обществомъ, другой, въ Бенаресѣ,—подъ предсѣдательствомъ ученаго, Рамы Миеры Шастри.

ные, ухабистые овраги, густо заросшіе джѣнгломъ, въ которомъ, по пріятному показанію нашихъ возницъ, постоянно играли въ прятки тигры и другіе четвероногіе мизантропы лѣсовъ. Съ тиграми въ эту ночь мы не знакомились, но за то въ продолженіе всей дороги были угощаемы концертомъ цѣлаго общества шакаловъ. Неотвязно слѣдовали они за нами, разрывая уши своимъ воплемъ, дикимъ хохотомъ и лаемъ. Эти милыя животныя здѣсь до того дерзки и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливы что хотя они въ ту ночь бѣгали вокругъ стаями достаточными численностію чтобы легко поужинать не только всѣми нами, но и нашими златорогими волами, ни одно изъ нихъ однако не осмѣлилось подойти ближе какъ на нѣсколько шаговъ разстоянія. Достаточно было стегнуть одного изъ нихъ длиннымъ кнутомъ, которымъ мы запаслись отъ змѣй, чтобы вся стая съ невообразимымъ визгомъ далеко отбѣгала прочь. И однако же погонщики не пренебрегли ни однимъ изъ своихъ суевѣрныхъ средствъ противъ нападенія тигра. Они хоромъ лѣли заклинательныя молитвы „мантры“, сыпали бетелемъ по дорогѣ, въ знакъ своего уваженія къ лѣсному „раджи“, и послѣ каждаго куплета заставляли воловъ становиться на переднія колѣни и низко наклонять въ честь высшихъ боговъ голову, причемъ легкая какъ орѣховая скорлупа *ekka* грозила каждый разъ, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, перекинуться вверхъ дномъ черезъ рога животныхъ. Это пріятное путешествіе въ темную ночь длилось пять часовъ. Мы достигли „гостиницы пилигримовъ“ лишь въ шесть часовъ утра.

Настоящая причина святости Насика, какъ мы узнали, не въ отрѣзанномъ хоботѣ великанши, а въ мѣстоположеніи города на Годавари, вблизи источниковъ этой рѣки называемыхъ почему-то туземцами *Гангой* (Гангесъ). Этому магическому имени, вѣроятно, городъ и обязанъ своими многочисленными, богатыми храмами и отборнымъ классомъ брамановъ поселившихся на берегахъ рѣки. Два раза въ годъ пилигримы собираются сюда молиться, и число странниковъ превышаетъ въ такіе торжественные дни даже населеніе Насика (35.000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатыхъ брамановъ, построенныхъ вдоль спуска, отъ центра города до самыхъ береговъ Годавари, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся цѣлые лѣса узкихъ, пирамидальныхъ храмовъ. Всѣ эти пагоды выстроены на развалинахъ старыхъ, до тла разоренныхъ фанатизмомъ мусульманъ. Легенда повѣствуетъ будто бо́льшая часть ихъ возникла изъ атомовъ пепла обожженнаго хвоста бога-обезьяны, Ханумана. Удирая по воздуху изъ Ланки, гдѣ этому храброму герою Равана поджегъ хвостъ, предварительно натеревъ его какимъ-то горючимъ веществомъ, Хануманъ однимъ скачкомъ по воздуху очутился надъ своею родиной Насикомъ. Тутъ сіе благородное украшеніе обезьяньей спины, по дорогѣ совсѣмъ обуглившееся, стало разсыпаться въ прахъ. И вотъ по мѣрѣ того какъ хвостъ испепелялся, изъ каждаго священнаго, падавшаго на землю атома возникалъ храмъ.... И дѣйствительно, съ горы, это собраніе безчисленныхъ пагодъ разбросанныхъ въ самомъ странномъ, анти-архитектурномъ безпорядкѣ, выглядываетъ точно ими кто посыпалъ съ неба на землю. Не только берега и всѣ окрестности покрыты храмами, но даже островки на рѣкѣ и торчащія изъ воды скалы... И что̀ не храмъ, то легенда, которую каждый браманъ изъ массы этихъ наслѣдственныхъ жуликовъ разказываетъ на свой манеръ, въ надеждѣ конечно на приличное вознагражденіе.

Здѣсь, какъ и всюду въ Индіи, браманы раздѣлились на двѣ секты: поклонниковъ Шивы и поклонниковъ Вишну, между коими идутъ вѣковыя распри. Хотя окрестности Годавари украшены двойнымъ ореоломъ славы, какъ родины Ханумана и театра первыхъ и славныхъ дѣйствій Рамы,* воплощеннаго Вишну, противъ Раваны, царя Цейлонскаго, но въ немъ находится столько же, если не болѣе, храмовъ посвященныхъ Шивѣ какъ и Вишну. Бо́льшая часть пагодъ выстроенныхъ первому изъ чернаго базальта. Вотъ этотъ-то цвѣтъ, какъ цвѣтъ обожженнаго хвоста союзника Рамы, и служитъ яблокомъ раздора. Съ самаго начала своего владычества, Англичане получили въ наслѣдство нескончаемыя тяжбы между воюющими сектантами,—тяжбы, рѣшаемыя обыкновенно лишь для того только чтобы немедленно переходить въ другую инстанцію, и всегда возникающія по поводу этого самаго злополучнаго *хвоста* съ его претензіями. Этотъ хвостъ является таинственнымъ deus ex machina направляющимъ всѣ помыслы насикскихъ брамановъ pro и contra. Объ этомъ *хвостѣ* было исписано болѣе

* См. *Asiatic Journal* 1827, vol. XXIII, p. 353.

бумагъ и прошеній нежели въ ссорѣ о гусѣ между Иванъ Иванычемъ и Иванъ Никифорычемъ, и пролито болѣе чернилъ и желчи нежели имѣлось грязи въ Миргородѣ съ сотворенія міра. Свинья, такъ благополучно рѣшившая пресловутый Гоголевскій споръ, была бы неоцѣненнымъ благодѣяніемъ въ Насикѣ по этому щекотливому дѣлу. Къ сожалѣнію, даже „свинья“, если она только „русская“, немыслима въ Индіи: Англичане тотчасъ же заподозрили бы ее и арестовали бы какъ *русскую шпіонку*...

Въ Насикѣ показываютъ ванну Рамы; лепелъ набожныхъ Индусовъ привозится сюда издалека дабы быть брошеннымъ въ священныя воды Годавари и смѣшаться на вѣки съ *Гангомъ*. Въ одной древней рукописи упоминается указъ главнаго изъ полководцевъ Рамы, о которомъ впрочемъ не упоминается въ *Рамаянѣ*. Въ этомъ указѣ говорится о рѣкѣ Годавари, какъ о пограничной линіи между царствами Рамы, царя *Аюдьи* (Аудъ) и Раваны, царя Ланки. Легенды же и поэма Рамаяны указываютъ на это мѣсто какъ на то гдѣ Рама увидѣвъ на охотѣ прелестную антилопу и, сгарая желаніемъ поднести шкуру ея своей возлюбленной Ситтѣ, впервые перешелъ границу собственнаго царства и вступилъ въ область неизвѣстнаго сосѣда. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что и Рама и Равана и даже быть-можетъ Хануманъ, произведенный почему-то въ обезьяну, историческія, когда-то дѣйствительно существовавшія личности. Ходили глухіе толки, лѣтъ 50 тому назадъ, о томъ что у брамановъ находятся въ рукахъ много чрезвычайно цѣнныхъ рукописей. Говорили что одна изъ нихъ цѣликомъ относится къ той до-исторической эпохѣ, когда Арійцы, впервые вторгшись въ страну, затѣяли безконечную войну съ темными Аборигенами Южной Индіи. Эти толки заставили было одного изъ „коллекторовъ“, нѣчто въ родѣ уѣздныхъ начальниковъ (сколько я понимаю), совѣтовать правительству „заставить брамановъ *силою* выдать всѣ подобныя рукописи; тщательно обыскать всѣ углы лагодъ, ворваться въ ихъ тайники и, не взирая на протесты суевѣрныхъ фанатиковъ, доказать имъ что Англичане властелины, а они *рабы*. Къ счастію *властелиновъ*, а быть-можетъ къ несчастію *рабовъ*, они этой глупости не сдѣлали. Фанатизмъ въ дѣлѣ религіи есть единственное звено крѣпко связующее всѣ эти враждующія секты и касты. Англичане хорошо понимаютъ это и потому никогда не оскорбятъ своихъ *рабовъ* въ вопросахъ чисто религіозныхъ. Если не самые браманы, то ихъ храмы и алтари безусловно *неприкосновенны*.

Самое однакоже интересное въ Насикѣ—пещерные храмы расположенные въ пяти миляхъ отъ города. Отправляясь осматривать ихъ на другой день нашего пріѣзда, мнѣ и не снилось что „хвостъ“ станетъ снова играть значительную роль въ нашемъ визитѣ въ Насикъ; что на этотъ разъ онъ положительно спасетъ меня, если не отъ смерти, то отъ очень непріятныхъ и быть-можетъ опасныхъ ушибовъ. Вотъ какъ это случилось.

Такъ какъ приходилось долго ѣхать въ крутую гору, то мы рѣшились отправиться на слонахъ. Намъ привели лучшую парочку въ городѣ, самца и самку, на которыхъ, по увѣренію хозяина, „ѣздилъ самъ принцъ Вельскій и остался доволенъ“. За все удовольствіе туда и назадъ, на цѣлый день мы сторговались заплатить по двѣ рупіи за слона, ударили по рукамъ и стали приготовляться.

Наши товарищи туземцы, съ малолѣтства привыкшіе джигитовать на слонахъ, мигомъ очутились на спинѣ у своего. Какъ мухи облѣпили они его, преспокойно разсѣвшись гдѣ ни попало, цѣпляясь за разныя веревочки сидѣній гораздо болѣе пальцами ногъ нежели рукъ и вообще представляя картину полнаго довольства и комфорта. Подъ насъ, Европейцевъ, какъ самую смирную изъ двухъ, приготовили слониху, на спинѣ которой прикрѣпили нѣчто въ родѣ двухъ скамеечекъ, на сидѣньи покатомъ на обоихъ бокахъ и безъ малѣйшей опоры для спинъ. Недовѣрчиво посматривали мы на это „усовершенствованное“ сидѣнье, но дѣлать было нечего. Нашъ вожакъ (махутъ) помѣстился между ушами громаднаго животнаго (о ростѣ котораго несчастные подростки показываемые въ странствующихъ циркахъ Европы даютъ весьма слабое понятіе), а мы, съ постыднымъ чувствомъ мурашекъ по всему тѣлу, кое-какъ взлѣзли по лѣсенкѣ на спину слонихи ставшей по приказанію *махута* на колѣна. Она отвѣчала поэтическому названію *чанчули-пери* (въ переводѣ „дѣятельная пери“) и была дѣйствительно самая послушная и веселая изо всѣхъ когда-либо встрѣчаемыхъ мною слоновъ. Крѣпко цѣпляясь другъ за друга, мы наконецъ подали сигналъ, и *махутъ*, вооруженный желѣзнымъ дро-

тикомъ, ткнулъ животное остріемъ онаго въ правое ухо. Установясь сперва на переднія ноги, отъ чего насъ отбросило назадъ, слониха тяжело приподнялась затѣмъ на заднія, и мы едва удерживаясь отъ паденія, крѣпко грохнулись, чуть было не вышвырнувъ *махута* съ мѣста. Но этимъ не окончилось еще наше испытаніе. При первыхъ шагахъ *Пери* мы всѣ четверо развалились въ разныя стороны какъ комки киселя...

Пришлось остановиться. Насъ кое-какъ подобрали, причемъ добродушная *Пери* много помогала намъ хоботомъ. Мы отправились далѣе. Съ ужасомъ подумывая о предстоящихъ намъ пяти миляхъ подобнаго путешествія и стыдясь отказаться отъ поѣздки, мы однако съ гнѣвомъ отвергли постыдное предложеніе хохотавшихъ товарищей быть привязанными къ сидѣнью.... Чуть не пришлось мнѣ горько раскаяться въ своемъ самолюбіи. Этотъ непривычный намъ способъ локомоціи являлся чѣмъ-то невообразимо фантастическимъ и вмѣстѣ глупымъ. Рысью бѣжавшая возлѣ важно шагающей слонихи лошадь съ багажомъ казалась намъ, съ непривычной высоты, какимъ-то малымъ осленкомъ. Каждый шагъ *Пери* превращалъ насъ въ акробатовъ, заставляя выкидывать самыя неожиданныя штуки. Шагнетъ она правою ногой и мы ныряемъ впередъ; лѣвою—мы какъ снопы валимся назадъ, все время въ добавокъ, перетряхаемые съ одного ея бока на другой. Это ощущеніе, особенно подъ палящимъ солнцемъ, стало въ скорости переходить въ лихорадочный бредъ: оно являлось чѣмъ то среднимъ между морскою болѣзнью и кошмаромъ во снѣ. Къ довершенію удовольствія, только что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинкѣ, на окраинѣ глубокаго оврага, въ гору, какъ вдругъ наша *Пери* тяжело остулилась. Этотъ неожиданный толчокъ заставилъ меня окончательно потерять равновѣсіе: сидя на задней части спины слонихи, на *почетномъ* мѣстѣ экипажа, я неудержимо покатился внизъ, и въ слѣдующую затѣмъ секунду непремѣнно очутился бы съ непріятнымъ для своей особы изъяномъ на днѣ оврага, еслибы не удивительный инстинктъ и понятливость умнаго животнаго. Слониха задержала мое паденіе со своей „покатости“, буквально поймавъ меня на лету *хвостомъ*. Чувствуя вѣроятно что я падаю, она крѣпко и ловко обвила хвостъ вокругъ моего туловища и тутъ же остановясь какъ вкопаная стала опускаться на колѣна. Но природная тяжесть моя дала себя вѣроятно знать и оказалась не подъ силу тонкому хвосту добраго животнаго. Хотя *Пери* и не выронила меня, но за то быстро опустилась на землю тутъ же тихо и жалобно замычала, вѣроятно размышляя что чуть было не поплатилась собственнымъ хвостомъ за свое великодушіе. Такъ по крайней мѣрѣ заявилъ соскочившій мигомъ съ ея головы *махутъ*, бросившійся на помощь мнѣ и принявшійся осматривать якобы „поврежденный“ хвостъ слонихи. И тутъ произошла сцена какъ нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность къ наживѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ трусость низшаго класса Индусовъ, „безкастниковъ“ *(outcastes)*, какъ ихъ здѣсь называютъ.

Сперва хладнокровно осмотрѣвъ хвостъ и для вящей провѣрки крѣпко дернувъ его нѣсколько разъ, онъ уже собирался возвратиться на свое мѣсто, но услыхавъ мое неосторожное соболѣзнованіе о хвостѣ *Пери*, онъ внезапно и самымъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилъ тактику. Бросившись плашмя наземь, онъ вдругъ сталъ кататься по ней, испуская все время ужасные, дикіе вопли. Рыдая на всю долину, онъ сталъ приговаривать и причитывать какъ о покойникѣ, стараясь увѣрить публику, будто „Мамъ-Саабъ“ * оторвала у его Пери хвостъ. „Пери на вѣки осрамлена (плакался онъ). Ея супругъ, свидѣтель позора ея, гордый Айравати, прямой потомокъ любимаго слона бога Индры, теперь отвергнетъ ее, и ей остается лишь умереть“...

Такъ голосилъ *махутъ*, не взирая на всѣ увѣщанія сбѣжавшихся нашихъ товарищей. Напрасно было доказывать ему что „гордый Айравати“ не показывалъ ни малѣйшаго поползновенія поступить такъ жестоко со своею супругою, добродушною *Чанчули - Пери*, о бокъ которой онъ даже въ эту критическую минуту преспокойно чесалъ свой хоботъ, и что, у самой *Пери* хвостъ былъ цѣлъ и на мѣстѣ. Ничего не помогало! Тогда, выведенный изъ терпѣнья, нашъ пріятель Наранъ, извѣстный сплачъ, прибѣгъ къ весьма оригинальному средству. Бросивъ одною рукою на землю серебряную рулію,

* Т.-е Madame Sahib. Слово Сахибъ произносимое Саабъ приклеивается здѣсь къ каждому титулу, чину, имени. Такъ напр. говорятъ Captain-Saab, Colonel Saab, Мамъ-Саабъ и т. д.

онъ приподнялъ другою щедушную фигурку *махута* за его *дотти* * и преспокойно швырнулъ его прямо носомъ на монету. Не взирая на окровавленную физіономію и даже не обращая вниманія на нее, *махутъ* бросился на рулію съ жадностью дикаго звѣря на добычу. Много разъ простершись во прахъ предъ нами, съ нескончаемыми „сялаамами“ въ знакъ благодарности, онъ сталъ безъ малѣйшаго перехода изъявлять столько же безумной радости какъ за минуту до того выказывалъ горя. Въ заключеніе спектакля и въ знакъ того что хвостъ былъ дѣйствительно цѣлъ „молитвами *сааба*“, онъ повисъ на немъ какъ виснетъ звонарь на колокольной веревкѣ, пока его силою не оторвали и не заставили вернуться на свое мѣсто.

— Неужели все это за одну несчастную рулію? воскликнули мы въ изумленіи и дружнымъ хоромъ.

— Изумленіе ваше понятно, объявили намъ Индусы.—Трудно, особенно намъ, не чувствовать стыда и отвращенія при видѣ подобнаго униженія и жадности. Но не забудьте что этотъ несчастный *махутъ*, у котораго есть жена и вѣроятно дѣти, получаетъ отъ своего хозяина номинально 12 рулій въ годъ безъ содержанія, а *фактически* послѣдній съ нимъ чаще расплачивается пинками чѣмъ деньгами. Вспомните также долгіе вѣка угнетенія отъ своихъ же брамановъ, отъ фанатиковъ мусульманъ, видящихъ въ Индусѣ одну нечистую гадину, и наконецъ отъ нашихъ настоящихъ высоко образованныхъ, *гуманныхъ* властителей, Англичанъ, и вы, вмѣсто отвращенія, почувствуете быть-можетъ глубокое сожалѣніе къ этой карикатурѣ рода человѣческаго.

Но „карикатура“ рода человѣческаго видимо считала себя счастливою, не чувствуя ни малѣйшаго униженія. Сидя поджавъ ноги на широкой макушкѣ *Пери*, онъ ей разказывалъ про свое неожиданное богатство, и напоминая ей что она „божья“ слониха, заставлялъ кланяться *сабамъ* хоботомъ. *Пери*, въ превосходномъ расположеніи духа, вслѣдствіе пожертвованнаго ей мною цѣлаго сахарнаго тростника, забрасывала хоботъ назадъ и игриво дула намъ черезъ него въ лицо...

---

* *Дотти* длинный кусокъ матеріи которою обвиваютъ себѣ Индусы верхнюю часть ногъ и поясницу. У простаго народа это единственная одежда, за исключеніемъ такой же тряпки на головѣ.

Письмо XI.

Изъ міра современныхъ лигмеевъ, житейскихъ дрязгъ и Индіи столь падшей и униженной, мы опять въ мірѣ глубокой древности, въ мірѣ Индіи невѣдомой, великой и таинственной....

Главныя пещеры Насика высѣчены на горѣ называемой туземцами *Панду Лена*, опять-таки этимъ именемъ указывая на невымирающее, упорно переживающее вѣка преданіе, относящее всѣ подобныя циклоповы постройки къ Панду, пяти миѳическимъ (?) братьямъ до исторической эпохи страны. Единодушное мнѣніе археологовъ приписываетъ имъ чуть ли не болѣе интереса и важности нежели пещерамъ Элефанты и Карли взятымъ вмѣстѣ. И однакоже, странное дѣло! за исключеніемъ почтеннаго и ученаго Dr. Уильсона, любившаго немного „рубить съ плеча“, выдавая людскія предположенія за непогрѣшимыя аксіомы, ни одинъ изъ археологовъ еще не рискнулъ рѣшить утвердительно ни къ какой эпохѣ принадлежатъ эти пещеры, ни кѣмъ онѣ сооружены, ни даже къ какой именно изъ трехъ главныхъ религій древности принадлежали ея таинственные зодчіе.

Пещеры Насика очевидно вырывались не однимъ поколѣніемъ какъ и не одною сектой. Первое что въ нихъ поражаетъ—это грубость первоначальной работы, громадный размѣръ и дряхлость скульптуры на капитальныхъ стѣнахъ въ то время какъ рѣзьба и изваянія на шести колоссахъ поддерживающихъ главную пещеру во второмъ этажѣ великолѣпно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляетъ думать что пещера была начата много вѣковъ до своего окончанія. Но когда же хоть приблизительно? Одна изъ переведенныхъ санскритскихъ надписей находящихся на работахъ гораздо позднѣйшей эпохи (на подножіи одного изъ колоссовъ) прямо указываетъ на 453 годъ до Р. Х. какъ на годъ этихъ пристроекъ. Такъ по крайней мѣрѣ доказываютъ по астрономическимъ даннымъ на этой надписи Гибсонъ, Бёрдъ, Стивенсонъ, Ривзъ и нѣсколько ученыхъ воспитанныхъ на западѣ, стало-быть не предубѣжденныхъ туземныхъ пандитовъ. Да впрочемъ число по соединенію планетъ очевидно; оно обозначаетъ или 453 годъ до Р. Х., или 1734 нашей эры, или же 2640 лѣтъ до Р. Х., что невозможно, такъ какъ въ надписи говорится о Буддѣ и буддистскихъ монастыряхъ. Перевожу главныя и самыя интересныя фразы изъ оной

по переводу сдѣланному сперва Dr. Стивенсономъ и переправленному въ коллегіи санскритскихъ правительственныхъ пандитовъ въ Бенаресѣ:

Совершеннѣйшему и Высшему. Да окажется сіе благопріятнымъ ему! сыномъ царя Кшапáраты, властелина племени Кшатрій (т.-е. воиновъ) и покровителя людей, владыкой Диника, лучезарнымъ какъ заря, приносится сей даръ сто тысячъ коровъ пасущихся на рѣкѣ Банáза вмѣстѣ съ рѣкой, а также даръ злата, имъ строителемъ сего святаго пристанища боговъ, и мѣста для укрощенія страстей для брамановъ. Нѣтъ болѣе желаннаго мѣста нежели это мѣсто и даже въ Прабхазѣ, куда стекаются сотни тысячъ брамановъ, повторяя священный стихъ; ни въ святомъ градѣ Гаіа, ни на Крутой горѣ возлѣ Дазатуры, ни на Змѣиномъ полѣ въ Говардханѣ, ни во градѣ Пратисраи, гдѣ монастырь буддистовъ, ни даже въ зданіи воздвигнутомъ Деванакарой на берегу *пръсноводнаго* моря (?). Это мѣсто доставляющее несравненныя милости, пріятное и во всѣхъ отношеніяхъ полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета. Безопасная лодка присланная въ даръ также имъ, строителемъ безплатнаго парома, ежедневно переплываетъ къ хорошо охраняемому берегу. Имъ также строителемъ зданія для путниковъ и публичнаго резервуара воды злаченый левъ былъ поставленъ у постоянно осаждаемыхъ толпою воротъ этой *Говардханы*; также, другой (левъ) у перевоза, а еще другой у Раматирты. Для тощаго стада всегда найдется здѣсь разныхъ родовъ кормъ; для такого стада, болѣе ста родовъ травъ и тысячи горныхъ корней припасены этимъ щедрымъ дарителемъ. Въ этой же самой *Говардханѣ*, въ лучезарной горѣ, сія вторая пещера была вырыта по приказанію той самой благотворительной особы, *въ тотъ самый годъ когда почитаемые людьми, Солнце, Сукра и Раху* были въ полномъ ликованіи своего восхода*; въ этотъ-то годъ и были дары поднесены. *Лакшми, Индра* и *Яма*, ** освятивъ ихъ, отправились назадъ съ кликами торжества на свою колесницу поддерживаемую заклинательными мантрами, на безпрепятственномъ пути; *** когда всѣ они (боги) уѣхали, то полилъ проливной дождь и т. д.

Первыя пещеры вырыты на конусообразномъ холмѣ, и саженъ 40 отъ подножія. Въ главной, въ 45 квадратныхъ шаговъ, стоятъ три фигуры Будды; въ боковыхъ лингамъ; затѣмъ два Джаинскіе идола, а въ верхней пещерѣ находится идолъ или скорѣе статуя *Джаржы Раджи*, или *Юдишгиры*, стараго Панду котораго здѣсь обоготворили и которому поклоняются въ собственномъ, въ честь его воздвигнутомъ между Пентомъ и Насикомъ храмѣ. Затѣмъ цѣлый лабиринтъ келій очевидно буддисткихъ отшельниковъ, громадная статуя Будды въ лежачемъ положеніи; другая такихъ же колоссальныхъ размѣровъ и окруженная колоннами съ капителями украшенными фигурами различныхъ звѣрей. Стили всѣхъ эпохъ какъ и всѣхъ сектъ перемѣшаны и перепутаны какъ разнородныя деревья въ лѣсу.

Весьма замѣчательно то обстоятельство что почти всѣ безъ исключенія пещерные храмы Индіи вырыты въ конусообразныхъ скалахъ и горахъ, словно древніе строители нарочно отыскивали подобныя природныя пирамиды. О странной и необычайной, нигдѣ невиданной мною кромѣ Индіи формѣ уже замѣчено мною во время поѣздки въ Карли. Случай ли это, или же одно изъ правилъ религіознаго зодчества тѣхъ далекихъ временъ? И кто подражатель другаго? Зодчіе ли египетскихъ пирамидъ, или же неизвѣстные строители подземныхъ храмовъ Индіи? Какъ въ однихъ такъ и въ другихъ все кажется геометрически разчитаннымъ и, какъ и въ пирамидѣ, входъ во храмы находится не внизу, но на извѣстномъ разстояніи отъ подножія горы. Природа, какъ извѣстно, никогда не подражаетъ искусству, а послѣднее, напротивъ, всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже въ этомъ сходствѣ между символами Египта и Индіи не найдется ничего кромѣ случайности, то остается только сознаться что игра случая бываетъ иногда необъяснима. Далѣе намъ придется, быть-можетъ, представить болѣе вѣскія доказательства тому что Египетъ заимствовалъ многое у Индіи. Не забудемъ что начала фараоновскаго царства совершенно неизвѣстны наукѣ; а то малое что мы успѣли узнать не только не противорѣчитъ этой теоріи, но даже указываетъ на Индію какъ на колыбель и первобытную родину Египтянъ. Такъ въ своей *Исторіи Индіи*, Коллука-Батта писалъ еще во дни глубокой древности слѣдующее:

„Во время царствованія Висвамитры, перваго царя Сома-Вангской династіи, вслѣдствіе пятидневнаго сраженія, Ману-Вена, наслѣдникъ древнихъ царей, покинутый браманами, эмигрировалъ со всею арміей, и

---

* *Раху* и Кехетти двѣ неподвижныя звѣзды составляющія голову и хвостъ созвѣздія Дракона; Раху также одна изъ девяти планетъ.

** То-есть созвѣздіи—Дѣвы, Водолея и Тѣльца, надъ которыми начальствуютъ и которыя посвящены этимъ тремъ изъ двѣнадцати высшихъ боговъ.

*** На небесномъ пути.

пройдя страну Аріи и Барріи, дошелъ наконецъ до береговъ *Масры*....“ *

А если намъ отвѣтятъ что „Каллука-Батта“ историкъ до того древній что санскритологи до сей поры ссорятся изъ-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху и поэтому благоразумно колеблются между 2.000 лѣтъ до Р. Х. и эпохой императора Акбара (т.-е. какъ разъ во времена Іоанна Грознаго), то вотъ что говоритъ историкъ болѣе современный и всю жизнь свою изучавшій Египетъ (не въ Лондонѣ или Берлинѣ, по примѣру многихъ его коллегъ, а въ самомъ Египтѣ) прямо съ надписей древнѣйшихъ саркофаговъ и папирусовъ, словомъ Генрихъ Брюгшъ-бей.

„...Повторяю, это мое нелоколебимое убѣжденіе что Египтяне пришли изъ Азіи, далеко до историческаго періода и перейдя этотъ мостъ всѣхъ націй—Суезскій перешеекъ, нашли новое отечество на берегахъ Нила.“ Есть доказательства что во времена одиннадцатой династіи, Египтяне вели торговлю съ Аравіей и берегами Индійскаго Океана, кто знаетъ съ какихъ незапамятныхъ временъ? А надпись найденная на скалѣ Хаммамата говоритъ что *Санкара*, послѣдній царь одиннадцатой династіи, послалъ вельможу Ханну въ *Пунтъ* или Пёнтъ (?): „Я былъ посланъ везти корабли въ страну Пунта, дабы привезть домой душистой камеди собираемой принцами Красной Земли,“ гласитъ надпись. Комментируя эту надпись, Брюгшъ-бей объясняетъ что „подъ именемъ Пунта древніе жители *Кеми* (Египта) подразумѣвали дальнюю страну омываемую большимъ океаномъ, страну полную горъ и долинъ, изобилующую чернымъ деревомъ и другимъ дорогимъ лѣсомъ, бальзамомъ, ладономъ, драгоцѣнными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими звѣрями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макаками.“ Даже имя обезьяны на древне-египетскомъ языкѣ *Кафъ*, *Кафи*, и которыхъ Израильтяне называли *Кофъ*, чисто санкритское—*Капи*.

Этому „Пунту“ (очевидно Индія) легендарныя сказанія уже весьма древняго Египта придавали весьма священный характеръ; ибо Пунтъ (или Пентъ) * былъ „первобытною обителью боговъ, которые именно оттуда, подъ предводительствомъ *А-Мона*, (Ману-Вена, Каллуки-Битта?) *Хора и Хатора отправились по направленію долины Нила и благополучно прибыли въ Кеми.*“ **

Не даромъ Хануманъ имѣетъ такое родственное сходство съ египетскимъ священнымъ Ценокефаломъ (*Cenocephalus*), а эмблемы *Озириса* и *Шивы* однѣ и тѣ же. *Qui vivra verra!*...

Обратный путь въ городъ на „Перу“ оказался пріятнѣе. Мы приноровились къ ея шагу и въѣзжая въ Насикъ почувствовали себя безподобными наѣздниками. За то въ продолженіе цѣлой недѣли мы едва могли ходить отъ боли въ поясницѣ.

Письмо XII.

На вопросъ—кто бы что предпочелъ еслибы пришлось выбирать между слѣпотой и глухотой—девять изъ десяти всегда скорѣе помирятся съ послѣднею. А если тотъ кому пришлось хоть разъ заглянуть въ одинъ изъ волшебныхъ уголковъ Индіи часто напоминающей вамъ самыя фантастическія и казалось бы въ природѣ невозможныя декораціи „Большой Парижской оперы“, — этой страны мраморныхъ кружевныхъ дворцовъ и заколдованныхъ садовъ,—то, въ добавокъ къ глухотѣ, всякій рѣшился бы кажется скорѣе еще захромать на обѣ ноги нежели лишиться подобныхъ зрѣлищъ.

Разказываютъ какъ великій поэтъ Саади разъ горько жаловался на равнодушіе друзей которымъ будто бы надоѣдали его безконечныя, восторженныя похвалы своей возлюбленной. „Еслибы, замѣчалъ онъ имъ, — вы получили хотя одинъ разъ возможность и счастіе подобно мнѣ увидать *ея* дивную красу, то лишь тогда только вполнѣ поняли бы мои стихи, непрестанно воспѣвающіе,—увы! такъ слабо и такъ блѣдно то чарующее душу чувство которое она внушаетъ всякому хотя издали увидавшему ее!...“ Я вполнѣ понимаю положеніе влюбленнаго поэта, но не виню и друзей его не видавшихъ

* *Арія*—Иранъ (Персія); *Баррія*—древнее имя Аравіи; а *Масръ* или *Масра* имя чисто египетское. „Масромъ“ мусульмане еще зовутъ Каиръ, коверкая имя въ *Мисро*, *Мусръ* и т. д.

* *Пентъ*—отъ Па-нутеръ „священная земля“ или Египетская—„страна боговъ“.

** Съ памятника 11й династіи (смотр. *Исторія Египта во времена Фараоновъ, написанная единственно съ десяти ея памятниковъ.*) Г. Брюгшъ-Бея. Томъ I, стр. 114.

его возлюбленной. Поэтому-то я и дрожу отъ боязни какъ бы читатели мои, вслѣдствіе моихъ постоянныхъ восторженныхъ рапсодій объ Индіи, не испытали на себѣ скуки друзей Саади. Но что же дѣлать бѣдному повѣствователю если на каждомъ шагу онъ открываетъ въ своей „милой“ все новыя и самыя диковинныя прелести! Самыя темныя ея стороны, отвратительныя, безнравственныя, а подъ часъ и глубоко ужасающія черты, и тѣ полны чего-то столь дико-поэтическаго, незауряднаго, чего никогда не встрѣтишь ни въ какой другой странѣ. Нерѣдко мѣстныя сцены заставляютъ непривычнаго Европейца содрагаться; но въ то же время какъ ночной призракъ онѣ притягиваютъ его, приковываютъ къ себѣ вниманіе, и отъ нихъ невозможно глазъ оторвать....

Всего этого мы насмотрѣлись вдоволь, въ продолженіе нѣсколькихъ дней нашей *école buissonière*. Дни эти мы провели далеко отъ линіи желѣзной дороги, этого проблеска цивилизаціи которая столь же къ лицу Индіи какъ модная шляпка на головѣ полуголой Перувьянки, „дѣвы солнца“ кортесовскихъ временъ.

Ежедневно бродили мы черезъ рѣки и джёнглы, по селамъ и развалинамъ старыхъ крѣпостей, по проселочнымъ дорогамъ, между Насикомъ и Джепельпуромъ; днемъ, переѣзжая изъ одной деревни въ другую, частью въ арбахъ на волахъ, иногда на слонахъ, а не то такъ и въ *палкахъ* (въ паланкинахъ) и верхомъ, а ночью—обыкновенно разбивая палатку гдѣ ни попало. Въ эти дни мы имѣли случай убѣдиться насколько человѣкъ, въ силу одной привычки, можетъ сдѣлаться властелиномъ, хоть и пассивнымъ, надъ самыми нелюбѣзными для всѣхъ другихъ и смертельно опасными климатическими условіями. Въ то время какъ мы „бѣлые“, не взирая на толстѣйшія пробочныя *топи* на головахъ и защиту навѣса, чуть не падали въ обморокъ и положительно *таяли* подъ нестерпимо палящими лучами солнца, и когда даже туземцы-слугники обвивали липнимъ кускомъ киссы голову, нашъ пріятель, бенгальскій *бабу*, проѣзжалъ верхомъ цѣлыя мили, подъ вертикально стрѣляющимъ въ него солнцемъ, съ голою головой!... У него даже не было съ собой и простаго *пъггри*, куска легкой матеріи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ѣхалъ онъ цѣлые часы съ непокрытою ничѣмъ кромѣ собственныхъ густыхъ волосъ макуткой, и надъ его бенгальскимъ черепомъ солнце оказывалось совершенно безсильнымъ. Этотъ народъ никогда не покрываетъ головы кромѣ торжественныхъ случаевъ когда тюрбанъ надѣвается лишь какъ принятое украшеніе, какъ цвѣты на балѣ, во время *дурбара*, свадьбы или пира.

Бенгальскіе *бабу*, занимающіе почти всѣ низшія гражданскія и особенно писарскія должности, наводняютъ всѣ желѣзнодорожныя и телеграфныя станціи, канцеляріи, почтамты и правительственныя присутственныя мѣста. Закинувъ черезъ плечо бѣлыя кисейныя мантіи на подобіе римской *тоги*, съ голыми отъ колѣнъ ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживаютъ на платформахъ станцій и предъ дверьми своихъ конторъ, съ презрѣніемъ посматривая на женственныя украшенія Махратовъ, съ ихъ кольцами на пальцахъ ногъ и рукъ и огромными серьгами въ верхней части праваго уха... Они не носятъ сектарныхъ знаковъ на лбахъ, какъ прочіе Индусы, и дозволяютъ себѣ лишь дорогіе *колье*, да и то рѣдко. И однакоже, въ то время какъ страстно преданные женоподобнымъ украшеніямъ Махраты справедливо считаются однимъ изъ храбрѣйшихъ народовъ Индіи (не разъ уже заявивъ себя очень непріятно съ этой стороны Англичанамъ) и долгими вѣками войнъ выказали себя превосходными и храбрѣйшими воинами, Бенгалія, испоконъ вѣка, изъ *шестидесяти пяти милліоновъ своихъ усителей не произвела еще на свѣтъ ни одного солдата*: среди туземныхъ войскъ англійской арміи никогда не было и нѣтъ ни одного Бенгальца. Это странный, но тѣмъ не менѣе неопровержимый *фактъ* которому мы долго не могли вѣрить, но на который должны были наконецъ сдаться предъ подтвержденіями многихъ англійскихъ офицеровъ и самихъ Бенгальцевъ. И со всѣмъ этимъ, однако, ихъ нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшіе классы раджей изнѣжены, то ихъ *земиндары* (землевладѣльцы) и поселяне несомнѣнно храбры. Обезоруженный правительствомъ Бенгалецъ идетъ на тигра своей родины, самаго свирѣпаго изо всѣхъ тигровъ Индіи, также спокойно съ дубиной какъ въ прежнія времена шелъ на него съ винтовкой и ятаганомъ.

Много глухихъ тропинокъ, быть-можетъ съ начала міра не видавшихъ надъ собою бѣлой ноги, еще болѣе чудомъ уцѣлѣвшихъ рощъ прошли и посѣтили мы въ эти короткіе дни. И всюду мы

встрѣчали привѣтъ, благодаря магическому вліянію Гулабъ-Лалъ Сингa, который за отсутствіемъ своимъ послалъ провожать насъ и руководить нами въ дорогѣ своего довѣреннаго слугу. И если бѣдные, голые крестьяне дичились и часто запирали предъ нами двери, за то всѣ браманы являлись къ нашимъ услугамъ.

Прелестны мѣстоположенія въ окрестностяхъ Кандеша, по дорогѣ въ Тхальнеръ и Мхау. Но много украшена здѣсь природа и искусствомъ человѣческимъ; и это искусство проявляется болѣе всего на мусульманскихъ кладбищахъ. Теперь всѣ они большею частью полуразрушены и заброшены только вслѣдствіе изгнанія изъ этихъ мѣстностей мусульманскихъ принцевъ и хановъ и большинства индусскаго народонаселенія. Когда-то властелины почти всей Индіи, мусульмане теперь въ загонѣ и въ тысячу разъ болѣе унижены чѣмъ Индусы. Но много они оставили по себѣ несокрушимыхъ памятниковъ, между прочимъ свои кладбища. Эта неискоренимая, честная вѣрность мусульманина своимъ покойникамъ, одна изъ самыхъ трогательныхъ чертъ въ характерѣ сыновъ Пророка. Ихъ посмертная преданность, всегда горячѣе выказываемая ими нежели ихъ любовь къ семейству при жизни, какъ бы вся сосредоточивается на послѣднихъ жилищахъ тѣхъ кто отошли до нихъ въ лучшій міръ. Насколько ихъ понятія о раѣ обѣщанномъ Магометомъ грубы и матеріальны, настолько поэтична обстановка ихъ кладбищъ, особенно въ Индіи. Въ этихъ тѣнистыхъ, прелестныхъ садахъ, съ ихъ бѣлыми гробницами чалмами увѣнчанными, покрытыми сверху до низу розами и жасминомъ съ кипарисами вокругъ, невольно можно засидѣться по цѣлымъ часамъ. Въ нихъ мы обыкновенно совершали привалы, обѣдали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возлѣ городка Тхальнеръ. Изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ историческихъ мавзолеевъ великолѣпенъ памятникъ семейства Киладара, повѣшеннаго на городской башнѣ въ 1818 году генераломъ Хислопомъ, который между прочимъ разстрѣлялъ въ тотъ же день весь сдавшійся гарнизонъ, подъ предлогомъ будто тѣ составили противъ него заговоръ. Кромѣ памятника этого повѣшеннаго злополучнаго Киладара, есть четыре другіе мавзолея, изъ коихъ одинъ славится на всю Индію. Восьмиугольной формы, весь изъ бѣлаго мрамора, онъ покрытъ сверху до низу рѣзьбой какой не найти и на *Père Lachaise*. Персидская надпись на подножіи гласитъ что онъ стоилъ 100.000 рупій. Днемъ залитый горячимъ солнцемъ, этотъ высокій, минаретообразный мавзолей отдѣляется на синевѣ безоблачнаго неба блестя какъ пирамидальная ледяная глыба; ночью, при томъ особенномъ фосфорическомъ свѣтѣ луны Индіи который приводитъ въ восторгъ всѣхъ путешественниковъ и артистовъ, онъ еще ослѣпительнѣе и поэтичнѣе. Будто вновь выпавшимъ легкимъ снѣгомъ покрыты его вершины; возвышая надъ темною зеленью кустовъ свой тонкій профиль, онъ кажется какимъ-то полуночнымъ чистымъ видѣніемъ, витающимъ надъ этою безмолвною обителью разрушенія и смерти и оплакивая невозвратимое прошлое...

А рядомъ съ такими кладбищами, обыкновенно на берегу рѣкъ, возвышаются *гхаты* Индусовъ... Есть дѣйствительно нѣчто величественное въ этомъ обрядѣ сожженія мертвыхъ, — а въ очень недалекомъ прошломъ и сожженія живыхъ,—но только въ теоріи, а не на практикѣ. Слѣдя за церемоніей и видя какъ въ какой-нибудь часъ времени послѣ смерти отъ покойника остается лишь нѣсколько пригоршней пепла, который, посвященный браманъ, жрецъ смерти, и разсѣваетъ тутъ же на всѣ четыре стороны по вѣтру, надъ рѣкою, дабы пепелъ на вѣки смѣшался со священною водой—зритель невольно пораженъ глубокою философіей основной мысли подобнаго обряда. Разбрасывая горсть того что нѣкогда жило и чувствовало, любило и ненавидѣло, радовалось и плакало, браманъ поручаетъ пепелъ всего этого четыремъ стихіямъ: „*Землѣ*,— изъ которой оно мало-по-малу развилось и сформировалось въ человѣка и которая такъ долго питала его; *Огню*, эмблемѣ чистоты, пожравшему его тѣло, дабы духъ его также былъ очищенъ имъ отъ всего грѣховнаго и могъ свободнѣе вращаться въ той новой сферѣ загробнаго существованія гдѣ каждый грѣхъ является камнемъ преткновенія на пути души человѣческой къ „Мокшѣ“ или вѣчному блаженству; *воздуху* которымъ онъ дышалъ и тѣмъ самымъ жилъ, и *водѣ* которая очищала его физически какъ и духовно, попла его и теперь принимаетъ его пепелъ въ *чистое* лоно свое...“ (Мантра XII.)

„Чистое“, какъ прилагательное, является здѣсь только въ фигуральномъ смыслѣ „мантры“. Говоря вообще, рѣки въ Индіи, начиная съ трижды священнаго Гангéса, невообразимо грязны, особенно близъ городовъ и селеній. Двѣсти милліоновъ человѣкъ кругымъ счетомъ обмываются въ нихъ отъ троическаго пота и грязи, по нѣскольку разъ въ день; а *касты* недостойныя сожженія, какъ шудры, паріи, мѣнги и пр., бросаютъ въ нихъ въ добавокъ всѣхъ своихъ покойниковъ какъ и дѣтей всѣхъ кастъ, браманъ включительно, умершихъ ранѣе трехлѣтняго возраста.

Пройдемся вдоль береговъ любой рѣки, но только поздно вечеромъ, чтобы провесть тамъ ночь и дождаться разсвѣта. Вечеромъ хоронятъ лишь богатыхъ или принадлежавшихъ къ высшимъ кастамъ. Только для таковыхъ зажигаются послѣ заката солнечнаго высокіе костры изъ сандальнаго дерева вдоль священныхъ водъ; для нихъ однихъ произносятся мантры и заклинанія богамъ, а для простыхъ смертныхъ, для бѣдныхъ *безкастниковъ*, нѣтъ не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостоинъ слышать, даже послѣ смерти своей, божественныхъ словъ изъ священной книги, откровенія продиктованнаго въ началѣ міра четырьмя Ритu Ведѣ-Вьязъ, великому богослову Аріяварты. Какъ не допускался онъ ближе семи шаговъ къ ступенямъ храма при жизни, такъ не допустится онъ и въ загробной жизни стать наряду съ „дважды рожденными“.

Ярко горятъ костры, протягиваясь по берегу рѣки длинною огненною змѣей. Черные силуэты странныхъ, дико-фантастическихъ фигуръ тихо двигаются среди огней, то подымая тонкія руки къ небу какъ бы въ молитвѣ, то подбавляя дровъ къ кострy, то мѣшая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнетъ снова, треща и ломаясь, и брызгая во всѣ стороны растопленнымъ человѣчьимъ жиромъ, да выплескивая подъ облака цѣлый дождь золотыхъ искорокъ тотчасъ же исчезающихъ въ густомъ облакѣ черной копоти. Это на правомъ берегу; перейдемъ на лѣвый...

Въ тотъ самый предразсвѣтный часъ когда красные огни костровъ, черные облака міазмъ и тощія фигуры факировъ прислужниковъ, отразившись въ послѣдній разъ въ темномъ зеркалѣ рѣки, одни потухаютъ, а другіе расходятся, а міазмы съ ихъ запахомъ пригорѣлаго мяса разсѣваются утреннимъ вѣтеркомъ, и все на *гхотахъ* погружается въ тишину до слѣдующаго вечера,—въ тотъ самый часъ, на противоположномъ берегу, начинается процессія другаго рода...

Печальною, безмолвною вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности въ городѣ и окрестностяхъ, тянутся Индусы обоего пола. Они подходятъ къ рѣкѣ отдѣльными группами, безъ плача, безо всякихъ обрядовъ. Вотъ двое принесли на плечахъ что-то длинное, тонкое, завернутое въ красную тряпку. Раскачавъ его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидаютъ въ желто-грязныя воды рѣки. Падая, красная тряпка слетаетъ въ сторону, и темнозеленое лицо молодой женщины показывается на одинъ лишь мигъ чтобы тотчасъ же исчезнуть въ мутныхъ волнахъ. Далѣе, другая группа. Старикъ и двѣ молодыя женщины; одна изъ нихъ, дѣвочка лѣтъ десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдаетъ съ причитаньемъ: то *мать мертваго ребенка*, котораго она тотчасъ же броситъ въ холодныя воды грязной рѣки. Слабый голосъ ея монотонно раздается по берегу, а дрожащія руки словно не находятъ силы кинуть бѣдную, маленькую фигурку, скорѣе похожую на темнокоричневаго котенка нежели на младенца. Старикъ ее уговариваетъ, затѣмъ беретъ мертвое тѣло изъ ея рукъ, и войдя въ воду по поясъ кидаетъ его на средину рѣки. За нимъ входятъ обѣ женщины, въ чемъ стоятъ, то-есть одѣтыя, или скорѣе полунагія, по обыкновенію, и погрузившись семь разъ сряду въ воду, для очищенія послѣ мертваго тѣла, выходятъ на берегъ и даже не отряхнувшись идутъ домой. Между тѣмъ, коршуны, вороны и другія хищныя птицы, цѣлый день кружащіяся надъ рѣкой въ ожиданіи добычи, собираются черною тучей надъ тѣлами и долго задерживаютъ ихъ путь внизъ по теченію. Иногда, такое обглоданное тѣло, зацѣпясь за прибрежный тростникъ или попавъ межь двухъ камней, безпомощно торчитъ изъ-подъ мелкой воды, пока наконецъ одинъ изъ прибрежныхъ *мѣнговъ*, несчастное безкастное существо, доля котораго всю жизнь отъ дня рожденія до послѣдняго вздоха возиться за подобною *нечистою* работой, не придетъ вооруженный своимъ длиннымъ шестомъ, и, зацѣпивъ застрявшій скелетъ между реберъ, не выковырнетъ его изъ-подъ камней или

тростника чтобы снова толкнуть по теченію—по дорогѣ къ синему Океану....

Но встанемъ теперь съ песчанаго п, несмотря на раннюю пору, уже накаленнаго берега. Простимся съ водянымъ кладбищемъ бѣдныхъ. Встанемъ и пойдемъ далѣе... Тяжелы и омерзительны для Европейца подобныя картины, и невольно при этомъ переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далекій сѣверъ, на тѣ мирныя сельскія кладбища, гдѣ вмѣсто рѣзныхъ мраморныхъ съ высокими чалмами гробницъ, костровъ изъ сандальнаго дерева, да грязной рѣки вмѣсто послѣдняго ложа, стоятъ кресты осѣненные старыми березами. Какъ мирно слятъ подъ высокою сочною травой наши *покойнички!* Не видалъ никто изъ нихъ, сердечныхъ, плывя внизъ по теченію, ни гигантскихъ пальмъ, ни дворцовъ мраморныхъ, ни пагодъ крытыхъ чистымъ золотомъ. Но за то, надъ ихъ бѣдными курганами цвѣтутъ и фіалки, и бѣлые ландыши, да весной заливается соловей на старой березѣ....

Для насъ, соловьи уже давно не поютъ ни въ сосѣднихъ рощахъ, ни на душѣ. Этого-то ужь тутъ всего менѣе. Но пойдемъ вдоль высокой изъ краснаго песчаника стѣны ведущей къ крѣпости когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной какъ и прочія. Стаи зеленыхъ попугаевъ, испуганные нашимъ приближеніемъ, выпархиваютъ изъ каждой полуразваленной ниши стѣны, сверкая на солнцѣ крыльями, словно летающіе изумруды. Мы на „проклятой“ Англичанами территоріи, въ странѣ Чандва́да, гдѣ во время сипайскаго мятежа, Бхили, ринувшіеся изъ-за своихъ засадъ какъ неудержимый горный потокъ въ долины, перерѣзали нѣсколько дюжинъ своихъ властелиновъ, а вмѣстѣ съ другими и капитана Гэнрѐ, возлѣ Шинара, 20 миль отъ Насика. *Татва*, древняя книга Индусовъ, разсуждающая о географіи временъ царя Азоки (250—300 до Р. Х.), учитъ насъ что земля Махратовъ оканчивается у стѣны города *Чандвадъ* или *Чандоръ*, а что Канде́шъ за рѣкой. Но Англичане не признающіе ни *Татвы*, ни другихъ какихъ авторитетовъ кромѣ себя, приказываютъ намъ вѣрить что Канде́шъ начинается у Чандорскихъ холмовъ. Поэтому, вышесказанную „крѣпость“, одну изъ самыхъ неприступныхъ, по словамъ полковника Уоллеса, „по причинѣ ея природнаго съ трехъ сторонъ укрѣпленія“, Англичанамъ пришлось брать въ 1804 году у не отдававшихъ имъ оную „мятежниковъ“ Махратовъ съ большимъ трудомъ и таковымъ же урономъ. Да и не взять бы ее имъ никогда, и ни въ какіе вѣки, когда бы не мусульмане, заклятые враги вѣчно бывало побивающихъ ихъ Махратовъ. Они открыли наконецъ полковнику Уоллесу тайну нѣкоего прохода, подъ воротами крѣпости. Тогда, ворвавшись чрезъ этотъ проходъ ночью, Англичане побѣдили крѣпко славившихъ Махратовъ, чѣмъ премного и хвалились въ послѣдствіи. Чрезъ нѣсколько времени, въ неосторожную минуту щедроты, они возвратили крѣпость Холь-Кару, съ тѣмъ чтобъ *они содержалъ* въ ней англійскихъ солдатъ, но чтобы солдаты впрочемъ считались *не на его* службѣ. Затѣмъ раскаялись даже и въ этой милости, и въ 1818 году, видя что Холь-Каръ не отдастъ имъ крѣпости назадъ безъ бою, послали туда чуть ли не цѣлую армію, подъ предводительствомъ сэръ-Томаса Гислопа, и такимъ образомъ отняли назадъ дарованное.

Письмо XIII.

Двѣнадцать миль на юго-восточной сторонѣ Чандвада находится цѣлый городъ пещерныхъ храмовъ извѣстныхъ подъ именемъ *Енкай-Тэнкай*. Опять какъ и въ прочихъ пещерахъ храмы на высотѣ ста футовъ надъ подножіемъ, а холмъ пирамидальный. Описывать ихъ здѣсь въ подробности невозможно, такъ какъ предметъ этотъ требуетъ совершенно иной разработки нежели то допускаетъ газетная статья. Поэтому, лишь бѣгло замѣчу что и въ этомъ случаѣ всѣ статуи, идолы и работа на колоннахъ приписываются *буддистскимъ* аскетамъ первыхъ вѣковъ по смерти Будды. На томъ бы и можно покончить еслибы здѣсь неожиданно не являлось для гг. археологовъ новое и гораздо болѣе серіозное затрудненіе нежели всѣ затрудненія взятыя вмѣстѣ касательно другихъ спорныхъ пунктовъ. Въ этихъ пещерахъ находится болѣе идоловъ называемыхъ *буддами* нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Они покрываютъ главныя входныя двери, густо посажены вдоль каменныхъ балконовъ, занимаютъ заднія стѣны всѣхъ келій, стоятъ на часахъ какъ чудовища-великаны у входовъ, и наконецъ двѣ такія фигуры сидятъ въ главномъ *танкѣ* (бассейнѣ) гдѣ столѣтіе за столѣтіемъ ключевая вода омываетъ ихъ по поясъ безъ малѣйшаго видима-

го ущерба для ихъ гранитныхъ тѣлъ. Между этими *буддами* есть прилично одѣтые *будды*, съ пирамидальными, многоярусными пагодами на головахъ, есть и голые; нѣкоторые въ сидячемъ положеніи, другіе представлены стоя; есть между ними колоссальной величины идолы, есть и маленькіе, найдутся и средніе. Все бы это еще ничего, хотя мы знаемъ что реформа затѣянная Гаутамой или Сиддартой-Буддой именно въ томъ и состояла чтобы вести ожесточенную войну противъ брамановъ и искоренить на вѣки идолопоклонство. Какъ извѣстно, буддизмъ игралъ ту же роль въ Индіи какую принялъ когда-то на себя протестантизмъ противъ римско-католической церкви. Эта религія сохранялась чистою, *безъ малѣйшей примѣси идолопоклонства* цѣлые вѣка, пока наконецъ не попавъ въ руки Тибетскихъ ламъ, Китайцевъ, Бурмійцевъ и Сіамцевъ, она не совратилась и не наполнилась ересями. Затѣмъ, изгоняемая изъ Индіи, преслѣдуемая ожесточенными и въ свою очередь торжествующими брамthemi, она нашла послѣднее убѣжище на островѣ Цейлонѣ, гдѣ теперь и процвѣтаетъ подобно тому алою что цвѣтетъ лишь одинъ разъ въ жизни и цвѣтъ коего убиваетъ главный корень, а сѣмена цвѣтовъ, пуская въ свою очередь отпрыски, производятъ сорную траву. Но главное затрудненіе для археологовъ состоитъ не въ идолахъ приписываемыхъ буддистамъ, а въ физіономіяхъ, въ *типѣ* всѣхъ этихъ *Енкай-Тэнкайскихъ будд*ъ. Всѣ до единаго, отъ малаго до большаго — негры: приплюснутые носы, толстѣйшія губы, профили подъ 45° угломъ и курчавые волосы! Ни малѣйшаго сходства между этою физіономіей чистокровныхъ негровъ и какимъ-либо изъ буддъ даже въ Сіамѣ или Тибетѣ, гдѣ, при монгольскихъ лицахъ съ широкими скулами и такими же широкими носами, у всѣхъ этихъ идоловъ, однако, гладкіе совершенно *прямые* волосы. Этотъ неожиданный и нигдѣ не находимый въ Индіи африканскій типъ приводитъ антикваріевъ въ полное смущеніе. Не даромъ археологи избѣгаютъ говорить объ этихъ замѣчательныхъ пещерахъ, такъ какъ послѣ Носакскихъ, пещеры Енкай-Тэнкайская для современныхъ антикваріевъ настоящія Ѳермопилы.

Мы проѣхали Малеганвъ и Чикалвалъ, гдѣ осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древній храмъ Джаиновъ, снаружи построенный безъ малѣйшаго цемента изъ сложенныхъ квадратныхъ такъ аккуратно и тѣсно прилаженныхъ камней, что даже тонкое лезвее ножа не проходитъ между ними; внутри храмъ украшенъ великолѣпною рѣзьбой. Вернувшись въ Тальнеръ, мы отправились прямо въ Гхару. Тамъ, для того чтобы посѣтить великолѣпныя развалины стариннаго, когда-то укрѣпленнаго города *Мáнду*, находящіяся въ 20 миляхъ къ сѣверо-востоку, намъ пришлось опять нанимать слоновъ. На этотъ разъ мы доѣхали благополучно и скоро. Упоминаю объ этомъ мѣстѣ, такъ какъ оно связано въ моихъ воспоминаніяхъ съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, когда-либо виданныхъ мною зрѣлищъ относящихся къ той вѣтви многочисленныхъ сектъ Индіи, что̀ обыкновенно называютъ „чортолоклонствомъ“.

Мáнду расположенъ на хребтѣ горъ Виндіи около 2.000 футовъ надъ уровнемъ моря. По увѣренію Малькольма, этотъ городъ былъ построенъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. (въ 313 году) и долго былъ столицей индусскихъ раджей Дхары. Историкъ Фириштахъ указываетъ на Мáнду какъ на резиденцію Диливара хана Гхури, перваго царя Мальвы и процвѣтавшаго отъ 1387 до 1405 года. Въ 1526 году городъ былъ взятъ приступомъ Багадуръ-шахомъ, царемъ Гуджератскимъ и затѣмъ снова взятъ обратно въ 1570 году Акбаромъ, имя коего, какъ и годъ его посѣщенія, вырѣзаны на мраморной доскѣ надъ главными воротами.

Странное чувство, должно-быть схожее съ тѣмъ которое овладѣваетъ нами особами при ихъ первомъ посѣщеніи Помпей, охватило насъ при самомъ входѣ въ этотъ огромный, пустынный, называемый туземцами „мертвый“ городъ. По всему видно что нѣкогда Мáнду былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ городовъ Индіи. Городская стѣна—*тридцать семь* миль въ окружности, по измѣренію сдѣланному въ 1852 году. Въ этомъ безконечномъ пространствѣ тянутся улицы на цѣлыя мили; по обѣимъ сторонамъ стоятъ разрушенные дворцы, валяются мраморныя колонны. Изъ - за развалившихся гранитныхъ стѣнъ зіяютъ провалья подземныхъ покоевъ, въ прохладномъ полумракѣ которыхъ проводили жаркіе дни султанши. Далѣе, разбитыя ступени, засохшіе танки, безводные резервуары, безконечно длинные дворы, мраморомъ выложенные помосты и поломанныя арки величественныхъ портиковъ. Все это

заросло вьющимися растеніями и кустами, нынѣ скрывающими берлоги дикихъ звѣрей. Высоко надъ развалинами торчатъ тамъ и сямъ полууцѣлѣвшія стѣны мраморныхъ и гранитныхъ дворцовъ, пустыя окна которыхъ, широко таращa безглазыя впадины подъ густою бахромой вѣковыхъ чужеядныхъ растеній, какъ бы хмурятся на назойливыхъ, нарушившихъ ихъ покой пришлецовъ. А еще далѣе, тамъ, въ самомъ центрѣ развалинъ, изъ разбитаго сердца опочившаго города, изъ широкой богатырской груди въ которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла цѣлая кипарисовая роща...

Казалось просто невѣроятнымъ чтобы городъ, который еще въ 1570 году назывался *Шадіабадъ*, „обителью счастья“, и несчетный разъ описанный и упоминаемый францисканскими миссіонерами: Адольфомъ Акуавива, Антаріо де-Монсеротти, Энрикесомъ и другими лицами посольства отправленными въ тотъ самый годъ изъ Гоа къ Могульскому правительству за разными привилегіями, какъ въ одинъ изъ величайшихъ городовъ того времени въ цѣломъ свѣтѣ, съ великолѣпными улицами и роскошью удивлявшею даже самые роскошные дворцы того періода въ Индіи, чтобы тотъ городъ былъ этими самыми развалинами на которыхъ мы насилу могли отыскать чистое мѣсто для палатки! Наконецъ, изъ опасенія дикихъ звѣрей мы рѣшились разбить ее въ единственномъ почти неповрежденномъ зданіи Джами Маджидъ или „Соборной мечети“. Возвышаясь на гранитной платформѣ, ступеней на двадцать пять выше площади, ведущая на нее лѣстница, мраморная какъ и все прочее, широка и мало повреждена временемъ; но за то крыша совершенно исчезла, и надъ нами сіялъ бы цѣдую ночь небесный сводъ, еслибы не случилось одного обстоятельства, о которомъ—ниже. Кругомъ главнаго строенія стоящаго на квадратной площадкѣ, съ четырехъ сторонъ идетъ низкая галлерея поддерживаемая нѣсколькими рядами огромныхъ столбовъ. Издали, не взирая на свою немного неуклюжую непропорціональную величину, это зданіе очень напоминаетъ Акрополь въ Аѳинахъ. Со ступеней, гдѣ мы расположились, видѣлся мавзолей Гушанга-Гури, царя Мальвы, возведшаго городъ до его высочайшей точки блеска и роскоши. Массивное, величественное строеніе изъ цѣльнаго бѣлаго мрамора, съ крытою галлереей на превосходно украшенныхъ рѣзьбою колоннахъ, когда-то ведшею прямо въ одинъ изъ его дворцовъ, теперь же обрамляющею глубокій оврагъ, который заваленъ камнями и заросъ кактусомъ. Внутри мавзолея пространная комната съ потолкомъ и стѣнами изъ широкихъ квадратныхъ плитъ покрытыхъ сверху до низу изреченіями изъ Корана писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофагъ самого султана. Неподалеку отъ этого жилища смерти, дворецъ Базъ-Бахадура—въ мелкихъ кускахъ, въ пыли и заросшій деревьями...

Усталые и изнемогая отъ жажды и голода, проходивъ весь день по развалинамъ, и съ тремя убитыми змѣями перекинутыми черезъ палки какъ военный трофей, мы вернулись нѣсколько времени до солнечнаго заката и усѣлись пить чай и ужинать у входа нашей палатки, уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя нежданныхъ гостей: *Патель*—офиціальное лицо, нѣчто среднее между сборщикомъ податей и мировымъ судьей сосѣдней деревни, и два землевладѣльца (*земиндары*) пріѣхали верхами засвидѣтельствовать намъ свое почтеніе и умолять какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ спутниковъ-Индусовъ съ которыми были давно знакомы, принять ихъ приглашеніе и ѣхать съ ними. Услыхавъ что мы намѣрены ночевать въ „мертвомъ городѣ“, они горячо возстали противъ этого плана. По ихъ увѣреніямъ, мы затѣяли опасное и совершенно неслыханное дѣло. Черезъ два часа развалины оживятся и изъ подъ каждаго куста, изъ подземныхъ комнатъ каждаго дома, начнутъ вылѣзать для ночнаго разбоя гіены, *читты* и тигры, не говоря о нѣсколькихъ тысячахъ шакаловъ и дикихъ кошекъ. Наши слоны или убѣгутъ или же будутъ обезсилены и съѣдены. Слѣдуетъ не теряя времени собраться въ путь и, оставивъ какъ можно скорѣе за собою развалины, ѣхать въ ихъ деревню которая отсюда всего на полчаса разстоянія. Тамъ у нихъ уже все приготовлено, и нашъ *бабу* ожидаетъ насъ.

Только въ эту минуту замѣтили мы что нашъ простоволосый и осторожный другъ блещетъ своимъ отсутствіемъ. Какъ видно, еще три часа до того онъ спустился въ долину къ своимъ знакомымъ и послалъ ихъ за нами.

Вечеръ былъ такъ хорошъ и мы такъ было славно устроились что мысль перевернуть всѣ наши планы на утро вовсе не улыбалась намъ. Къ тому же ка-

залось просто смѣшнымъ чтобы развалины, гдѣ мы спокойно проходили цѣлый день не встрѣтивъ ничего опаснѣе трехъ убитыхъ нами змѣй, были наполнены дикими звѣрями. Мы продолжали благодарить и отнѣкиваться.

— Но вамъ положительно невозможно оставаться здѣсь, настаивалъ толстый *патель*. Если случится несчастіе, то я одинъ долженъ буду отвѣчать предъ правительствомъ. Неужели вамъ пріятно будетъ провести ночь безъ сна и въ рукопашной схваткѣ съ шакалами если не хуже того?. Вы не вѣрите что окружены дикими звѣрями, невидимыми до заката солнца, но тѣмъ не менѣе опасными? Такъ повѣрьте же инстинкту слоновъ которые не трусливѣе насъ, но пожалуй умнѣе. Взгляните что они продѣлываютъ!..

Дѣйствительно, съ нашими важными, выглядывающими настоящими философами слонами происходило въ эту минуту нѣчто необыкновенное. Высоко задравъ вопросительнымъ знакомъ хоботъ къ верху, они солѣли и съ безпокойствомъ топтались на одномъ мѣстѣ. Еще минута, и одинъ изъ нихъ, разорвавъ толстую привязывавшую его къ сломанной колоннѣ веревку какъ гнилую нитку, повернулся въ одинъ пріемъ всѣмъ тяжелымъ тѣломъ и сталъ напротивъ вѣтра. Крѣпко тянулъ онъ хоботомъ воздухъ, поднявъ правую ногу какъ бы собираясь бѣжать.... Онъ очевидно чуялъ опаснаго звѣря.

Полковникъ поглядѣлъ на него черезъ очки и продолжительно свистнулъ.

— Дѣло дѣйствительно выходитъ серіозное, замѣтилъ онъ.—Ну, а какъ въ самомъ дѣлѣ на насъ нападутъ тигры....

Да, подумалось мнѣ, а Такура-то, Гулабъ-Лалъ-Синга съ нами и нѣтъ!....

Оба наши Индуса поджавъ ноги, сидѣли на коврѣ и спокойно жевали бетель. На вопросъ о ихъ мнѣніи, они хладнокровно отвѣчали что это до нихъ не касается; что мы рѣшимъ тому они и послѣдуютъ. Но остальные наши спутники, Англичане, уже перепугались и поспѣшно собирались уѣзжать. Черезъ пять минутъ мы всѣ сидѣли на слонахъ, а черезъ четверть часа, и въ тотъ самый моментъ какъ солнце заходило за гору и мигомъ распространились сумерки, мы выѣзжали изъ Акбаровскихъ воротъ и начинали спускаться въ долину.

Но не отъѣхали мы и десяти шаговъ какъ позади насъ не болѣе какъ въ полуверстѣ разстоянія, и какъ бы изъ только что оставленной нами киларисовой рощи поднялся вой и лай шакаловъ, а вслѣдъ за этимъ какъ ревъ обманутаго ожиданія, послышалось такое продолжительное громкое, вдругъ потрясшее воздухъ рычаніе, что насъ всѣхъ бросило въ холодный потъ. Нашъ слонъ рванулся впередъ и чуть было не сбилъ съ ногъ ѣхавшихъ впереди верховыхъ. Но на этотъ разъ собственно мы, наѣздники, находились въ безопасности: мы сидѣли въ крѣпкой *хаудѣ* въ плотно залертой какъ карета башнѣ.

— Вовремя же мы убрались, замѣтилъ полковникъ разсматривая изъ окна какъ верховые, человѣкъ двадцать, приведенной *пателемъ* прислуги, зажигали факелы.

Чрезъ часъ мы остановились у воротъ довольно большаго бѣнглоу, и насъ встрѣчалъ улыбаясь нашъ простоволосый спутникъ Бенгалецъ. Введя всю нашу компанію во дворъ и подъ веранду, онъ объяснилъ намъ что зная напередъ что наше „американское“ упрямство возстанетъ противъ всякаго предостереженія, онъ пошелъ на хитрость которая къ счастію и удалась.

— А теперь отправимся умыться и за ужинъ...

И онъ добавилъ наклоняясь ко мнѣ:

— Вы давно желали присутствовать на чисто индусскомъ обѣдѣ или ужинѣ. Ваше желаніе теперь исполняется. Нашъ хозяинъ браминъ, и вы первые Европейцы переступающіе порогъ его *семейнаго*, жилаго дома...

Письмо XIV.

Кому когда-либо приходило въ Европѣ въ голову что есть на бѣломъ свѣтѣ такая страна гдѣ каждый шагъ въ жизни человѣка, малѣйшій его поступокъ, особенно въ домашнемъ быту, самое незначительное дѣйствіе, связаны съ религіозными постановленіями, и *не могутъ* быть иначе совершены какъ по извѣстной программѣ? Въ этой странѣ не только всѣ крупные эпизоды жизни, всѣ главныя выдающіяся черты ея, какъ-то: зачатіе, рожденіе, переходъ изъ одного періода жизни въ другой, женитьба, родительское званіе, старость и наконецъ смерть, но даже всѣ ежедневныя отправленія, функціи физическія и физіологическія, какъ напримѣръ утреннія омовенія, туалетъ, ѣда et tout ce qui s'en suit, со дня рожденія до послѣдняго вздоха—все это должно быть исполнено по установленному браманами шаблону, *подъ опасеніемъ отлученія отъ касты*. Брама-

представляютъ безчисленныя секты этой страны. Всѣ они различной формы, разнятся и въ звукахъ; тѣмъ не менѣе всѣ подчинены одному и тому же капельмейстеру.

Насколько бы эти секты ни отличались одна отъ другой въ толкованіи своихъ священныхъ текстовъ, и какъ бы враждебно ни относились онѣ другъ къ другу, стараясь выставить впередъ и возвысить надъ прочими каждая свое божество, но всѣ онѣ и каждая изъ нихъ, слѣпо повинуясь вѣками установленнымъ обычаямъ, обязаны слѣдовать, какъ музыканты, одному дирижерскому жезлу—законамъ Ману. На одномъ этомъ пунктѣ онѣ сходятся и составляютъ единодушную, единомыслящую общину, крѣпко, неразрывно связанную массу. И горе тому кто въ этой общей симфоніи произвольно или даже нечаянно сфальшивитъ! Раздѣленные на касты, подраздѣленные въ свою очередь на многочисленныя *субъ-касты*, ихъ старшины (должность у Индусовъ наслѣдственная) и выбираемый пожизненно верховный совѣтъ каждой такой касты, держатъ своихъ членовъ что̀ называется въ „ежовыхъ рукавицахъ". Ихъ рѣшенія безаппелляціонны, и поэтому-то исключеніе или, по принятому выраженію, „отлученіе" отъ касты, является однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній, влекущимъ за собою ужасныя послѣдствія. „Отлученный" хуже прокаженнаго, такъ какъ солидарность между кастами, особенно въ этомъ отношеніи, нѣчто феноменальное и можетъ сравниться развѣ лишь съ солидарностью сыновъ Лойолы. Если, при самомъ строгомъ соблюденіи всѣхъ требованій, члены двухъ разныхъ кастъ, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимнаго уваженія и дружбы, не могутъ не только что вступать между собою въ бракъ или вмѣстѣ обѣдать, но даже и выпить, принять стаканъ воды другъ у друга, или же выкурить вмѣстѣ кальянъ, то понятно насколько строже соблюдаются подобныя запрещенія касательно „отлученнаго". Несчастный въ полномъ смыслѣ слова *умираетъ* для всѣхъ: для своихъ, столько же какъ и для чужихъ. Даже собственное семейство: отецъ, мать, жена, дѣти обязаны или отвернуться отъ него, или же быть въ свою очередь отлученными. Нѣтъ надежды на замужство его дочерей, на женитьбу сыновей, насколько бы дѣти ни были неповинны въ наказуемомъ грѣхѣ...

Съ минуты „отлученія" Индусъ какъ бы исчезаетъ для всѣхъ любившихъ и знавшихъ его. Его мать, жена, дѣти, не смѣютъ накормить его, ни даже позволить напиться изъ домашняго колодца. Никто изъ прежней касты — тѣмъ менѣе изъ другихъ, ни за какія деньги не осмѣлится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть съ голоду, или же еще болѣе *осквернить* себя, покупая необходимое у *безкастниковъ* или у Европейцевъ. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать „отлученнаго", даже убивать его, такъ какъ онъ былъ *внѣ* закона. Теперь онъ, конечно, безопасенъ отъ послѣдняго; но теперь, какъ и тогда, если по волѣ судебъ ему случается умереть *до* своего прощенія и возвращенія въ касту, для него нѣтъ ни священнаго костра, ни обрядовъ очищенія: „манги" бросаютъ его въ кусты или въ воду какъ дохлое животное...

Понятно что противъ такой силы—она тѣмъ страшнѣе въ своей пассивности что противъ послѣдней законъ совершенно безсиленъ—не помогутъ ни западное воспитаніе, ни англійское вліяніе. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможнымъ униженіямъ, а благодаря алчности брамановъ, иногда и полному разоренію. Я знаю лично нѣсколько брамановъ, кончившихъ самымъ блестящимъ образомъ курсъ въ англійскихъ университетахъ, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всѣмъ отвратительнымъ требованіямъ „очищенія", а именно: сбривать половину усовъ и бровей, ползать голыми на животѣ вокругъ пагодъ, держаться по часамъ за хвостъ *священной* коровы читая молитвы, и наконецъ, ѣсть испражненія этой коровы! * Путешествіе за море (*калапани*, т.-е. за „черную воду") считается самымъ тяжкимъ изъ грѣховъ и требуетъ, вслѣдствіе этого, самыхъ строгихъ очищеній. На совершившаго такой поступокъ справедливо взираютъ какъ на человѣка который отъ самой минуты отъѣзда на кораблѣ *беллати* (иностранцевъ) до минуты возвращенія осквернялся постоянно... Всего нѣсколько дней тому назадъ, одинъ нашъ знакомый докторъ юриспруденціи, блистательно окончившій курсъ въ Англіи,

* Называется *панчъ-гайя*, дословно „пять коровьихъ" (принадлежностей): смѣсь изъ молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементовъ...

вынужденъ былъ пройти чрезъ подобное „чистилище“ и чуть съ ума не сошелъ. На наше замѣчаніе для чего же ему подчиняться всему этому если, по собственному сознанію, онъ давно пересталъ вѣрить въ браманизмъ и сдѣлался ярымъ „матеріалистомъ“, онъ намъ привелъ причины противъ которыхъ возражать было невозможно. „У меня въ домѣ двѣ дочери (говорилъ онъ), одна пяти, другая шести лѣтъ; если я ихъ не выдамъ замужъ, особенно старшую, въ продолженіе этого года, то ихъ станутъ считать перезрѣлыми и на нихъ уже никто не женится. Долустивъ себя быть отлученнымъ, я ихъ этимъ безчещу, ставлю въ невозможность найти мужей и дѣлаю ихъ на вѣки несчастными. Затѣмъ старуха мать, которая до того суевѣрна что, вслѣдствіе такого семейнаго позора, непремѣнно покончитъ съ собою: она уже не разъ грозила мнѣ самоубійствомъ“... Но, быть-можетъ, замѣтятъ намъ: почему бы ему, человѣку образованному, разомъ не разорвать всякую связь съ браманизмомъ и кастой? Почему бы не соединиться съ другими товарищами въ подобномъ ему положеніи? Забравъ семейство и всѣхъ ему близкихъ—не перейти цѣлою колоніей на сторону цивилизаціи, присоединиться къ Европейцамъ?

Вопросъ весьма естественный, но и отвѣтъ на него далеко не затруднителенъ. Какъ въ знаменитомъ отвѣтѣ одного маршала Наполеону, изъ тридцати двухъ приведенныхъ имъ причинъ почему нельзя было атаковать нѣкоей крѣпости, первою причиной являлось отсутствіе пороха, такъ что о другихъ причинахъ спрашивать было нечего, такъ и изъ многихъ причинъ почему для Индуса немыслимо *объевропеиться*,—первая должна оказаться совершенно достаточною и конечно не потребуетъ указанія остальныхъ. Разрубивъ Гордіевъ узелъ, Индусъ не только не помогъ бы горю, но попалъ бы прямо изъ огня да въ полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь онъ въ наукѣ соперникомъ какого - нибудь Тиндаля, въ политикѣ равенъ Дизраэли и Бисмарку, принадлежи онъ къ знатнѣйшему роду,—какъ только онъ отрекается отъ своей касты и соотчичей, такъ разомъ становится въ положеніе гроба пророка Магомета: говоря метафорически, онъ повиснетъ между небомъ и землей!...

Мудрая поговорка: „отъ своихъ отсталъ, а къ чужимъ не пристalъ“, кажется, сложена нарочно для этого злополучнаго народа. Напрасно воображаютъ будто отстраненіе какъ Индійцевъ-магометанъ, такъ и Индусовъ * отъ гражданской службы есть лишь результатъ несправедливой, трусливой политики боящейся привлеченія своихъ заклятыхъ враговъ къ управленію страной. Общественный остракизмъ и совершенно откровенно выказываемое со стороны Англичанъ враждебно-презрительное чувство „высшей“ къ „низшей“ (по англійскимъ понятіямъ) расѣ играетъ въ этомъ вопросѣ гораздо болѣе серіозную роль нежели то предполагаютъ даже въ Англіи. Это незаслуженное чувство презрѣнія показываемое при всякомъ случаѣ туземцамъ (включая тутъ и мусульманъ) ежегодно расширяетъ между двумя націями пропасть, которой имъ и вѣками не засыпать. Приведу два примѣра:

Мы гостили у одного весьма вліятельнаго здѣсь лица, редактора англійской газеты, и имѣли случай познакомиться съ однимъ чрезвычайно замѣчательнымъ мусульманиномъ, молодымъ человѣкомъ изъ высшей туземной аристократіи, Сеидомъ М. Что туземецъ принятъ въ домѣ посѣщаемомъ всѣмъ мѣстнымъ англійскимъ beau monde объясняется двумя причинами: волервыхъ, мистеръ С*** далеко не заурядный Англичанинъ, а джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова; вовторыхъ, этотъ куріозъ, какъ намъ кажется, можно отчасти объяснить тѣмъ что Сеидъ М., не въ примѣръ прочимъ, носитъ европейское платье, воспитывался въ Англіи и человѣкъ не только талантливый, но въ добавокъ сумѣвшій заставить даже Англичанъ уважать его. Горячій патріотъ, онъ бросилъ адвокатуру, обѣщавшую ему громкое имя и еще бо́льшее состояніе, и перешелъ на гражданскую службу, принявъ мѣсто судьи въ незначительномъ округѣ изъ-за одной надежды, по его словамъ, „хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положеніе туземцевъ“. Единственный быть-можетъ примѣръ между индійскими му-

* Европейцы весьма часто впадаютъ въ ошибку, смѣшивая индійскихъ мусульманъ съ *Индусами*. Первые даже оскорбляются этимъ названіемъ и зовутъ себя индійскими *могулами*. Тѣ—Семиты, а Индусы Арійскаго племени и разнятся во всемъ.

сульманами, онъ не дѣлаетъ разницы между Могулами и Индусами и одинаково горячо защищаетъ интересы обѣихъ расъ. Его любовь къ Индусамъ даже чуть ли не горячѣе привязанности къ одновѣрцамъ: мать Сеида была перешедшею въ мусульманство браминкой...

— Всѣ мы, туземцы, дѣти одной и той же несчастной матери нашей, Индіи, говорилъ онъ намъ недавно, выражаясь привычнымъ ему восточнымъ и весьма поэтическимъ слогомъ.—Сыны одной горькой участи, наша обязанность дружно нести ее, а не растравлять наболѣвшія язвы расприми между двумя фанатическими религіями.

Это говорилось вслѣдствіе только что происшедшаго публичнаго въ Бенаресѣ побоища между Могулами и Индусами во время и по случаю религіозныхъ празднествъ первыхъ.

Сеидъ М.*** заѣзжалъ къ намъ каждый день и обыкновенно тотчасъ же заводилъ бесѣду о „болячкахъ“ Индіи, какъ онъ ихъ называлъ, и по цѣлымъ часамъ бывало спорили — С. отстаивая Англичанъ, М. доказывая угнетенное положеніе туземцевъ, несправедливость къ нимъ англо-индійскаго общества и невыносимое высокомѣріе Британцевъ въ Индіи. Разъ у нихъ зашелъ споръ горячѣе обыкновеннаго, по поводу только что вышедшихъ въ Калькуттѣ новыхъ гражданскихъ служебныхъ постановленій. М. спрашивалъ почему, напримѣръ, изъ двухъ чиновниковъ, Англичанина и туземца, въ совершенно равныхъ чинахъ и занимающихъ совершенно одинаковыя должности (окружнаго судьи напримѣръ), Англичанинъ получаетъ на 35, а иногда съ разными натяжками и до 60 процентовъ болѣе годоваго оклада нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для лѣтней кочевки экстренныя суммы, такъ-называемыя „лагерныя“, каждый годъ „вспомогательныя“, а туземцу *ничего* кромѣ жалованья? „И вѣдь все это изъ денегъ Индіи (добавилъ онъ), то-есть изъ кроваваго пота несчастной дойной коровы Англіи, коровы уже до того передоенной что слѣдуетъ только удивляться какъ у ней до сихъ поръ не отвалилось вымя“....

Припертый такимъ образомъ къ стѣнѣ, С., блестящій писатель и такой же ораторъ, знакомый съ политическимъ направленіемъ Калькуттскаго кабинета какъ съ собственнымъ карманомъ, не нашелся что на это отвѣтить и сказалъ парадоксальную глупость: „Не забудемъ (пробормоталъ онъ) что *мы* въ этой странѣ *изгнанники*; что вы, Индійцы, по вашему же собственному сознанію, нуждаетесь въ насъ, и что *было бы несправедливостью заставлять насъ служить вашей странѣ безъ хорошаго вознагражденія*. Вы, туземцы, обязаны платить намъ; наши нужды, наконецъ, болѣе вашихъ“....

У М. отъ изумленія даже опустились руки.

— „Изгнанники?“... воскликнулъ онъ наконецъ.—Вы изгнанники? Да кто же васъ просилъ пріѣзжать сюда изъ-за морей спасать насъ? Неужели....

Но онъ не докончилъ. Подъ перестрѣльнымъ огнемъ нашихъ изумленныхъ взглядовъ, при этой комической выходкѣ, самъ С. расхохотался надъ самимъ собою....Онъ видимо старался замять этотъ щекотливо-политическій разговоръ. Но М. не унимался; очевидно у него сильно накипѣло на сердцѣ, и онъ черезъ нѣсколько минутъ снова повелъ атаку,

— Вотъ, замѣтилъ онъ,—мы съ вами старые друзья, и вы принимаете меня какъ равнаго. Но вѣдь это не потому что мои прадѣды были въ продолженіе стольких вѣковъ первыми сановниками Могульской имперіи, или что мы ведемъ свой родъ прямо отъ дочери пророка Магомета.... а просто отъ того что я въ Англіи сдѣлался болѣе или менѣе похожимъ на *джентльмена*, что я ношу черный фракъ и, при случаѣ, даже палевыя перчатки. Иначе, и въ туземномъ костюмѣ, какъ онъ ни красивѣе вашихъ черныхъ мѣшковъ, вы стыдились бы принимать меня, тѣмъ менѣе сажать за свой столъ.

И на горячій протестъ хозяевъ онъ прибавилъ:

— Не спорьте, С.; а главное, не отвѣчайте за другихъ, такъ какъ я вамъ сейчасъ же докажу что вы не правы, и что есть между вами лица въ глазахъ которыхъ даже мой черный фракъ не спасаетъ меня. Вчера, напримѣръ, леди К. не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли что она приказала сказать мнѣ, черезъ секретаря лорда К., ея супруга? Фраза знаменательная, уже облетѣвшая весь городъ и обрисовывающая въ нѣсколькихъ штрихахъ наше политическое и соціальное положеніе. Она приказала мнѣ передать свое „удивленіе“.... Я долженъ былъ знать что лордъ К., ея высокородный супругъ и мой начальникъ, три дня тому назадъ уѣхалъ изъ города, а что „жены“ сановниковъ, ни въ Англіи, ни

Индіи не имѣютъ обыкновенія принимать визиты „по службѣ“. Иными словами что ей и въ голову не могло придти чтобы туземецъ „осмѣлился“ сдѣлать англійскому семейству визитъ наравнѣ съ другими смертными, кромѣ развѣ по *служебнымъ обязанностямъ*.

— Лэди К. этимъ показала только свою природную глупость, вспыхнула мистриссъ С. Никто кромѣ ея не сдѣлалъ бы вамъ подобной дерзости.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ повидимому спокойно мусульманинъ.—Дѣлали мнѣ, весьма часто и другія ваши дамы, и даже ихъ мужья, мои собственные сослуживцы, такія же ничѣмъ не вызванныя дерзости.—И онъ назвалъ нѣсколько именъ.—А если *я*, въ моемъ исключительномъ для туземца положеніи, подверженъ таковымъ, то чего же приходится ожидать другимъ, менѣе фаворизованнымъ судьбой и правительствомъ туземцамъ?

Онъ сидѣлъ нагнувшись надъ чашкой и говорилъ тихо, повидимому сохраняя полное хладнокровіе. Только ложечка, которою онъ машинально постукивалъ о блюдечко, слегка дрожала въ его рукѣ, да черные глаза налились кровью и пылали....

— За Англію которая меня воспитала, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,— за правительство которому я присягалъ въ вѣрности и которому служу, я готовъ отдать, ради моей же возлюбленной Индіи, жизнь. Мы, какъ народъ, неспособны теперь управлять страной безъ чужой помощи, это я знаю, хотя худо ли, хорото ли, а управляли ею вѣками, и страна была и богаче и счастливѣе. Но я сознаю что теперь, за послѣднее столѣтіе, мы выродились и что помощь Англіи намъ необходима. Но если я присягалъ въ вѣрности правительству, то не дѣлалъ еще ничего подобнаго въ отношеніи къ обществу и частнымъ лицамъ... и я *ненавижу ихъ!*... Помните мои слова: если Англіи когда-нибудь снова придется бороться съ мятежомъ, то этому виной будетъ единственно англійское же общество; и случится это вслѣдствіе до бѣшенства доводящаго туземцевъ презрительнаго высокомѣрія посылаемыхъ сюда вашихъ чиновниковъ. Намъ все твердятъ о тираніи и деспотизмѣ Россіи; насъ пугаютъ жестокостью ея правительства. Да знаете ли вы что на это отвѣчаютъ хоть бы наши мусульмане, потомки султановъ, сердарей, героевъ и величайшихъ государственныхъ людей прошлыхъ вѣковъ? Они говорятъ слѣдующее: да; быть-можетъ администраторы Россіи и жестоки и ея правительству не сравниться съ „благодушнымъ“ правительствомъ ея величества императрицы Индіи. Но когда мы читаемъ и слышимъ со всѣхъ сторонъ что въ Россіи такой-то генералъ — *мусульманинъ*, другой — Армянинъ и, несмотря на это, главнокомандующій цѣлою арміей, между тѣмъ какъ у насъ послѣдній англійскій солдатъ скорѣе дезертируетъ нежели согласится повиноваться и признать начальникомъ *туземца*, будь онъ хоть принцъ крови, то сравнивая нашу горькую участь съ судьбой и надеждами каждаго вѣрнаго Россіи иновѣрца и иноплеменника, у насъ невольно шевелится на душѣ вопросъ: чѣмъ же это мы одни заслужили подобныя униженія? Почему это только насъ однихъ держатъ въ черномъ тѣлѣ? И, въ безмолвномъ отчаяніи сознавая всю безвыходность нашего положенія, нельзя намъ подчасъ и не позавидовать положенію нашего брата-мусульманина— въ такъ-называемой вами *деспотической* Россіи!...

Второй примѣръ: Семейство одного извѣстнаго и очень ученаго доктора медицины въ Бомбеѣ, уроженца Гоа, по фамиліи Португальца. Уже болѣе трехъ поколѣній они христіане-католики, но прадѣды какъ мужа такъ и жены были чистокровными высокорожденными браманами. Оба воспитывались за границей и получили превосходное образованіе. Мужъ, кавалеръ нѣсколькихъ почетныхъ орденовъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ и находится на хорошемъ счету въ Азіятскомъ Королевскомъ Обществѣ. Жена, молодая двадцатилѣтняя женщина, превосходно образованная, обладаетъ восхитительнымъ голосомъ. *Ни тотъ, ни другая въ обществѣ не приняты.* На ихъ музыкальныхъ вечерахъ по вторникамъ, кромѣ нѣсколькихъ журналистовъ изъ европейской *богемы*, не найдется ни одного лавочника-Англичанина; изъ дамъ положительно ни одной. „Помилуйте“, завопятъ либеральныя барыни и миссы, юность которыхъ, быть-можетъ, протекла въ какой-нибудь задней лавкѣ Оксфордской улицы, „помилуйте! Кто же водитъ знакомство съ подобными— *неграми?*“...

И страннымъ, чѣмъ-то чудовищно невѣроятнымъ покажется нашимъ русскимъ читателямъ слѣдующій замѣчательный фактъ: Главною преградой между этимъ эксъ-браманскимъ семействомъ и чваннымъ англо-индійскимъ

обществомъ является ихъ *обращеніе въ христіанство*, хотя и насильственное, какъ всѣ такія обращенія послѣднихъ двухъ вѣковъ въ португальской Гоа, гдѣ ихъ крестили между тюрьмой и инквизиціей съ ея рафинированными пытками. Не потому что они католики, а просто по той причинѣ что они *никогда были Индусами*, и что въ нихъ, какъ въ презираемыхъ мулатахъ Америки, течетъ, по выразительной терминологіи здѣшняго высоко-образованнаго общества, „хамова кровь"; потому что они потомки „низшей" расы (halfcastes) и наравнѣ съ „Юразіями" (Eurasians, то-есть евр-азіаты, имя образовавшееся изъ слiянія Европы и Азіи) равно презираемы какъ туземцами, такъ и христіанами - Европейцами. Будь они чистые идолопоклонники Индусы, Парсійцы или сыновья пророка магометане, то разъ, два въ годъ они еще имѣли бы шансъ быть приглашенными на одинъ изъ тѣхъ балаганныхъ баловъ въ „правительственномъ домѣ" когда этотъ домъ, какъ боченокъ съ сельдями, набивается многими тысячами туземцевъ, которые, наравнѣ со стѣнными украшеніями, ставятся кругомъ въ нѣсколько рядовъ и затѣмъ—забываются.

Ради яснѣйшаго понятія о туземцахъ Индіи, мы здѣсь распространились объ этомъ вопросѣ быть-можетъ болѣе нежели слѣдовало; какъ бы то ни было, но злополучные Индусы, въ виду всего этого, предпочитаютъ временное униженіе и всѣ страданія „очищенія", какъ физическія такъ и нравственныя, подобной перспективѣ общаго презрѣнія до самой смерти.

Множество подобныхъ вопросовъ занимало насъ въ продолженіе тѣхъ двухъ часовъ что намъ пришлось высидѣть до появленія обѣда съ браманами. Это, какъ казалось съ перваго взгляда, опасное, почти невозможное отступленіе отъ предписаній Ману—обѣдъ съ иностранцами и людьми другихъ кастъ—объяснялось на этотъ разъ просто. Во первыхъ, толстый *патель* былъ *главою* своей касты, поэтому не боялся отлученія; во вторыхъ, онъ заранѣе принялъ всѣ предосторожности и предписанныя закономъ мѣры, дабы не *оскверниться* нашимъ присутствіемъ; а въ третьихъ, либералъ въ душѣ и пріятель Гулабъ-Лалы-Синга, онъ обѣщалъ ему показать нашему обществу на дѣлѣ сколько софизма и тонкихъ уловокъ придумано хитрыми браманами дабы, сохраняя на видъ мертвую букву закона, въ то же время ловко вывертываться при экстренныхъ случаяхъ изъ-подъ его желѣзной руки. Къ тому же, онъ сильно желалъ, нашъ добродушный жирный хозяинъ, получить дипломъ отъ нашего общества и присоединиться къ числу членовъ онаго. Онъ слышалъ что лолковникъ О., главный „коллекторъ" (сборщикъ податей) его округа, принадлежалъ къ „американскому обществу", и поэтому искалъ, быть-можетъ, прислужиться намъ.

Таковы были, во всякомъ случаѣ, объясненія нашего *бабу* въ отвѣтъ на выраженное нами удивленіе. Намъ оставалось, стало-быть, только возрадоваться рѣдкому случаю и не упустить онаго. Кто разъ былъ допущенъ не только раздѣлить, но даже присутствовать при обѣдѣ брамана, тотъ дѣлается какъ бы священнымъ въ его глазахъ. Не только самъ хозяинъ, но даже всѣ члены касты его взираютъ на такого счастливца какъ бы на принадлежащаго по крайней мѣрѣ de jure къ ихъ кастѣ. Но за то какъ рѣдки, какъ почти невозможны такіе случаи!...

Письмо XV.

Индусы ѣдятъ всего два раза въ день (мы говоримъ о богатыхъ), утромъ въ десять и вечеромъ въ девять часовъ; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемоніями. Въ остальное время дня никто, даже дѣти, не ѣдятъ ничего, такъ какъ ѣсть безъ предписываемыхъ религіей заклинаній считается грѣхомъ. Тысячи образованныхъ Индусовъ давно перестали вѣрить въ эти суевѣрные обряды—остатки глубокой старины, но не взирая на это обязаны подчиняться имъ.

Нашъ хозяинъ Шамрао Бахунатджи принадлежалъ къ древней кастѣ „Патарскихъ Прабху" (Pátáres Prabhus) и весьма гордился своимъ происхожденіемъ. Прабху (то-есть лорды, господа)—потомки кшатріевъ (воиновъ), родоначальникомъ коихъ былъ Ашвапати (700 лѣтъ до Р. Х.) происходящій по прямой линіи отъ Рамы и Притту, которые, по мѣстной хронологіи, управляли Индіей въ *Двапа* и *Третья* Югахъ. * Для нихъ однихъ браманы обязаны ис-

* То-есть по лѣточисленію Индусовъ въ *послѣднемъ* до настоящаго *Кали-Юга* и въ *предшествующемъ* тому *Югъ*, такъ какъ они дѣлятъ *Маха-Югъ* или „большой періодъ" на четыре меньшіе періода (*Юга*), или по чисто ариѳметическому исчисленію около двухъ милліоновъ лѣтъ тому назадъ!! (См. *Mock. Вѣд.* 317.)

полнять чисто-ведическіе обряды извѣстные подъ названіемъ „обрядовъ кшатріевъ“. Теперь ихъ зовутъ *Патанами* вмѣсто Патаровъ (то-есть „падшіе“), и этимъ несчастіемъ они также обязаны родоначальнику своему Царго Ашвапати. Разъ, раздавая милостыню святымъ отшельникамъ, онъ нечаянно обошелъ великаго Бригу. Оскорбленный этимъ пророкъ и ясновидецъ проклялъ его, пригрозивъ что его царствованію скоро придетъ конецъ, а все потомство погибнетъ. Тогда царь бросившись къ его ногамъ сталъ умолять о прощеніи. Бригу наконецъ согласился простить его, но проклятіе святаго уже пустило корни, и все что онъ самъ могъ сдѣлать для поправленія дѣла было обѣщаніе не допустить его родъ до окончательной погибели. Вслѣдствіе этого Патары вскорѣ потеряли престолъ и даже всякую власть. Съ тѣхъ поръ имъ приходилось жить „перомъ“ и службой разнымъ правительствамъ, перемѣнить имя Патаровъ на Патановъ (падшихъ) и жить бѣднѣе нежели многіе изъ тѣхъ милліонами коихъ они нѣкогда управляли. Къ счастію, еще прадѣды нашего словоохотливаго амфитріона перешли въ брамапство, то-есть пролѣзли черезъ золотую корову...

Выраженіе „жить перомъ“, какъ мы узнали, относилось къ тому что, со временъ англійскаго владычества, почти всѣ должности писарей и мелкихъ чиновниковъ въ Бомбейскомъ президентствѣ заняты Патанами, какъ въ сѣверозападныхъ провинціяхъ ихъ занимаютъ бенгалійскіе бабу. Въ одномъ Бомбеѣ ихъ насчитываютъ до 5.000. Они смуглѣе конканскихъ брамановъ, но за то и гораздо красивѣе и умнѣе. А таинственное выраженіе „пролѣзать чрезъ золотую корову“ означало слѣдующее: Въ исключительныхъ случаяхъ и при готовности затратить большую сумму денегъ, не только кшатріи, но даже презрѣнные шудры могутъ преобразоваться, такъ-сказать, въ „побочныхъ“ брамановъ. Настоящіе браманы, отъ которыхъ исключительно зависитъ эта метаморфоза, заставляютъ ихъ покупать это право за нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ коровъ. Затѣмъ выливъ изъ чистаго золота корову которая освящается при разныхъ мистическихъ церемоніяхъ, кандидата заставляютъ пролѣзать три раза чрезъ ея пустое отверстіе, и тогда подвергшійся такому искусу тотчасъ же перерождается въ брамана. Нынѣшній травапкорскій махараджа и даже великій, недавно умершій махараджа Бенареса— оба шудры и нѣкогда купили себѣ подобнымъ образомъ желаемое право.

Всѣ эти свѣдѣнія какъ и исторически-легендарная хроника о Патарахъ были переданы намъ съ большою любезностью нашимъ хозяиномъ. Попросивъ насъ готовиться къ ужину, и обѣщая вернуться за нами чрезъ полчаса, почтенный Шамрао исчезъ, уводя съ собой и нашихъ кавалеровъ. Оставшись однѣ и пользуясь отсутствіемъ мущинъ, миссъ Б*** и я отправились разсматривать пустой, какъ намъ казалось, домъ, захвативъ съ собою одного лишь простоволосаго бабу для объясненій. Бабу, какъ истый, современный Бенгалієцъ, презиралъ религіозныя приготовленія къ столу и поэтому находилъ лишнимъ „готовиться“. Онъ пошелъ съ нами.

„Прабху“, если ихъ нѣсколько братьевъ, всѣ живутъ въ одномъ бѣнглоу и у каждаго женатаго брата непремѣнно своя особенная комната (если не отдѣльное помѣщеніе во дворѣ) и свой слуга. Домъ нашего хозяина былъ обширный, окруженный меньшими пристройками занимаемыми его братьями, тогда какъ большой служилъ для гостей и заключалъ въ себѣ общую столовую, молельню или кумирню, комнату для родильницъ, другую для покойниковъ и т. д. Какъ и всѣ туземные бѣнглоу, весь нижній этажъ былъ окруженъ верандой (крытою галлереей) изъ которой шли входы съ арками и безъ дверей въ большую, занимающую весь нижній этажъ залу. Вокругъ этой комнаты, со всѣхъ ея четырехъ сторонъ шли деревянныя съ великолѣпною рѣзьбой колонны поддерживающія потолокъ верхняго этажа и замѣняющія въ этомъ случаѣ стѣны. Мнѣ почему-то показалось что эти колонны когда-то должны были украшать одинъ изъ дворцовъ „мертваго города“. Рѣзьба была совсѣмъ не индусскаго характера, и вмѣсто боговъ, баснословныхъ чудовищъ и звѣрей, колонны были покрыты арабесками съ изящно вырѣзанными цвѣтами и листьями. Онѣ постановлены вблизи одна отъ другой, но рельефная работа не дозволяла имъ однако составлять одну сплошную стѣну, вслѣдствіе чего вентиляція оказывалась немного форсированною: во время нашего сидѣнія посреди столовой, насъ продувалъ изъ-за каждой колонны сильный сквозной вѣтеръ и со всѣхъ четырехъ сторонъ жужжали миніатюрные ураганы, будя всѣ уснувшія было въ климa-

тѣ Индіи ревматизмы и зубную боль. Весь фасадъ дома былъ покрытъ прибитыми къ стѣнамъ и надъ окнами желѣзными подковами—вѣрнѣйшее средство противъ злыхъ духовъ и *глазу*. Къ правой сторонѣ фасада была прилѣплена пристройка—высокая комната, называемая „озри"; изъ этой „озри" во всѣхъ туземныхъ домахъ идетъ на верхъ (рѣзной работы какъ и все прочее) лѣстница, у подножія которой на большой висячей безъ ножекъ кровати, спускающейся съ потолка на желѣзныхъ цѣпяхъ, лежалъ въ натуральную величину идолъ, котораго я сперва приняла за спящаго Индуса и даже приготовилась было ретироваться. Узнавъ однако нашего стараго друга Ханумана, я расхрабрилась и стала его разсматривать... Увы! отъ когда-то цѣлаго бога оставалась одна лишь голова; остальное, долженствующее представлять тѣло, оказалось старыми тряпками... Налѣво веранды находился еще рядъ пристроенныхъ комнатъ; каждая изъ нихъ имѣла свое особенное назначеніе. Такъ одна служила комнатой для родильницъ; другая для злополучныхъ вдовъ; третья для покойниковъ и наконецъ большая комната называемая „ваттанъ". Это комната для прекраснаго пола который, хотя и не обязанъ прятаться подъ вуалью какъ мусульманки и проводить жизнь въ гаремахъ, имѣетъ однако весьма мало общаго съ мущинами, и держится совершенно особнякомъ. Здѣсь женщины приготовляютъ пищу для своихъ мущинъ въ домѣ, но не обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними; онѣ весьма часто держатъ супруговъ въ уваженіи и страхѣ, но не осмѣлятся съ ними заговорить не только при постороннемъ лицѣ, но даже при его сестрахъ и матери. Что же касается вдовы въ Индіи, то это самое несчастное существо въ мірѣ. Какъ только умираетъ мужъ, ей сбриваютъ волосы и брови на вѣки. Всѣ ея украшенія снимаются: и серьги изъ ушей, и кольца изъ носу, браслеты съ рукъ и ногъ и перстни со всѣхъ двадцати пальцевъ. Она буквально *умираетъ* для своего семейства какъ и для свѣта, и даже „мангъ" не женится на ней, такъ какъ самое легкое къ ней прикосновеніе оскверняетъ мущину и онъ долженъ тутъ же бѣжать „очищаться". На ея долю выпадаетъ самая черная работа въ домѣ и ей не позволяется ѣсть вмѣстѣ съ замужними женщинами или дѣтьми. Самосожженіе вдовъ („сутти") запрещено, но браманы взяли свое: всѣ вдовы жалѣютъ о кострѣ.

Наконецъ осмотрѣвъ послѣднюю комнату—святилище Индусовъ, „кумирню" наполненную идолами, предъ которыми стояли цвѣты, горѣли лампады, свѣчи и курился ѳиміамъ въ богатой бронзовой вазѣ, а полъ былъ густо усѣянъ *тульзи* и другими ароматическими травами, мы отправились одѣваться. Послѣ умыванія насъ заставили снять обувь: таковъ обычай, и намъ оставалось лишь подчиниться или отказаться отъ браманскаго ужина. Но насъ ожидалъ еще болѣе неожиданный сюрпризъ. Войдя въ столовую, мы просто остолбенѣли: оба наши европейскіе кавалера были одѣты или скорѣе раздѣты... Индусами!

Изъ приличія на нихъ оставили нѣчто въ родѣ безрукавныхъ фуфаекъ, они были босы, съ обмотанными вокругъ бедръ снѣжной бѣлизны *дотти* и представляли нѣчто среднее между бѣлыми Индусами и константинопольскими garçons de bains. Оба были невыразимо смѣшны, и я не знаю ничего уморительнѣе Европейца въ подобномъ костюмѣ. Къ великому смущенію мущинъ и, какъ полагаю, скандалу серіозныхъ хозяекъ, я расхохоталась на весь домъ. Сорокапятилѣтняя миссъ Б*** старалась покраснѣть, но тутъ же послѣдовала моему примѣру. Худшее свершилось; посмотримъ что далѣе...

Церемоніи и обряды о которыхъ только что шла рѣчь достигаютъ у Индусовъ полнаго апогея предъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ. За четверть часа до того какъ садиться за ѣду, каждый Индусъ отъ мала до велика обязанъ совершить *пуджу* предъ богами. Онъ не перемѣняетъ бѣлья, но снимаетъ даже то малое чѣмъ прикрывается во время дня. Выкупавшись у колодца, т.-е. умывъ себѣ руки, ноги и лицо, онъ распускаетъ длинную прядь волосъ на макушкѣ бритой головы и остается простоволосымъ; * обѣдать одѣтымъ или съ покрытою головой считается у Индусовъ грѣхомъ. Обмотавъ бедра бѣлою *шелковою дотти* (шелкъ обладаетъ свойствомъ отгонять злыхъ духовъ обита-

* Одни *Бенгалійцы* носятъ короткіе волосы не сбривая на головѣ ничего; *Пенджабы* также не брѣютъ, но носятъ волосы во всю выростаемую длину и никогда не рѣжутъ ихъ, пряча ихъ только днемъ подъ бѣлую чалму. *Раджпуты* тоже сохраняютъ длинные волосы, подбирая ихъ на затылкѣ. Но *Махраты* и *Деккацы* носятъ волосы на подобіе Ирокезцевъ оставляя одинъ длинный чубъ, какъ то бывало дѣлали Запорожскіе казаки.

ющихъ въ магнетическихъ токахъ атмосферы, говоритъ Мантра, книга V стихъ 23), они идутъ поклониться идоламъ и затѣмъ уже садятся за трапезу.

Засимъ, позволю себѣ еще разъ сдѣлать маленькое отступленіе, хотя бы ради невольно являющагося вопроса не таится ли за этимъ кажущимся суевѣріемъ о духахъ и шелкѣ чего-либо болѣе глубокаго нежели какъ это должно казаться? Уже давно хотя изрѣдка и съ видимымъ нежеланіемъ разстаться съ излюбленною учеными идеей—что всѣ обычаи древности и язычества основаны де на одномъ лишь *невѣжествѣ* и грубомъ *суевѣріи*,—уже давно, говорю я, стали открывать что нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ, казавшихся столь нелѣпыми съ перваго взгляда, возникли изъ чисто научнаго принципа. Почему же не предположить скорѣе что древніе ввели подобный обычай хорошо зная свойства и благодѣтельное вліяніе электричества въ соприкосновеніи съ голымъ тѣломъ человѣка на органы пищеваренія? Тѣ которые изучали древнюю философію Индіи, съ твердымъ намѣреніемъ проникнуть въ тайный смыслъ ея афоризмовъ, въ большинствѣ случаевъ убѣдились что съ самыхъ древнихъ временъ свойство электричества имѣло весьма мало тайнъ для такихъ философовъ какъ напримѣръ Патанжали. Чарака и Шушрутъ изложили систему Гиппократа еще нѣсколько вѣковъ до того кого на Западѣ такъ долго называли „отцомъ медицины“. Исчисленія Сурьи-Сидханты доказывающія что онъ зналъ и исчислилъ силу паровъ, вѣка тому назадъ, неизгладимо начертаны на камнѣ что хранится въ Бидринатскомъ храмѣ Вишну. Древніе Индусы первые исчислили быстроту свѣта и опредѣлили законы которымъ онъ слѣдуетъ въ своемъ отраженіи; а пиѳагорова таблица и его знаменитая теорема о свойствѣ квадрата гипотенузы находится въ древнихъ книгахъ Джіотиши(Geotischa). Еще недавно западные математики указывали на Гиппарха Никейскаго какъ на отца тригонометріи, хотя все что они когда-либо могли узнать о немъ почерпнуто ими со словъ его же ученика Птолемея; а теперь здѣсь найдена древняя рукопись доказывающая что „уравненіе центра“ (équation du centre) было извѣстно Индусамъ далеко до Р. Х., и что напрасно нѣкоторыя тригонометрическія открытія приписываются Юлеру. Даже въ наши времена (въ 1880 году) живетъ въ Индіи и коптитъ на должности помощникомъ судьи въ какомъ-то захолустьѣ нѣкій Дипанаѳъ Атмарамъ Дальви, (M. A. L L. B. т.-е. магистръ наукъ и бакалавръ юриспруденціи) величайшій, быть-можетъ, математическій геній въ мірѣ. По свидѣтельству самого директора народнаго просвѣщенія въ Индіи - Пэйля—онъ, Дальви, доказалъ (три года тому назадъ) что великій Ньютонъ въ своей „Rule for Imaginary Roots“ *ошибался съ начала до конца*, и что примѣненіе сего Ньютоновскаго правила совершенно не достигаетъ цѣли. Тотъ же Дальви разбилъ нѣкоторыя теоремы одного изъ величайшихъ англійскихъ математиковъ профессора Сильвестра въ пухъ и прахъ*....

Все это дозволяетъ намъ предполагать что древніе Аріяне, устанавливая этотъ странный обычай носить во время ѣды *шелковые* „дотти“, имѣли въ виду нѣчто серіознѣе нежели отводъ отъ „демоновъ“. Хотя странно что даже въ нашъ просвѣщенный вѣкъ есть ученые доктора спиритуалисты которые (какъ Dr. Евгеній Кроуель, въ Нью-Іоркѣ) пишутъ цѣлыя ученыя диссертаціи доказывая что такъ-называемымъ „медіумамъ“ одно спасеніе отъ злыхъ духовъ-кикиморъ—носить на головѣ и груди плотно завязанные *шелковые* платки. И хотя почтенный Кроуель еще не совсѣмъ ясно доказалъ ученому міру что кикиморы вообще (американскія въ особенности) дрожатъ предъ произведеніемъ шелковичныхъ червей, за то онъ совершенно ясно и логично объясняетъ роль шелковой матеріи въ отношеніи къ электричеству. А поэтому....

За нами явился хозяинъ, и мы отправились въ столовую.

Войдя въ „трапезную“, мы тотчасъ

---

* Въ случаѣ (и этотъ случай непремѣнно случится), кто-нибудь изъ нашихъ русскихъ математиковъ, поклонниковъ Сэра Исаака Ньютона, „возсерчаетъ“ на такое бездоказательное (пока) кощунство противъ великаго математика усумнятся въ моемъ заявленіи, то я предлагаю каждому до *дюжины* недовольныхъ включительно—обратиться въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* и покорнѣйше просить ихъ дать мнѣ знать по моему адресу о таковомъ сомнѣніи. Я немедля вышлю въ упомянутую редакцію нѣсколько брошюръ Атмарама Дальви въ коихъ онъ пространно и (по сознанію лучшихъ профессоровъ) неопровержимо доказываетъ въ чемъ состоятъ ошибки Ньютона. Брошюры будутъ высланы мною *безплатно*, изъ одной любви къ справедливости и дружбы къ автору, геній котораго напрасно пропадаетъ въ неизвѣстномъ захолустьи Индіи. Брошюры напечатаны по-англійски. *(Авт.)*.

же увидали въ чемъ состоятъ предохранительныя мѣры Индусовъ отъ осквернения. Каменный полъ залы былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины чертой нарисованною мѣломъ со странными кабалистическими знаками по концамъ. Одна половина предназначалась для хозяевъ и однокастниковъ, другая—для насъ. Въ сторонѣ находился еще третій квадратъ для нашихъ туземныхъ спутниковъ другой касты. За исключеніемъ этого легкаго барьера, обѣ половины были одинаковы. Вдоль двухъ противоположныхъ стѣнъ узкіе ковры съ подушками и низенькими скамеечками для сидѣній, по числу ужинавшихъ; а предъ каждымъ сидѣніемъ на голомъ полу продолговатый квадратъ раздѣленный какъ шахматная доска на меньшіе квадратики—тоже мѣломъ, предназначаемые для различныхъ блюдъ и тарелокъ. Послѣднія замѣнялись толстыми и крѣпкими листьями остъ-индскаго дерева „тика“ (Butea frondosa): большія блюда—изъ нѣсколькихъ листьевъ сколотыхъ вмѣстѣ шпилями, блюдечки—изъ одного закругленнаго по бокамъ листа. Весь ужинъ былъ налицо и стоялъ предъ каждою скамейкой; мы сосчитали сорокъ восемь такихъ блюдечекъ изъ малыхъ листьевъ на которыхъ лежало по *глотку* яствъ—сорока восьми сортовъ! Всѣ эти кушанья являлись намъ матеріаломъ изъ terra incognita, нѣкоторыя оказались чрезвычайно вкусными, а ужинъ состоялъ изъ строго растительной пищи; говядина, птицы, яйца, рыба были изгнаны изъ этого меню. Тутъ были и *чатни* маринованыя въ меду и уксусѣ, фрукты и овощи; и *панчамритъ*—смѣсь изъ памплело (ягоды), тамаринда, кокосоваго молока, патоки и прованскаго масла; и *кушмеръ* изъ редисъ, меда и муки; и прожигающія насквозь ротъ пикули и пряности, и т. д. Все это довершалось горою великолѣпно изготовленнаго риса и другою горой *чапати* — лепешекъ въ родѣ грузинскихъ „чурековъ“. Блюда стояли въ четыре ряда, по 12 въ рядъ, а между каждымъ рядомъ дымилось по три курительныхъ ароматныхъ палочки, величиной съ колѣчную церковную свѣчу. Вдоль всего нашего отдѣленія ярко горѣли красныя и зеленыя свѣчи въ *семи* огромныхъ, странной формы канделябрахъ представляющихъ каждый семиглавую кобру, окрутившую хвостомъ древесный пень и поднимающую во всѣ стороны головы. Изъ семи ртовъ ея подымались семь тонкихъ, завитыхъ штолоромъ красныхъ и зеленыхъ восковыхъ свѣчей. Дующій изъ-за всѣхъ колоннъ сквозной вѣтеръ развѣвалъ во всѣ стороны желтое пламя наполняя нашу высокую тралезную фантастически прыгающими тѣнями и заставляя сильно чихать нашихъ „легко одѣтыхъ“ господъ. Оставляя темные силуэты Индусовъ еще болѣе въ тѣни, этотъ невѣрный свѣтъ тѣмъ рѣзче выбрасываетъ яркимъ бѣлымъ пятномъ этихъ двухъ Европейцевъ, какъ бы дразня и глумясь надъ ними...

Одинъ за другимъ входили родственники и однокастники хозяевъ. Всѣ они были нагими до пояса, со священнымъ „тройнымъ“ шнуркомъ брамановъ черезъ плечо, босые, съ распущенными волосами и всѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ „дотти“. За каждымъ „саабомъ“ шелъ слуга несшій его чашку, два серебренные или даже золотые рукомойника и полотенце. Всѣ они, поклонившись хозяину, подходили къ намъ поочередно и, сложивъ вмѣстѣ ладони, прикладывали руки ко лбу, ко груди и наконецъ нагибаясь дотрогивались ими до земли, проговоривъ Рамъ-Рамъ и *намасте.* * Затѣмъ они поджавъ ноги молча садились на свои мѣста, напоминая мнѣ что этотъ древній обычай привѣтствовать другъ друга вдвойнѣ произносимымъ именемъ прародителя существуетъ съ доисторическихъ временъ.

Когда мы всѣ размѣстились, Индусы спокойные и величавые, какъ бы собираясь совершать таинство, мы, чувствуя себя не совсѣмъ ловко, не зная что дѣлать съ собою далѣе и боясь совершить, въ невинности души, какую-нибудь глупость и тѣмъ оскорбить хозяевъ; вдругъ раздалось изъ темнаго угла тихое пѣніе нѣсколькихъ женскихъ голосовъ. Полдюжины „нотчей“ (пѣвицъ и танцовщицъ лагодъ) затянули въ унисонъ гимны и восхваленія богамъ. Тогда подъ этотъ шумокъ, проголодавшіеся и усталые, мы принялись за рисъ, который, по наученію и благодаря бабу, мы принялись ѣсть правою рукой, такъ какъ иначе еслибы мы стали ѣсть его лѣвою, то разомъ привлекли бы на пиръ цѣлую стаю *ракшазовъ* (демоновъ) и выгнали бы въ ужасѣ всѣхъ туземцевъ. О ножахъ, вилкахъ и ложкахъ не было конечно и помину. Стращась провиниться невольно и по разсѣянности, я всунула лѣвую руку въ карманъ, крѣп-

* Первое—имя обоготвореннаго ими героя; второе, въ буквальномъ переводѣ съ санскритскаго—„преклоняюсь предъ вами“.

ко держась во все остальное время пиршества за носовой платокъ....

За исключеніемъ тихаго пѣнія продолжавшагося всего нѣсколько минутъ, пиршество оказалось изъ самыхъ молчаливыхъ. Былъ понедѣльникъ—день постный, и правило гробоваго молчанія за лицей соблюдалось у нихъ въ тотъ день еще строже. Обыкновенно, когда при случаяхъ неизбѣжной необходимости случится кому проговорить хоть одно слово, то онъ слѣпитъ, омочивъ средній палецъ дотолѣ спрятанной за спиною лѣвой руки въ воду, увлажитъ себѣ онымъ обѣ вѣки. Но дѣйствительно набожный человѣкъ не удовольствуется такимъ очищеніемъ: прервавъ молчаніе, онъ обязанъ тотчасъ же встать, умыться и уже въ тотъ день не дотрогиваться до лицаи.

Благодаря подобному гробовому молчанію, мнѣ представлялась возможность наблюдать за всѣмъ происходившимъ съ величайшимъ вниманіемъ. Нѣсколько разъ впрочемъ взглянувъ на полковника и мистера У*** уплетавшихъ рисъ пригоршнями, мнѣ стоило величайшихъ усилій чтобъ опять не расхохотаться. Мною невольно овладѣвалъ неудержимый смѣхъ. Оба сидѣли съ невозмутимою важностью и неловко работали и локтями и руками. У одного вся борода была усѣяна словно инеемъ рисовыми зернами; у другаго вся нижняя часть лица испачкана жидкимъ шафраномъ; а по груди и неуклюже поджатымъ колѣнямъ текли зеленые ручейки пикулей. Но я счастливо удержалась и устремила все свое вниманіе на необычайную процедуру Индусовъ. Постараюсь описать любопытные детали ихъ манеры обѣдать и ужинать.

Каждый изъ нихъ усѣвшись съ поджатыми подъ себя ногами и держа въ лѣвой рукѣ принесенный слугою кувшинъ, наливалъ себѣ изъ него воды сперва въ чашку, а затѣмъ въ горсть правой руки. Потомъ онъ медленно и долго кропилъ изъ оной вокругъ стоявшаго отдѣльно отъ другихъ кушаній листа съ яствами (какъ мы узнали для боговъ и духовъ) и во все время этой церемоніи напѣвалъ „мантру“ изъ Ведъ. Набравъ послѣ этого въ правую пригоршню рису, онъ повторялъ нѣсколько другихъ двустишій съ припѣвомъ, и отложивъ лять щепотокъ на правую сторону своей тарелки, снова умывалъ руки (отъ глазу), снова кропилъ водой вокругъ этой тарелки, и наливъ окончательно нѣсколько капель въ горсть правой руки выпивалъ оную. Потомъ проглатывалъ другія шесть щепотокъ рису, одну за другою, бормоча все время молитвы и обмакнувъ въ чашку съ водой средній палецъ лѣвой руки дотрогивался имъ до обоихъ глазъ. Въ заключеніе онъ пряталъ лѣвую руку за спину и тогда только начиналъ свой ужинъ правою. Все это совершалось въ нѣсколько секундъ, но съ большою торжественностью. Ѣли Индусы наклонясь всѣмъ туловищемъ впередъ и подбрасывая рукой пищу въ ротъ съ ловкостью японскихъ джонглеровъ, не проронивъ ни одного зернушка, ни проливъ ни единой капельки изъ разныхъ жидкостей. Изъ уваженія къ хозяевамъ и вѣроятно желая оказать этимъ честь Индіи, нашъ полковникъ видимо старался подражать имъ въ каждомъ движеніи. Онъ также было наклонился далеко впередъ всѣмъ туловищемъ, но увы!— почтенное брюшко оказалось серіозною помѣхой. Потерявъ равновѣсіе онъ чуть было не повалился со своей скамеечки лицомъ прямо въ яства; счастливо отдѣлавшись на этотъ разъ одними очками которыя полетѣли въ кислое молоко съ чеснокомъ. Послѣ такого несчастнаго опыта храбрый Американецъ разомъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ „индуизироваться“ и успокоился.

Всѣ кончили ужинъ по обыкновенію рисомъ припрaвленнымъ сахаромъ, толченымъ горохомъ, оливковымъ масломъ, чеснокомъ и гранатами. Это послѣднее лакомое блюдо они всегда ѣдятъ поспѣшно, нервно, поглядывая на сосѣдей и какъ бы въ перегонку. Каждый изъ нихъ смертельно боится опоздать и кончить послѣ другаго, такъ какъ это чрезвычайно дурная примѣта. Предъ самымъ концомъ они снова забираютъ воды въ горсть и, пошелтавъ надъ нею заклинанія, проглатываютъ ее залпомъ. Горе тому кто полерхнется при этомъ! Ему залѣзъ въ горло *бхутъ* (демонъ; духъ умершаго) и онъ долженъ бѣжать очищаться предъ алтаремъ. Эти злые духи людей умершихъ съ неудовлетворенными желаніями и земными страстями въ полномъ ихъ разгарѣ (другихъ безпокойныхъ покойниковъ они не признаютъ) сильно тревожатъ бѣдныхъ Индусовъ. Индійскіе духи, если вѣрить показаніямъ всѣхъ и каждаго, толкутся вокругъ смертныхъ, стараясь насытиться ихъ ртами и удовлетворить всѣмъ своимъ нечестивымъ земнымъ желаніямъ посредствомъ на время завоеванныхъ органовъ у живыхъ. Ихъ

боятся и проклинаютъ на всю Индію, не пренебрегая никакими средствами дабы отвязаться отъ нихъ и успокоить расходившихся *бхутовъ*. Понятія, идеи и выводы Индусовъ діаметрально противорѣчатъ аспираціямъ и надеждамъ западныхъ спиритовъ. „Добрый и чистый духъ, говорятъ они, на землю ужь душу свою не пуститъ, коли та душа была также чиста. Онъ радъ умереть и соединить свой духъ (*атма*) съ Брамой, жить на *сваргѣ* (небесахъ) жизнью вѣчною и брататься съ прелестными *гандаргами* (поющіе ангелы или херувимы), подъ небесную пѣснь коихъ онъ дремлетъ цѣлыя вѣчности, въ то время какъ душа (*дживъ*) продолжаетъ очищаться отъ земной грязи въ тѣлѣ болѣе чистомъ и болѣе совершенномъ чѣмъ только-что оставленное ею.“ * Но не то ждетъ злыя души. Душа не успѣвшая до смерти тѣла совершенно очиститься отъ земныхъ помышленій невольно отяжелѣетъ подъ бременемъ грѣховъ и вмѣсто того чтобы слѣдуя по законамъ метемпсихоза тотчасъ же воплотиться въ другую форму, она остается безплотною, осужденная бродить на землѣ. Она дѣлается *бхутомъ* и страдая сама причиняетъ иногда невыразимыя мученья своимъ же родственникамъ. Вотъ почему Индусъ боится болѣе всего на свѣтѣ остаться *безплотнымъ* послѣ смерти.

— Лучше перейти по смерти въ тѣло тигра, собаки, даже желтоногаго ястреба, говорилъ мнѣ недавно одинъ старый Индусъ, — нежели сдѣлаться *бхутомъ!* Каждый звѣрь, какой бы онъ ни былъ, имѣетъ свое собственное *законное* тѣло и право честно имъ пользоваться. А *бхуты* на вѣкъ обреченные *дакоиты*, разбойники, воры, вѣчно на сторожѣ какъ бы поживиться чужимъ добромъ. Это самое ужасное, невообразимо страшное состояніе, это и есть *адъ* по нашимъ понятіямъ. Что̀ это за спиритизмъ такой на Западѣ? Неужели умные и образованные Англичане и Американцы сошли совершенно съ ума?

И онъ такъ и не повѣрилъ чтобы могли быть довольно безумные люди чтобы любить *бхутовъ* и даже *приглашать ихъ къ себѣ на землю.*

Послѣ ужина мущины всѣ отправились во дворъ, къ колодцу, и умывшись снова одѣлись. Обыкновенно они къ ночи надѣваютъ чистыя *малмалы*, родъ узкихъ, длинныхъ блузъ, изъ тонкаго жаконета, тюрбаны и деревянныя сандаліи съ луговкой, которую они захватываютъ между большимъ и среднимъ пальцемъ ноги, но оставляютъ всегда у дверей дома. Вернувшись въ пріемную, они разсаживаются возлѣ стѣны на коврахъ и подушкахъ, жуютъ бетель, курятъ трубки или индійскія сигары и слушаютъ священное чтеніе или смотрятъ на танцы „нотчей“.

Это въ обыкновенные дни. Въ этотъ же вечеръ (вѣроятно въ нашу честь) всѣ одѣлись очень богато. Многіе носили *даріи*—изъ богатой атласной полосатой матеріи, и по нѣскольку золотыхъ браслетъ, золотыя украшенныя брилліантами и изумрудами *колье*, золотые часы, цѣлочки и бѣлыя, тонкія какъ дымки съ золотыми полосами *джанви*—браманскіе шарфы черезъ плечо. Толстые пальцы нашего хозяина и правое ухо такъ и сіяли брилліантами...

Прислуживавшія намъ женщины—хозяйки, исчезнувшія тотчасъ послѣ ужина, вернулись къ намъ чрезъ полчаса разодѣтыя и были теперь формально намъ представлены. Ихъ было пять: хозяйка, жена толстяка, женщина лѣтъ двадцати шести или семи; двѣ женщины помоложе, изъ которыхъ одна, къ нашему удивленію, оказалась ея дочерью, съ ребенкомъ на рукахъ; старуха—мать хозяина, наконецъ жена брата его, *семилѣтняя* дѣвочка. Такимъ образомъ хозяйка оказалась бабушкой, а дѣвочка которая должна была поступить въ полное владѣніе мужа года черезъ два, много три, могла въ свою очередь сдѣлаться матерью далеко до 12 лѣтъ. Всѣ онѣ были босыя, съ перстнями на пальцахъ ногъ, и всѣ, кромѣ старухи, носили гирлянды на шеѣ и вѣнки изъ натуральныхъ цвѣтовъ вокругъ черныхъ какъ вороново крыло косъ. Ихъ костюмы состояли изъ плотно облегающихъ тею и грудь вышитыхъ золотомъ короткихъ корсажей (*чали*). Надѣтые на голое тѣло они не доходили на цѣлую четверть до *сари*—юбки-покрывала (если можно назвать юбкой эти короткіе штаны, верхняя часть которыхъ служитъ покрываломъ для головы и вмѣстѣ мантильей) и храбро открывали смуглый, блестящій при огнѣ, словно вылитый изъ

---

* По ихъ понятіямъ, *духъ*, „атма“, частица цѣлаго или Парабрама, не можетъ быть наказуемъ за грѣхи къ коимъ онъ никогда не причастенъ. То *душа*—„дживъ“, полуматеріальная иллюзія или *Майа*, грѣшитъ и страдаетъ и переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока не очистится. Духъ только освѣщаетъ ея земныя странствованія. Когда *Его* совсѣмъ очистилось, то это *Его* или душа окончательно соединяется съ своею *атмою*, духомъ, и мало-по-малу оба погружаются въ Парабраму и исчезаютъ въ немъ

бронзы станъ красивыхъ женщинъ. Ихъ прекрасныя руки были покрыты выше локтей дорогими браслетами также какъ и щиколки ногъ. При малѣйшемъ движеніи они звякали, а маленькая невѣстка, похожая на большую куклу на пружинахъ, еле могла двигаться подъ ихъ тяжестью. У молодой хозяйки, „бабушки“, носовое кольцо продернутое чрезъ лѣвую ноздрю опускалось ниже подбородка и оттягивало носъ. Только когда она сняла его, чтобъ удобнѣе пить чай, мы разсмотрѣли всю ея удивительную красоту.

Начались танцы „нотчей“, изъ коихъ двѣ были очень красивы. Пляска состояла изъ болѣе или менѣе выразительной мимики глазъ, ушей, носа, головы и вообще всей верхней части туловища. Ноги же семенили на одномъ мѣстѣ, почти не двигаясь, или же двигаясь такъ быстро что исчезали въ туманѣ...

Я заснула сномъ праведныхъ.

Письмо XVI.

Пріятно послѣ столькихъ проведенныхъ на головъ лолу палатки ночей выспаться на кровати, хотя бы и висячей,—особенно когда это сопровождается сознаніемъ что то ложе „бога“. Послѣднее обстоятельство впрочемъ было мною открыто только поутру, когда сходя съ лѣстницы я нашла что божественнаго генералъ-анъ-шефа (Ханумана) лишили висячаго трона, а его самого, вмѣстѣ съ тряпичнымъ тѣломъ, бросили подъ лѣстницу... Положительно, Индусы XIX столѣтія вырождаются и кощунствуютъ!

Оказалось что, за исключеніемъ стараго дивана, это была единственная кровать въ домѣ. Наши два кавалера провели ночь хуже насъ: они оба спали въ старой пустой башнѣ, бывшей *гопаромъ* (алтарь) древней разрушенной пагоды за домомъ куда ихъ положили съ благимъ намѣреніемъ спасти отъ шакаловъ забирающихся по ночамъ во всѣ нижніе этажи, гдѣ вмѣсто оконъ и дверей существуютъ одни отверстія. Кромѣ неизмѣннаго ночнаго концерта, шакалы на этотъ разъ не безпокоили ихъ своимъ присутствіемъ. За то мистеру У*** и полковнику пришлось воевать цѣлую ночь съ неотвязнымъ *вампиромъ*, который оказался не только летучею мышью, но и „духомъ“, какъ они это позднѣе узнали къ своему горю. Вотъ какъ это случилось:

Безо всякаго шума влеталъ въ башню вампиръ, и ломахавъ своими холодными, липкими крыльями, садился то на одного, то на другаго изъ спящихъ, очевидно рѣшившись полакомиться европейскою кровью. Разъ десять они просыпались и прогоняли его, но каждый разъ безуспѣшно; только что они было соберутся задремать какъ снова почувствуютъ его легкое, почти неслышное прикосновеніе на плечахъ, ногахъ, груди. Наконецъ У*** изловчился: онъ поймалъ его за крыло и свернулъ ему шею...

Къ утру, похваливши въ невинности души этимъ подвигомъ предъ хозяиномъ дома, они, казалось, навлекли на себя всѣ громы небесные. Дворъ былъ полонъ народа, а предъ дверьми башни стояли понуривъ голову всѣ домашніе: старуха мать рвала на себѣ волосы и запѣвала, приговаривая и причитывая что-то на всѣхъ языцѣхъ Индіи. Что жъ такое случилось? Происшествіе ужасное, узнавъ о которомъ мы пришли въ величайшее смущеніе: по особеннымъ, извѣстнымъ только одному домашнему браману примѣтамъ, въ этого кровожаднаго вампира, со дня своей смерти, *переселился* старшій братъ хозяина, а наслѣдствовавшей старухи—сынъ. Ужь девять лѣтъ какъ покойникъ жилъ подъ этимъ новымъ видомъ отбывая всѣ повинности метемпсихозы. Днемъ, зацѣпясь когтями за вѣтку стараго пипала что передъ башней (исполнъ вѣка жилище духовъ) и повиснувъ головою внизъ, онъ проводилъ въ глубокомъ снѣ часы между восходомъ и заходомъ солнца; ночью же посѣщалъ старую башню гдѣ ловилъ всѣхъ забравшихся туда на ночной покой насѣкомыхъ. И такъ жилъ этотъ вампиръ отмаливая потихоньку старые грѣхи совершенные имъ когда онъ былъ еще прабхускимъ „патаномъ“. А теперь? Его бездыханное тѣло валялось у входа башни, и одно крыло уже отгрызли крысы.... Старуха заливалась слезами, бросая яростные взгляды изъ-подъ покрывала своей бритой головы на У*** который въ качествѣ убійцы имѣлъ видъ отвратительно равнодушный.

Но дѣло запутывалось и становилось трагическимъ. Весь комизмъ онаго исчезалъ предъ искренностью ея неподдѣльнаго горя. Толла стояла вокругъ, молчаливая и серіозная, очевидно не смѣя высказать свои настоящія чувства англійскимъ „саабамъ“, но поглядывая на насъ не особенно привѣтливо изъ подлобья. Возлѣ старухи стоялъ семейный жрецъ и астрологъ, съ книгой *Шастры* подъ мышкой и съ жезломъ

въ рукѣ, приготовляясь начать надъ башней церемонію очищенія. Онъ уже распорядился покрыть полуобъѣденный, облѣпленный муравьями трупъ отвратительнаго, лежавшаго предъ нимъ съ широко распростертыми крыльями вампира кускомъ новой холстины....

У*** полрежнему стоялъ, хладнокровно насвистывая и съ заложенными въ оба кармана руками. Подошедшая миссъ Б***, не стѣсняясь присутствіемъ хорошо говорившаго по-англійски хозяина, громко ораторствовала (совершенно à l'anglaise) о грубомъ, невѣжественномъ суевѣріи этой „падшей расы". У*** не отвѣчалъ, но весьма презрительно улыбался. Тогда нашъ хозяинъ съ низкимъ „салаамомъ" подошелъ къ полковнику и учтиво попросилъ его вмѣстѣ со мною на „нѣсколько минутъ разговора"...

Ну, подумалось мнѣ, выгонятъ!...

Но мы, какъ видно, не измѣрили еще сердца Индусовъ до полной ихъ метафизической глубины.

Онъ началъ съ того что сочинилъ экспромптомъ весьма кудрявое вступленіе. Въ немъ напоминалось что онъ, хозяинъ, человѣкъ образованный, получившій *западное* воспитаніе. Вслѣдствіе этого, онъ де не совершенно еще увѣренъ въ томъ что въ тѣлѣ вампира дѣйствительно обрѣтается духъ покойнаго брата. Дарвинъ и другіе великіе натуралисты Запада, однако, какъ бы сами вѣрятъ въ переселеніе душъ, но, какъ онъ понимаетъ, въ *обратномъ* смыслѣ; т.-е. родись у него въ минуту несчастной смерти вампира сынъ, то, по самымъ послѣднимъ научнымъ соображеніямъ, въ этомъ сынѣ, вслѣдствіе разлагающихся по близости атомовъ вампира, явилось бы по всей вѣроятности много вампировскаго. „Такъ ли онъ понялъ Дарвина и его школу?" спрашивалъ онъ насъ.

Мы скромно отвѣчали что вслѣдствіе безпрерывныхъ путешествій за послѣдній годъ, мы немного отстали отъ современной науки и о таковомъ ея послѣднемъ заключеніи еще не слыхивали.

— А я слѣдилъ за нею, немного напыщенно произнесъ добродушный Шамра́о,—и поэтому полагаю что вполнѣ понялъ и оцѣнилъ ея послѣдніе выводы. Я даже только что кончилъ превосходную *Антропогенію* Геккеля и много думалъ надъ его логическимъ, научнымъ объясненіемъ объ образованіи человѣка изъ болѣе низшихъ животныхъ формъ путемъ трансформаціи. А что̀ такое *трансформація* какъ не *миграція* древнихъ и современныхъ Индусовъ—*метемпсихоза* Грековъ?

Мы ничего не нашли сказать противъ тождества, и даже замѣтили что по Геккелю оно дѣйствительно какъ бы выходитъ такъ.

— Ну вотъ видите ли! воскликнулъ онъ обрадовавшись.—Стало-быть наши воззрѣнія не такъ глупы и суевѣрны какъ объ этомъ пишутъ и говорятъ нѣкоторые противники Ману. Великій Ману, между тѣмъ, предупредилъ и Дарвина и Геккеля. Судите сами: послѣдній ведетъ генеалогію или *генезисъ* человѣка отъ группы „пластидовъ", отъ слизистаго *монера*; этотъ „монеръ" чрезъ *амеба*, а затѣмъ *зинамебія*, *асциди* и наконецъ безголоваго и безсердечнаго *амфіокса*, на восьмой стадіи коего трансмигрируетъ въ миногу—превращается наконецъ въ позвоночнаго *амніота*, въ промамалію, сумчатое животное къ классу котораго принадлежитъ и *вампиръ*... Вы, конечно, какъ люди образованные, противъ этого спорить не станете?...

Мы и не спорили и тѣмъ еще разъ утвердили право вампира принадлежать къ „мамаліямъ".

— Такъ прошу васъ, слѣдите за мной...

Мы, безъ сомнѣнія, слѣдили съ большимъ вниманіемъ, только ужь рѣшительно не понимали куда онъ насъ заводитъ.

— Дарвинъ, продолжалъ онъ,—ведетъ свое ученіе о происхожденіи видовъ, слѣдуя почти слово въ слово „палингенетическому" ученію нашего Ману. Въ этомъ я вполнѣ убѣдился и готовъ это доказать съ книгами въ рукахъ. Древній законодатель говоритъ, напримѣръ, вкратцѣ слѣдующее: „Великій Парабрама повелѣлъ дабы отъ зародившагося въ тинѣ глубокихъ морей червя земнаго, пройдя чрезъ всѣ стадіи животнаго творенія, явился въ мірѣ наконецъ человѣкъ. Червь сдѣлался зміемъ, змій рыбой, рыба преобразовалась во млекопитающаго и т. д." Не эта ли самая основная идея заключается въ Дарвиновской теоріи происхожденія органическихъ формъ посредствомъ постепеннаго перехода изъ простѣйшихъ видовъ въ болѣе сложные, изъ безструктурнаго протоплазма въ тинѣ силурійскаго и лаврентійскаго періода (тина морей Ману) въ антропоида, а затѣмъ въ человѣка?...

Мы согласились что дѣйствительно представлялось такое сходство.

— Но, несмотря на все мое искреннее уваженіе къ Дарвину и его послѣ-

дователю Геккелю, я не могу съ ними согласиться въ ихъ окончательныхъ заключеніяхъ, особенно съ выводами послѣдняго, продолжалъ ораторствовать Шамрао.—Этотъ вспыльчивый и желчный Нѣмецъ, такъ вѣрно копирующій эмбріологію нашего Ману и всѣ метаморфозы нашихъ предковъ, теряетъ изъ виду эволюцію *души человѣческой*, которая, по ученію Ману, слѣдуетъ рука объ руку съ эволюціей *матеріи* во всѣхъ ея измѣненіяхъ... Сынъ *Суайамбхувы* („несотвореннаго“) говоритъ такъ: „Каждое твореніе въ ряду своихъ переселеній пріобрѣтаетъ, въ дополненіе къ качествамъ всѣхъ предыдущихъ формъ, новыя, такимъ образомъ что чѣмъ ближе оно подходитъ къ высшему земному типу, человѣку, тѣмъ ярче въ немъ разгарается божественная искра“, и добавляетъ: „Но разъ сдѣлавшись Брамою на землѣ (то-есть достигнувъ въ образѣ *человѣка* верхней точки цикла трансмиграцій), человѣкъ вступаетъ въ рядъ трансмиграцій *сознательныхъ*.“ Другими словами, его будущія превращенія будутъ зависѣть не отъ слѣпаго закона постепеннаго развитія, но отъ поступковъ его на землѣ, за малѣйшій изъ коихъ онъ будетъ или награжденъ, или наказанъ. Поэтому въ волѣ человѣка и отъ него самого зависитъ пойдетъ ли онъ выше по дорогѣ къ *мокшѣ* (вѣчному блаженству), переходя изъ *локи* въ локу *, лока не дойдетъ до *Брамалоки*; или же, вслѣдствіе грѣховъ, снова не оттолкнется закономъ возмездія назадъ. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ обязанъ возвратиться къ прежнимъ уже разъ безсознательно пройденнымъ животнымъ формамъ. Но если и Дарвинъ и Геккель, какъ физики, оба теряютъ изъ вида этотъ, такъ сказать, *второй томъ* ихъ неполной теоріи, такъ остроумно „дополненной“ въ ученіи Ману, то все же они нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ и не отвергаютъ онаго. Не такъ ли?...

— Кажется что не отвергаютъ.

— Такъ почему же, вдругъ неожиданно накинулся онъ на насъ,—почему же меня, вполнѣ изучившаго самыя современныя и послѣднія идеи западной науки, меня, вѣрующаго въ ея представителей, которые въ свою очередь буквально подтверждаютъ научными выводами по крайней мѣрѣ *первую половину* (эволюцію физическаго міра) ученія Ману; почему меня, спрашиваю я, почтенная миссъ Б*** причисляетъ къ невѣжественнымъ и грубымъ Индусамъ“, называя наши *дополненныя* научныя теоріи „суевѣріемъ“, а насъ самихъ сынами „павшей низшей расы?...“

И у бѣднаго Шамрао даже навернулись на глазахъ слезы при воспоминаніи о незаслуженномъ оскорбленіи со стороны безтактной Англичанки. А мы стояли сконфуженные, не зная что̀ сказать.

— Вѣдь я же не возвожу всѣхъ этихъ нашихъ народныхъ вѣрованій въ „непреложные догматы“. Я взираю на нихъ пока какъ на простыя теоріи, стараясь слить въ одно, заставить древнюю науку гармонировать съ современною; я просто „гипотезирую“, какъ и Дарвинъ и Геккель. Къ тому же, какъ я слыхалъ, миссъ Б*** спиритка: она вѣритъ въ духовъ, въ *бхуту*. А если „бхутъ“, по ея понятіямъ, въ состояніи влѣзать въ тѣла медіумовъ и овладѣвать на долгіе часы и даже дни ихъ организмами, то почему же невозможнымъ представляется не только *бхуту*, но и менѣе грѣшной душѣ войти въ тѣло вампира?...

На подобную, черезчуръ уже „сжатую“ логику мы, признаюсь, не нашлись что̀ отвѣтить, а предпочли, не затрогивая этого деликатнаго метафизическаго вопроса, извиниться предъ нимъ за грубость миссъ Б***: „—Она Англичанка (говорили мы), и ея не передѣлаешь: она не желала никого оскорблять, а просто высказала необдуманно клевету о суевѣріяхъ и т. д.

Хозяинъ мало-по-малу успокоился. Онъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ принялся было доказывать намъ почему, вслѣдствіе глубоко обдуманнаго имъ закона „атавизма“, или наслѣдственной передачи свойствъ прыжками чрезъ пятаго на десятаго (какъ говорится) предка, на основаніи доказанной будто бы Геккелемъ необходимости „создавать *филогенетическія* гипотезы имѣющія главнымъ образомъ дедуктивный харак-

---

* Такихъ *лока* въ религіи Индусовъ семь *главныхъ* и множество *менѣе значительныхъ*. „Лока“—значитъ страна, мѣсто. Локи вообще—очистительные міры, и нѣкоторыя секты видятъ ихъ въ звѣздахъ. Души не очень грѣшныя и освобожденныя отъ земныхъ переселеній отправляются въ эти міры, постепенно переходя отъ одного въ другой, но всегда въ образѣ человѣка, хотя этотъ образъ растетъ и совершенствуется съ каждымъ новымъ „локомъ“. Такіе разоблаченные отъ земной матеріи духи дѣлаются, по понятіямъ Индусовъ, *питрисами* и *девами*, которымъ они и поклоняются и приносятъ жертвы подъ именемъ „душъ предковъ“ *(pitris)*. Послѣдніе отвѣчаютъ описаннымъ средневѣковыми кабалистами *планетарнымъ духамъ* (См. *Heinrich Kunrath Amphitheatrum* etc. Соч. Парацельза и пр.).

теръ", онъ дошелъ до настоящей необходимости полуувѣровать въ тождество покойнаго брата его съ покойнымъ вампиромъ... Но вдругъ У*** чуть было не испортилъ всего дѣла:

— Старуха совсѣмъ рехнулась!.. закричалъ онъ намъ черезъ весь дворъ.— Она проклинаетъ насъ, утверждая что убійство вампира лишь одно начало цѣлаго ряда несчастій навлеченныхъ сыномъ на ихъ домъ—вами, Шамрао... грубо продолжалъ онъ, обращаясь къ послѣдователю Геккеля.—Она говоритъ что вы осквернили вашу браманскую святость пригласивъ насъ, *белатти*, ужинать съ вами и провести ночь въ вашемъ домѣ.... Посылайте за слонами, полковникъ, не то насъ выгонятъ, коли еще не хуже.

— Но, помилуйте! говорилъ въ свою очередь растерянный браманъ:—что же мнѣ дѣлать? Она старая женщина, быть-можетъ съ предразсудками; но она мать моя... Вы люди образованные, люди ученые; скажите же мнѣ и научите какъ помочь всему этому несчастію? Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?...

— Что бы я сдѣлалъ, сэръ? воскликнулъ разсерженный глупостью положенія У***.—Будь я на вашемъ мѣстѣ и вѣрь я въ то во что вы вѣрите, я бы не задумался ни на минуту, а взявъ револьверъ, перестрѣлялъ бы: волервыхъ, всѣхъ сосѣднихъ вампировъ, хотя бы для того чтобы разомъ освободить всѣхъ моихъ родственниковъ отъ этихъ отвратительныхъ животныхъ; затѣмъ я прикладомъ револьвера разбилъ бы голову вонъ тому мошеннику браману который сочинилъ подобную глупость. Вотъ что бы я сдѣлалъ, сэръ!...

Но этотъ совѣтъ не удовлетворилъ бѣднаго потомка Рамы, и долго бы онъ бѣгалъ въ недоумѣніи отъ одного къ другому, колеблясь между священнымъ чувствомъ гостелріимства, врожденнымъ страхомъ къ браману и собственнымъ суевѣріемъ, еслибы всѣхъ насъ не выручилъ находчивый Бабу́. Услыхавъ что мы въ свою очередь разсердились и посылаемъ въ деревню за слонами чтобы тотчасъ же уѣхать, Бабу́ уговорилъ насъ подождать хоть одинъ часъ, заявивъ намъ что подобный поступокъ былъ бы величайшимъ оскорбленіемъ хозяину который ни мало не повиненъ во всей этой исторіи. А что касается глупой старухи, то онъ обѣщалъ ее угомонить очень скоро; у него уже и планъ де готовъ.

Съ этою цѣлью онъ попросилъ насъ отправиться на большую дорогу осмотрѣть развалины старой крѣпости и ждать тамъ до его прихода. Мы повиновались, но чрезвычайно заинтересованные его „планомъ" шли тихо и нехотя. Мущины злились; миссъ Б*** ораторствовала, а Нараянъ, невозмутимо хладнокровный какъ и всегда, поддразнивалъ Англичанку „духами" въ которыхъ она вѣровала. Проходя за домомъ, мы увидали Бабу́ шедшаго вдоль стѣны съ фамильнымъ жрецомъ и горячо о чемъ-то съ нимъ споривша́го. Бритая голова жреца кивала на всѣ стороны, длинное желтое платье развѣвалось, а руки высоко воздымались къ небу, какъ бы призывая боговъ во свидѣтели его словъ...

— Ничего онъ не подѣлаетъ съ этимъ фанатикомъ, замѣтилъ полковникъ, закуривая трубку.

Не успѣли мы послѣ этого замѣчанія отойти и на сто шаговъ, какъ увидали Бабу́ бѣжавшаго за нами и дѣлавшаго намъ знакъ остановиться.

— Все благополучно кончилось, кричалъ онъ намъ еще издали, размахивая руками и отъ смѣха насилу выговаривая слова.—Вамъ предстоятъ благодаренія. Вы являетесь спасителями благотворителя покойнаго *бхута*... Вы...

И онъ упалъ на камень, держась обѣими руками за узкую, запыхавшуюся грудь и хохоталъ до того что заразилъ своимъ смѣхомъ всѣхъ насъ, еще даже не понимавшихъ въ чемъ дѣло.

— И подумайте только, разказывалъ онъ,—вѣдь всего десять рупій стоило; предлагалъ пять, но онъ заупрямился, а десять взялъ.

И онъ опять катался со смѣху.

Наконецъ онъ объяснилъ намъ слѣдующую, дающую отчетливое понятіе о святости брамановъ, придуманную имъ хитрость. Онъ зналъ что вообще всѣ *метемпсихозы* шайвовъ (поклонниковъ Шивы) зависятъ отъ воображенія фамильныхъ „гуру", которые и получаютъ за эти наставленія отъ каждаго семейства отъ 100 до 150 рупій въ годъ. Такіе браманы въ то же время и астрологи, и распорядители всѣхъ установленныхъ религіозныхъ въ семействѣ обычаевъ. Всѣ обряды сопряжены съ расходами которые поступаютъ въ карманы ненасытныхъ домашнихъ брамановъ; и обряды во имя какого-нибудь счастливаго событія оплачиваются гораздо лучше чѣмъ тѣ которые совершаются вслѣдствіе несчастія. Зная все это, Бабу́ приступилъ прямо къ дѣлу: онъ предложилъ браману пять рупій, если тотъ разыграетъ фальшивую *са-*

мадди, то-есть притворится вдохновеннымъ и заговоритъ какъ бы отъ имени умершаго сына—объявитъ матери что тотъ самъ искалъ смерти въ тѣлѣ вампира; что онъ съ цѣлью отвязаться отъ этой трансмиграціи и перейти въ *высшую*—нарочно искалъ смерти; что ему теперь лучше, и что онъ благодаритъ „сааба“ освободившаго его отъ отвратительнаго образа. Къ тому же онъ, Бабу́, слышалъ что браманъ желаетъ продать ожидаемый на дняхъ плодъ своей буйволицы, а Шамрао отказывался отъ покупки. Чего же лучше? Пусть только преподобный отецъ *гуру* объявитъ (подъ вліяніемъ той же *самадди*) что освобожденный духъ намѣренъ теперь поселиться въ тѣлѣ будущаго буйволенка, и мать, конечно, заставитъ Шамрао купить это новое воплощеніе ея старшаго сына. Пойдутъ увеселенія, новые обряды и почтенному браману выпадетъ изрядная, по этому случаю, доля рупій.

Сначала, боясь быть изобличеннымъ, *гуру* отказывался и призывалъ небо и боговъ въ свидѣтели что въ вампирѣ дѣйствительно проживалъ сынъ дома; но потомъ, когда Бабу́ (самъ глубоко изучившій всѣ штуки брамановъ) доказалъ ему что его выдумка не въ состояніи была выдержать критики, такъ какъ подобная трансмиграція въ *Шастрахъ* не находится,—онъ подался, запросивъ только 10 рупій и молчаніе... Такимъ образомъ дѣло было слажено, и старуха успокоилась.

Когда мы подходили къ высокимъ воротамъ дома, Шамрао́ вышелъ къ намъ на встрѣчу съ сіяющимъ лицомъ. Боясь насмѣшекъ, или же не находя ни въ современныхъ положительныхъ наукахъ вообще, ни въ Геккелѣ въ частности чего-либо положительнаго, чтобы сдѣлать одного изъ нихъ порукой въ вопросѣ объ этой новой трансмиграціи, онъ намъ не объяснилъ почему вдругъ все перемѣнилось къ лучшему. Онъ только довольно неловко замѣтилъ что старуха мать, вслѣдствіе ей одной извѣстныхъ, таинственныхъ и новыхъ соображеній, успокоилась за судьбу сына; а затѣмъ не намекалъ болѣе на эту маленькую непріятность. Зато онъ сдѣлался еще привѣтливѣе и веселѣе и умолялъ насъ „изъ чистой любви къ наукѣ“ отправиться съ нимъ въ этотъ вечеръ на религіозную *тамашу*. Извѣстная на весь околотокъ *джадувалла* (заклинательница, колдунья) находилась въ то время подъ вліяніемъ *семи богинь*, семи сестеръ, которыя всѣ поочередно овладѣвали ею и пророчествовали ея устами...

Мы съ радостью согласились и стали съ нетерпѣніемъ ожидать вечера.

Письмо XVII.

Чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе утренней исторіи, Шамрао́ предложилъ намъ между тѣмъ сидѣть у открытой двери молельни и взирать какъ онъ будетъ совершать свои утренніе обряды, поклоненіе богамъ. Для нашей любознательности ничего не могло быть пріятнѣе этого, и мы, усѣвшись на верандѣ, стали наблюдать за нимъ въ широкое, замѣняющее дверь, отверстіе...

Было девять часовъ утра, обыкновенный часъ утренней молитвы туземцевъ. Шамрао́ пошелъ къ колодцу приготовиться и „одѣться“, какъ онъ выражался, тогда какъ злые языки сказали бы: „раздѣться“. Чрезъ нѣсколько минутъ, вернувшись въ одномъ *дотти* какъ за столомъ, и съ голою головой, онъ направился прямо къ кумирнѣ. Въ то самое время какъ онъ входилъ туда, раздался громкій ударъ привязаннаго къ потолку молельни колокола, который и не переставалъ звонить во все время обрядовъ. Звонарь оставался невидимымъ; но бабу сообщилъ намъ что то звонитъ мальчикъ съ крыши...

Шамрао́ вошелъ правою ногой и очень медленно. Затѣмъ онъ подошелъ къ алтарю и сѣлъ поджавъ и скрестивъ ноги на низенькую стоявшую предъ нимъ скамеечку. Во глубинѣ комнаты на алтарѣ, похожемъ на модную этажерку, стояли расположенные на покрытыхъ краснымъ бархатомъ полукруглыхъ полкахъ домашніе боги. Идолы были изъ золота, серебра, мѣди и мрамора, смотря по достоинству и заслугамъ. Такъ *Махадева* (Шива) былъ золотой, Ганпати или „Ганета“ (сынъ Шивы, богъ со слоновою головой) былъ серебряный; Вишну — въ образѣ *Шалиграна*, чернаго круглаго камня изъ рѣки Гандаки въ Непа́лѣ, котораго и называютъ подъ этою формой Лакшми-Нарайанъ; другія неизвѣстныя божества находились тамъ подъ видомъ большихъ раковинъ извѣстныхъ подъ именемъ *Чакра*; богъ солнца, *Сурья*, и другіе боги и богини (*куладев*'ы, домашніе боги), стояли на заднемъ планѣ. Самъ алтарь находился подъ куполообразною бесѣдкой изъ сандальнаго съ великолѣпною рѣзьбой дерева; а по ночамъ эти боги и при-

ношенія покрывались огромнымъ стекляннымъ колпакомъ отъ крысъ. На стѣнахъ молельни висѣло много образовъ представляющихъ главные эпизоды въ жизни высшихъ боговъ.

Пока мы съ любопытствомъ разсматривали все это, Шамрао, бормоча все время молитвы, наполнилъ золой горсть лѣвой руки и закрывъ ее на минуту правою, налилъ въ нее воды и растеревъ золу между ладонями, сталъ проводить большимъ пальцемъ правой руки линію отъ кончика носа до средины лба; а отсюда къ углу праваго виска, а потомъ назадъ, отъ праваго къ лѣвому. Совершивъ эту разрисовку своей физіономіи, онъ сталъ по порядку натирать тою же мокрою золой горло, животъ, лѣвую руку, грудь, правую руку, плечи, спину, уши, глаза и голову; послѣ этого, направясь въ уголъ комнаты къ освященному фонтану, онъ трижды окунулся съ головой, какъ былъ въ доттн, въ огромной полной водою бронзовой купѣли, откуда и вынырнулъ изображая собою неуспѣвшаго высохнуть на солнцѣ толстаго тритона. Встряхнувъ распущенною прядью, онъ свернулъ ее на манеръ того что̀ встарину русскими горничными называлось *куделькой* и забравъ опять воды въ правую горсть сталъ ею водить вокругъ головы. Эта операція завершила первое дѣйствіе.

Дѣйствіе второе началось молитвами *сандля*—религіозною медитаціей и *мантрами* которыя набожные люди повторяютъ по три раза въ день, утромъ съ восходомъ солнечнымъ, въ полдень и на закатѣ солнца. Онъ громко произносилъ имена 24 боговъ, и каждое имя сопровождалось ударомъ колокола. Кончивъ, онъ сперва закрылъ глаза, заложилъ уши ватой и двумя пальцами правой руки лѣвую ноздрю, и шумно вытянувъ воздухъ правою, онъ захватилъ большимъ пальцемъ и другую ноздрю, крѣпко сжавъ губы чтобы не дышать. Въ этомъ положеніи всякій благочестивый Индусъ долженъ мысленно повторить нѣкій стихъ съ метромъ *Гайатри*: то священныя и непроизносимыя слова которыя ни одинъ Индусъ не осмѣлится повторить громко, и даже читая ихъ *мысленно* удерживаетъ насильственнымъ образомъ дыханіе чтобы не вдохнуть въ это время чего-либо нечистаго. Давъ честное слово не повторять всего стиха, я могу однако привесть отрывочныя фразы; молитва начинается такъ:

„Омъ!... Земля!... Небо! да осѣнитъ меня обожаемый свѣтъ.... (этого имени нельзя произносить).... Твое солнце, о, *Единый*, да осѣнитъ меня, недостойнаго.... я закрываю глаза, затыкаю уши, не дышу... дабы видѣть, слышать, дышать однимъ тобою.... Да озаритъ наши мысли (снова тайное имя)“....

Любопытно сравнить съ этою молитвой Индусовъ Декартовскую молитву, „*Méditation* III“ въ его „*L'Existence de Dieu*“ (1.641). Если читатели помнятъ, въ ней говорится слѣдующее: „*Я теперь закрою глаза, заложу уши, отгоню всѣ пять чувствъ отъ себя.... и остановлюсь надъ одною мыслію о Богѣ, задумаюсь надъ Его качествомъ и стану взирать на красоту этой чудной свѣтозарности*“...

Кончивъ, Индусъ держа между двумя пальцами священный браманскій шнурокъ, снова повторяетъ, тихо и про себя, другія молитвы. Потомъ, смѣшавъ немного рису и сандальнаго порошка, онъ беретъ стоящій на алтарѣ кувшинъ съ водой, и отмывъ старыя пятна налѣпливаетъ на него свѣжія изъ только что сфабрикованнаго имъ тѣста. За этимъ, слѣдуетъ церемонія „умовеніе боговъ“.

Снимая ихъ одного за другимъ, по чину, онъ опускаетъ ихъ сперва въ купѣль съ водой, а затѣмъ купаетъ въ молокѣ, въ другой бронзовой купѣли у алтаря. Молоко перемѣшано съ простоквашей, масломъ, медомъ и сахаромъ, такъ что вмѣсто купанья выходитъ пачкатня. Но все это смывается въ третій разъ въ первой купѣли и вытирается до́суха чистымъ полотенцемъ. Поставивъ идоловъ на мѣсто, Индусъ рисуетъ на нихъ кольцомъ съ лѣвой руки сектарные знаки, употребляя для *Линги* бѣлый сандалъ, а для *Ганпати* и *Сурьи*—красный. Потомъ онъ ихъ окропляетъ разными душистыми маслами, посыпаетъ цвѣтами принося каждый день свѣжіе, и оканчиваетъ длинную церемонію звономъ изо всей силы идоламъ подъ носъ изъ маленькаго колокольчика—„дабы разбудить ихъ“, говорятъ браманы, вѣроятно полагая не безъ основанія что боги въ это время всѣ со скуки уснули. Замѣтивъ или же воображая (что̀ иногда одно и то же) что боги проснулись, онъ начинаетъ имъ подносить свои жертвы: зажигаетъ курительныя свѣчи, лампады и раскуриваетъ имъ кадильницей ѳміамъ, по временамъ щелкая предъ ихъ физіономіями пальцами чтобы, какъ надо полагать, они „смотрѣли въ оба“. Покуривъ во всѣ стороны ладономъ и камфорой и набравъ въ руки цвѣ-

товъ, * онъ осыпаетъ ихъ снова, становится за скамейку и произнося послѣднія молитвы, проводитъ ладони обѣихъ рукъ надъ пламенемъ свѣчей и лампъ, третъ себѣ руками лицо, и обойдя три раза вокругъ алтаря, кладетъ трижды земной поклонъ и удаляется, лицомъ къ алтарю и идя задомъ.

Въ то время какъ хозяинъ кончаетъ свой утренній обрядъ, въ молельню входятъ женщины и сѣвъ на низенькія принесенныя ими скамейки, начинаютъ перебирать четки и молиться. Четки здѣсь играютъ не малую роль какъ и у буддистовъ. У каждаго бога свои особенныя четки, и факиры покрываются ими **.

Оставивъ женщинъ молиться на свободѣ, мы послѣдовали за Шамрао въ коровье стойло. Въ лицѣ этого животнаго поклоняются „кормилицѣ землѣ“, природѣ. Отперевъ дверь, онъ сѣлъ возлѣ коровы и сталъ обмывать ей ноги, сперва ея же молокомъ, затѣмъ водою. Потомъ, онъ покормилъ ее рисомъ и сахаромъ изъ горсти, выпачкалъ ей голову сандальнымъ и другими порошками, украсивъ рога и всѣ четыре ноги гирляндами изъ цвѣтовъ; покадивъ подъ морду ладономъ и покрутивъ надъ головой зажженною лампой, онъ обошелъ ее трижды и сѣлъ отдохнуть. Есть такіе Индусы что обходятъ вокругъ священной коровы до ста восьми разъ съ четками въ рукахъ. Но нашъ Шамрао былъ человѣкъ съ маленькою тенденціей повольнодумничать и слишкомъ начитался Геккеля. Отдохнувъ, онъ наполнилъ кружку водой, обмакнулъ въ нее хвостъ коровы и—выпилъ!...

Такимъ же образомъ онъ исполнилъ обрядъ поклоненія священному растенію *тульси* *** женѣ Кришны, и Солнцу, съ тою только разницей что такъ какъ онъ не могъ исполнить надъ этимъ божествомъ обряда омовенія, то ставъ предъ свѣтиломъ дня на одной ногѣ, и набравъ въ ротъ воды, онъ прыснулъ на *Сурію* три раза, обрызгавъ, вмѣсто солнца, всѣхъ насъ.

Причина страннаго поклоненія растенію *тульси* до сихъ поръ еще остается для насъ загадкой. Знаю только одно что хотя въ сентябрѣ каждаго года совершается брачная церемонія этого растенія съ богомъ Вишну, но *тульси* называется женою Кришны, быть можетъ потому что Кришна воплощеніе Вишну. Въ этотъ день всѣ Индусы (у которыхъ не окажется ни одного дома безъ горшка съ этимъ растеніемъ) разрисовываютъ и украшаютъ мишурой горшки въ которыхъ растетъ тульси, затѣмъ горшокъ становится въ садъ и вокругъ него чертятъ мѣломъ какой-то магическій квадратъ; браманъ беретъ идола Вишну въ обѣ руки, и ставъ предъ растеніемъ начинаетъ вѣнчаніе: послѣднее состоитъ въ томъ что двое женатыхъ берутъ шаль и раскрывъ ее держатъ между цвѣткомъ и идоломъ въ родѣ ширмы, пока браманъ бормочетъ мантры, а женщины и дѣвушки (особенно поклоняющіяся *тульси*), бросаютъ на растеніе и бога рисъ и шафранъ. По совершеніи брачной церемоніи, шаль дарится браману, идола ставятъ подъ тѣнь его жены, всѣ Индусы хлопаютъ въ ладоши, дерутъ уши тамъ-тамомъ, пускаютъ ракеты, дарятъ другъ друга кусочками сахарнаго тростника, и всячески веселятся до утра...

Въ прошломъ сентябрѣ, мы были случайно очевидцами этого вѣнчанія въ собственномъ саду, гдѣ нашъ *Мали*—(садовникъ, фанатичный Индусъ) не согласился бы ни за какія деньги дозволить иностранцамъ осквернить своимъ присутствіемъ его священный *tête-à-tête* съ богами.

Но вотъ насталъ вечеръ, и мы опять на слонахъ и снова собираемся въ путь; но это не надолго. До логовища старой колдуньи (лиѳіи Индостана) всего пять миль, и дорога хотя и пролегаетъ черезъ густой дженглъ, но гладкая и ровная. Даже и дженглъ съ его свирѣпыми обитателями ужь не лугаетъ насъ. Прежніе трусливые слоны отосланы домой, и мы сидимъ на другихъ, присланныхъ намъ сосѣднимъ раджею. Они не разъ охотились за тиграми, и ревъ всѣхъ звѣрей въ околоткѣ не испугаетъ этихъ старыхъ патріарховъ лѣсовъ; словно два темныхъ холма стали они предъ верандою... Итакъ, въ дорогу!. Красноватое пламя факеловъ ослѣпляетъ глаза, усугубляя мракъ окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ лѣса. Отъ этого яркаго освѣщенія онъ кажется еще чернѣе, еще таинственнѣе...

---

* У каждаго божества и богини свой любимый, привилегированный цвѣтокъ.

** Эти четки, называемыя *мала*, имѣютъ сто восемь зеренъ; ихъ дѣлаютъ или изъ черныхъ ягодъ въ родѣ шиповника—*рудракша*, или же изъ свѣтлаго дерева *тульси*. Повторяя молитвы съ четками, набожные Индусы часто прячутъ руки въ особенной формы мѣшокъ который они зовутъ „коровьимъ ртомъ“ *(гамукхи)*.

*** Царскій *basilicum*, попросту базиликъ.

Есть что-то невыразимо заманчивое, почти торжественное въ подобныхъ ночныхъ путешествіяхъ по Индіи. Тихо и глухо всюду: все спитъ кругомъ, внизу и надъ головами. Одинъ тяжелый мѣрный звукъ шаговъ лѣсныхъ великановъ глухо раздается въ тиши ночной, словно удары молота по наковальнѣ въ подземной кузницѣ Вулкана. По временамъ разносятся по лѣсу странные голоса и звуки будто кто-то тихо воетъ межь разбросанными скалами руинъ: „то вѣтеръ завываетъ“,—говоримъ мы: „удивительный феноменъ акустики“... — „Блута! блута!“ шепчутъ испуганные факельщики, трижды потрясаютъ вокругъ себя зажженными факелами, и быстро крутятся на одной ногѣ щелкая пальцами чтобъ отогнать расходившихся духовъ... Жалобный вой замолкъ, и снова слышится одно металлическое трещанье ночныхъ сверчковъ, заунывное кваканье древесной лягушки, да мелко выбиваемая дробь кузнечика. Временами все это умолкаетъ чтобы чрезъ минуту снова наполнить лѣсъ стройнымъ хоромъ... Боже мой! сколько бытія, сколько жизненной силы скрывается подъ каждымъ листикомъ, подъ малѣйшею травкой этихъ тропическихъ лѣсовъ! Миріадами горятъ звѣзды на темной синевѣ неба, и словно блѣдное отраженіе далекихъ свѣтилъ, такими же миріадами свѣтятся фосфорическія искры свѣтляковъ и огненныхъ мушекъ, со всѣхъ сторонъ мигая намъ на еще темнѣйшей зелени кустовъ, точно указывая и освѣщая нашъ путь...

XVIII.

Выѣхавъ изъ темнаго бора мы очутились на довольно ровномъ мѣстѣ, въ котло нѣ окруженной съ трехъ сторонъ стѣною того же непроходимаго лѣса, гдѣ вѣроятно и въ полдень лежатъ ночныя тѣни. Мы находились теперь около 2.000 футовъ надъ подошвой Виндиской цѣпи, такъ какъ прямо надъ нашими головами виднѣлись высокія развалины стѣнъ Ма́нду.

Неожиданно подулъ довольно холодный вѣтеръ, и чуть не задулъ всѣ наши факелы. Пойманный въ лабиринтѣ скалъ и кустарника онъ вдругъ завылъ, яростно потрясъ зелеными перьями цвѣтущей моринги, вырвался и пронесшись вихремъ кругомъ котловины, полетѣлъ по ущелью вонъ и залился, точно всѣ лѣсные духи выли похоронныя пѣсни по вѣдьмамъ горъ....

— Мы пріѣхали! объявилъ Шамрао, слѣзая съ лошади: — вотъ деревня, а дальше ѣхать нельзя.

— Куда пріѣхали?.. И гдѣ же деревня... здѣсь одинъ лѣсъ!

— Деревни и домовъ вы ночью не увидите. Землянки всѣ скрыты межь кустарниковъ, а многія, вырубленныя въ скалахъ, мало отличаются отъ нихъ и днемъ. Огня же никто здѣсь не зажигаетъ послѣ заката солнца.... боятся духовъ, пояснилъ онъ.

— А гдѣ же ваша вѣдьма? Неужели намъ придется глядѣть на нее въ темнотѣ?

Шамрао пугливо оглянулся кругомъ, и голосъ его замѣтно задрожалъ отвѣчая намъ.

— Прошу васъ и умоляю, не называйте ее *дакки́нъ* (вѣдьмой)... Она можетъ услышать васъ... Теперь намъ не далеко до нея, хотя вамъ и придется идти пѣшкомъ... съ полмили. Туда къ *ней* и лошадь, не только что слонъ, не пройдетъ. У ней мы найдемъ огонь....

Сюрпризъ выходилъ довольно непріятный. Идти ночью, цѣлыя полмили въ Индіи, пролѣзая чрезъ чащи кактусовъ и окруженные дремучимъ лѣсомъ полнымъ звѣрей! Миссъ Б. рѣшительно протестовала и объявила что не пойдетъ, а останется ожидать насъ, не слѣзая со слона, въ *хаудѣ*, гдѣ можетъ преспокойно заснуть. Она такъ и сдѣлала.

Наранъ, протестовавшій противъ этой *partie de plaisir* съ самаго начала, хотя и не объясняя намъ почему, замѣтилъ ей что она очень благоразумно поступаетъ въ этомъ случаѣ.

— Вы ничего не потеряете, отказавшись отъ свиданья съ *дакки́ни*... И я очень бы желалъ чтобы вашему примѣру послѣдовали и другіе...

— Но какой же вредъ можетъ выйдти отъ этого? настаивалъ Шамрао, немного огорченнымъ голосомъ, такъ какъ онъ первый затѣялъ эту поѣздку.—Не говоря ужь о томъ что наши гости будутъ имѣть случай увидѣть чрезвычайно любопытное зрѣлище „воплощенія боговъ“, зрѣлище рѣдкое и которое не всякому Европейцу удается видѣть, „Кангаиммъ“—женщина святая... Она пророчица, и ея благословеніе, хотя она и язычница, не можетъ никому повредить... Я настаивалъ на этой поѣздкѣ изъ чистаго патріотизма...

— Если вашъ патріотизмъ, саи́бъ, состоитъ въ томъ чтобы хвастаться предъ иностранцами мерзѣйшими язвами нашей безъ того униженной, почти задохшейся въ грязи родины, то поче-

му же вамъ скорѣе не пришло въ голову собрать властью *Пателя* всѣхъ прокаженныхъ въ вашемъ околоткѣ и похвастаться предъ вашими гостями *ими?* отвѣчалъ со странною горечью Паранъ.

Боясь ссоры между Индусами полковникъ замѣтилъ что теперь ужъ поздно каяться. Къ тому же, хотя онъ самъ въ „воплощенія боговъ“ не очень вѣритъ, но знаетъ что такъ-называемое на западѣ *бъсованіе* есть фактъ. Судъ недавно свершившійся въ Россіи надъ Тихвинскими крестьянами, которые сожгли Аграфену-вѣдьму доказательство дѣйствительнаго существованія странной и таинственной болѣзни называемой на Западѣ „медіумствомъ“, а въ Россіи „клпкушествомъ“. Онъ желаетъ изучать всякія такія психическія явленія, гдѣ бы и подъ какимъ бы видомъ они ни являлись, съ научной точки зрѣнія...

Странное зрѣлище представилось бы глазамъ нашихъ американскихъ и европейскихъ друзей еслибъ они могли увидать насъ среди этого ночнаго шествія! Дорога шла узкою тропой въ гору, и по ней нельзя было пройдти болѣе чѣмъ вдвоемъ рядомъ, а насъ было цѣлыхъ тридцать съ факельщиками. Въ полковникѣ вѣроятно проснулось воспоминаніе о его ночныхъ вылазкахъ противъ конфедератовъ, и онъ тотчасъ же принялъ на себя команду надъ нашею экспедиціей. Эта команда, впрочемъ, ограничилась весьма немногимъ. Зарядивъ револьверы и ружье, онъ послалъ трехъ факельщиковъ впередъ освѣщать дорогу, что бы они сдѣлали и сами — и скомандовалъ маршъ! Теперь намъ нечего бояться конфедераціи тигровъ, и мы можемъ идти спокойно. Извиваясь огненнымъ зміемъ по лѣсу, наша процессія медленно поползла верхъ по тропинкѣ.

Нельзя сказать чтобъ явившееся полчаса позднѣе въ берлогу пророчицы Манду общество отличалось особенною свѣжестью или изяществомъ туалетовъ. У полковника и У*** дорожныя блузы были въ лохмотьяхъ какъ и мое платье. Кактусы собрали съ насъ посильную дань по дорогѣ; а во взъерошенныхъ волосахъ бабу копошилась цѣлая колонія свѣтляковъ и длинноногихъ трещотокъ-сверчковъ, неотразимо привлекаемыхъ къ его головѣ вѣроятнѣе всего запахомъ кокосоваго масла. Толстый Шамрао пыхтѣлъ какъ паровая машина. Одинъ Паранъ, высказавъ свое мнѣніе, вернулся къ своему невозмутимому хладнокровію, походя во всякое время дня и ночи, а теперь въ особенности, на бронзовую статую Геркулеса съ лапцей.

При послѣднемъ поворотѣ, гдѣ намъ пришлось лѣзть вверхъ по огромнымъ обломкамъ скалъ, мы очутились на тропинкѣ которая вела далѣе по ровной окраинѣ густаго лѣска. Когда это послѣднее препятствіе было побѣждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослѣплены необычайнымъ свѣтомъ, а слухъ пораженъ самыми непривычными звуками.

Предъ нами открылась другая котловина, входъ въ которую, чрезъ только что пройденное нами ущелье, маскировался только что обойденнымъ лѣсомъ. Какъ мы потомъ сообразили, можно было ходить вокругъ этого заколдованнаго лѣска недѣлю, и даже не подозрѣвать о котловинѣ на глубинѣ которой мы увидѣли жилище знаменитой *Кангалиммы*—колдуньи и оракула всего околотка.

„Логовище“ оказалось довольно хорошо сохранившеюся развалиной древняго индусскаго храма; вѣроятнѣе всего, онъ былъ построенъ гораздо ранѣе „мертваго города“, гдѣ не дозволялось язычникамъ имѣть своихъ храмовъ, — такъ какъ эта полуразвалина находится какъ разъ подъ тѣмъ что было нѣкогда городскою стѣной, и внѣ линіи послѣдней. Кулолы двухъ боковыхъ, небольшихъ пагодъ провалились, и изъ алтарей храмовъ повыростали огромные кусты, въ тотъ вечеръ исчезавшіе подъ разноцвѣтными тряпками, горшечками и другими талисманами народнаго суевѣрія, которое даже въ нихъ видитъ нѣчто божественное... „Развѣ не выросли они на священномъ мѣстѣ? въ ихъ фибрахъ не течетъ развѣ сокъ весь пропитанный миміамомъ жертвоприношеній и испареніями святыхъ отшельниковъ, нѣкогда жившихъ и дышавшихъ здѣсь?“ отвѣчалъ намъ въ видѣ вопросовъ на наши замѣчанія ученый, но суевѣрный Шамрао.

За то средній храмъ, выстроенный изъ краснаго гранита, былъ еще крѣпокъ, и сквозь его четыре толстыя колонны чернѣло бы, когда бы дверь не мѣшала, глубокое отверстіе прорытое подъ горой. Что было за дверью, никто не зналъ. По увѣренію Шамрао, еще ни одна нога живаго существа, изъ трехъ послѣднихъ поколѣній, не переступала за эту толстую, обитую желѣзомъ дверь ведущую во внутренность подгорнаго храма. Кангалиммъ жила тамъ одна, и въ памяти старѣй-

шихъ обитателей *всегда* жила тамъ. Одни говорили что ей 300 лѣтъ; другіе увѣряли будто одинъ древній старецъ сознался предъ смертью сыну что старуха—*его родной дядя!* Послѣдній удалился въ пещеру спасаться и прокладывать себѣ дорогу къ *Мокшѣ*, еще въ тѣ времена когда „мертвый городъ“ считалъ нѣсколько сотъ послѣднихъ своихъ обитателей. Пустынникъ не принималъ никого, и чѣмъ и какъ онъ жилъ, никто того не зналъ и не знаетъ. Но вотъ давно, очень давно, еще въ тѣ дни когда *Беллати* не владѣли этими горами, старый отшельникъ внезапно превратился въ старую отшельницу; и съ тѣхъ поръ она продолжая его занятія говоритъ его голосомъ и часто его именемъ, и только стала принимать поклонниковъ, чего ея предмѣстникъ никогда не дѣлалъ.

Мы видно пріѣхали рано, и пиѳія еще не выходила. Но площадка предъ храмомъ была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлялъ этотъ народъ! Громадный костеръ пылалъ на срединѣ двора и вокругъ него колотились, словно черные гномы, голые дикари, подбрасывая въ него цѣлыя вѣтви священныхъ — „семи сестрамъ богинямъ“ — деревъ. Медленно и мѣрно подскакивали они съ одной ноги на другую, повторяя хоромъ монотонную фразу, все одну и ту же, и на тотъ же напѣвъ, подъ аккомпаниментъ нѣсколькихъ туземныхъ бубновъ и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель послѣдняго, и ей вторило лишь лѣсное эхо да истерическія всхлипыванья двухъ дѣвочекъ лежавшихъ подъ кучей листьевъ возлѣ костра. Ихъ принесли матери, надѣясь что „богини“ сжалятся надъ ними и выгонятъ овладѣвшихъ ими двухъ злыхъ духовъ. Обѣ онѣ, еще молодыя женщины, сидѣли надъ дѣтьми на корточкахъ, подгорюнившись и тупо смотрѣли на огонь. При нашемъ появленіи никто изъ присутствовавшихъ даже не шевельнулся. Да и во все время пребыванія нашего съ ними, всѣ они дѣйствовали какъ бы не видя насъ. Еслибы на насъ была надѣта шапка-невидимка, то и тогда врядъ ли кто изъ нихъ могъ поступать страннѣе.

— Это они всѣ чувствуютъ приближеніе боговъ... Вся атмосфера полна ихъ эмманаціями, таинственно объяснялъ намъ Шамрао, благоговѣйно озираясь на тѣхъ кого его возлюбленный Геккель могъ бы съ полною справедливостью принять за „недостающее звено“—за чадъ своего „*Батибіуса Геккеліи*“.

— Они просто подъ вліяніемъ *тодди* и опіума, срѣзалъ его непочтительный бабу.

И дѣйствительно, какъ сонныя тѣни двигались тѣ изъ нихъ которые не принимали прямаго участія въ „представленіи“. А послѣдніе напоминали намъ одержимыхъ пляскою Св. Вита, въ группѣ Пэджа. Одинъ изъ нихъ, длинный, бѣлый какъ лунь и худой какъ скелетъ старикъ, отдѣлившись, при нашемъ приближеніи, изъ толпы, распустивъ руки крыльями, сталъ вдругъ крутиться на одной ногѣ, громко скрежеща желтыми и длинными какъ у стараго волка зубами. На него было страшно, отвратительно смотрѣть! Онъ скоро улалъ, и безмолвно, почти механически его откатили *ногами* (!) въ сторону, рядомъ съ больными дѣвочками. Но то ли еще ожидало насъ! Вѣдь сказка наша впереди...

Въ ожиданіи „примадонны“ этой лѣсной оперы, мы усѣлись какъ могли на пнѣ стараго упавшаго дуба, у самаго портика храма, и приготовляясь забросать нашего снисходительнаго хозяина вопросами. Но не успѣли мы сѣсть какъ съ нервнымъ чувствомъ неподдѣльнаго изумленія и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назадъ...

Предо мною стоялъ остовъ чудовищной головы звѣря, подобнаго которому я ничего не находила въ моихъ зоологическихъ воспоминаніяхъ!

Эта голова была гораздо болѣе головы скелета слона... То былъ однако слонъ, если можно было судить по искусно придѣланному къ его черепу чучелу хобота, конецъ котораго изгибался гигантскою черною піявкой почти у моихъ ногъ. Но у слона нѣтъ роговъ, а у этого цѣлыхъ четыре! Передняя пара, на плоскомъ лбу, торчала слегка закручиваясь впередъ и раздаваясь въ обѣ стороны какъ рога быка, а за ними другіе два, массивные, съ широкою какъ у оленя перепонкой у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога; откуда они развѣтвлялись въ обѣ стороны, на такую гигантскую вышину что могли бы кажется снабдить головы десяти обыкновенныхъ оленей! Въ пустыхъ впадинахъ черепа были вдѣланы два подобія глазъ, изъ выдѣланной желтой и прозрачной какъ янтарь кожи носорога; * а за этимъ по-

* Въ Раджистанѣ изъ такой кожи дѣлаютъ щиты. Они очень дорого стоятъ и носятся только богатымъ классомъ Раджпутовъ.

добіемъ глазъ горѣли двѣ зажженныя плошки, что придавало головѣ еще болѣе ужасный, просто дьявольскій видъ.

— Да что жъ это такое, наконецъ! послышалось общее восклицаніе. Даже полковникъ не встрѣчалъ ничего подобнаго и не могъ узнать звѣря.

— *Сиватеріумъ*, отвѣчалъ Нараянъ.— Развѣ вы не видали остововъ этихъ долотолныхъ звѣрей въ европейскихъ музеумахъ?... Странно; въ Гималайскихъ горахъ ихъ находятъ въ большомъ количествѣ, хотя и въ раздробленномъ состояніи... Они такъ названы въ честь бога Шивы.

Признаюсь, мнѣ въ первый разъ доводилось видѣть это страшилище, которое Сенковскій позабылъ представить намъ въ своемъ долотолномъ романѣ, на ряду со спасающимъ влюбленную чету мамонтомъ. Но лучше поздно нежели никогда. И вотъ, мы теперь стояли лицомъ къ лицу съ этимъ интереснымъ чудовищемъ.

— Если коллекторъ (collector) когда узнаетъ о существованіи этого остова у вашей вѣдьмы, вставилъ словцо бабу́,— то не долго онъ станетъ украшать сіе святилище...

Возлѣ остова и разсыпанные на полу портика лежали кучи бѣлыхъ цвѣтовъ, если не совсѣмъ долотолныхъ, то по крайней мѣрѣ неизвѣстной намъ, профанамъ въ ботаникѣ, породы. Они были величиной съ большую розу и посыпанные краснымъ порошкомъ „лалъ“— неизмѣнною принадлежностью всѣхъ религіозныхъ церемоній сей страны. Далѣе, валялись кокосовые орѣхи, стояли мѣдныя блюда съ рисомъ, въ которыхъ горѣли воткнутыя въ рисъ разныхъ цвѣтовъ свѣчи, а посреди портика курилась окруженная высокими въ большихъ мѣдныхъ канделябрахъ свѣчами странной формы жаровня, на которую мальчикъ въ бѣломъ одѣяніи и такой же бѣлой *пэггари* на головѣ то и дѣло подбрасывалъ ладонъ и другіе порошки.

— Эти люди, разказывалъ намъ Шамрао, хотя и поклоняются Кангалимѣ какъ воллощенію богинь, не принадлежатъ ни къ ея, ни къ его сектѣ. Они чертополоклонники, и индусскихъ боговъ не признаютъ, а живутъ, разбросанные на маленькія общины, въ горахъ и принадлежатъ къ одной изъ тѣхъ многочисленныхъ въ Индіи расъ, извѣстныхъ подъ именемъ „холмовыхъ“ или „горныхъ племенъ“, *hill-tribes*. Они не употребляютъ, какъ то дѣлаютъ Шанары въ южномъ Траванкорѣ и Тиневелли, кровь приносимыхъ ими въ жертву тямъ животныхъ и звѣрей; не строятъ особенныхъ храмовъ этимъ *бхутамъ* *, храмовъ которые они называютъ *Пе-Ковилъ* или „чортовъ домъ“; но почему-то воображаютъ что богиня Кали, супруга Шивы, съ незапамятныхъ временъ питаетъ къ нимъ злобу, и поэтому посылаетъ своихъ избраннѣйшихъ служащихъ ей злыхъ духовъ мучить ихъ. За этою разницей, они вѣрятъ въ то же во что вѣрятъ и Шанары. Они не признаютъ Бога и взираютъ *даже* на Шиву какъ на простаго духа. Но главная ихъ вѣра въ души умершихъ людей. Эти души, какъ бы онѣ добры и честны ни были при жизни, тотчасъ же послѣ смерти дѣлаются злыми чертями, радуясь и чувствуя себя счастливыми когда могутъ мучить людей и скотъ. Въ этомъ-то и состоитъ награда ихъ добродѣтельныхъ земныхъ подвиговъ; и, напротивъ, если человѣкъ былъ очень злымъ на землѣ, то онъ, дѣлаясь поневолѣ *добрымъ* „чортомъ“, мучится своимъ безсиліемъ и дѣлается весьма несчастнымъ. Результаты этой странной логики вовсе не дурны, однако. Эти дикари и чертополоклонники—добрѣйшее и честнѣйшее изо всѣхъ холмовыхъ племенъ въ Индіи, такъ какъ они стараются всѣми силами заслужить величайшую посмертную награду — быть произведенными въ злѣйшихъ чертей!

И, развеселенный собственнымъ остроуміемъ, Шамрао, разказывая намъ это, держалъ себя за бока отъ сдерживаемаго изъ уваженія къ святости мѣста хохота.

— Я ѣздилъ въ прошломъ году по дѣламъ въ Тиневелли, продолжалъ онъ,— и живя у одного пріятеля моего Шанара, былъ допущенъ видѣть одну изъ такихъ церемоній въ честь чертей. Изъ Европейцевъ, несмотря на хвастанье миссіонеровъ, еще лока ни одинъ не былъ допущенъ на подобный обрядъ, хотя между обращенными въ христіанство Шанарами есть которые и описывали имъ эти церемоніи. Пріятель мой былъ богатый человѣкъ, и черти на него должно-быть особенно за это взъѣлись. Они мучили его семейство, отравляли скотъ, портили посѣвы, заставляли гнить кофейное дерево и истязали его многочисленную родню, посылая на своихъ жертвъ солнечные удары, безуміе и эпилепсію, каковыми болѣзнями они особенно завѣдуютъ. Эти

---

* Эти „черти“, по понятіямъ *Шанаръ*, не особенные духи, а просто души умершихъ злыхъ людей.

злющіе черти поселились во всѣхъ углахъ его обширныхъ владѣній: въ лѣсахъ, въ развалинахъ и даже въ его хлѣвахъ. Поэтому онъ покрылъ всю свою землю храмами,—пирамидами изъ глины, вымазалъ и выбѣлилъ ихъ, и украсивъ каждую портретомъ одного изъ чертей... то-есть не портретомъ, а только абрисомъ человѣческой головы, сталъ молиться, покорнѣйше прося ихъ каждому собственноручно изобразить свой портретъ въ абрисѣ, такъ чтобъ его можно было узнать, обѣщая послѣ этого поклоняться оному и чтить узнанное лицо духа какъ полнаго хозяина той пирамиды на которой онъ начертитъ свою физіономію... И что̀ жь вы думаете? На другое же утро всѣ пустыя мѣста были найдены зарисованными! На каждомъ былъ изображенъ до невѣроятія похожій портретъ одного изъ мѣстныхъ покойниковъ. Почти всѣ были узнаны моимъ пріятелемъ, и между прочими, онъ нашелъ портретъ и своего отца!

— И что̀ жь?... Радъ онъ былъ этому?...

— Конечно, онъ остался доволенъ. По крайности могъ всегда знать затѣмъ какъ угодить чорту - покойнику. Объ отцѣ-то онъ не очень безпокоился, потому что старикъ былъ при жизни крутаго характера... разъ чуть не сломилъ сыну обѣихъ ногъ, треснувъ его изо всей силы желѣзною перекладиной... Ну, стало-быть и не могъ быть очень опаснымъ чортомъ. А вотъ, другой портретъ, найденный на самой удобной и красивой изъ пирамидъ, такъ очень поразилъ моего пріятеля и заставилъ его сильно струсить... Весь околотокъ узналъ въ немъ одного задолго до того умершаго англійскаго офицера,—капитана Полъ (Pole) *, добрѣйшаго при жизни джентльмена!...

— Какъ?... Неужели же онъ и ему сталъ поклоняться?

— А какъ же? Мистеръ Полъ былъ такимъ достойнымъ, справедливымъ и честнымъ чиновникомъ что разомъ долженъ былъ заслужить послѣ смерти одно изъ высшихъ мѣстъ въ сонмѣ шанарскихъ чертей. Онъ такъ и остался предсѣдающимъ демономъ всей этой деревни, и когда я пріѣхалъ, жители всего околотка поклонялись ему. Посвященный ему *пѣ-ковиль* стоитъ рядомъ съ *пѣ-ковилемъ Бхадракали* (Гекаты шанаровъ), мѣсто которой на томъ свѣтѣ недавно получила жена нѣкоего нѣмецкаго миссіонера — тоже прекрасная при жизни леди и поэтому чрезвычайно опасная теперь... какъ женскаго пола чортъ.

— А какъ же имъ поклоняются?... Разкажите въ чемъ состоитъ ихъ обрядъ?

— Обрядъ этотъ заключается главное въ пляскѣ, пѣсняхъ и жертвоприношеніяхъ. Шанары не имѣютъ каст и священные обычаи Индусовъ ими не соблюдаются. Они ѣдятъ всякое мясо... Народъ собирается возлѣ назначеннаго жрецомъ *пѣ-ковиля* и начинаютъ бить въ барабаны и рѣзать домашнюю птицу, барановъ, козловъ. Поклоняясь мистеру Полу, въ знакъ особеннаго уваженія къ нему самому, его вкусамъ при жизни и особенно національности, всегда рѣзали быка или корову... Въ тотъ вечеръ обряды совершались главнымъ жрецомъ. Онъ явился съ ногами покрытыми до колѣнъ звенящими браслетами, съ покрытымъ колокольчиками жезломъ, съ распущенными волосами, въ черной мантіи зашитой фигурами разныхъ страшнѣйшихъ чертей и съ красными и бѣлыми цвѣтами на шеѣ. При звукахъ роговъ, барабаннаго боя и глубокаго тона „чортова смычка“ *— секретъ фабрикаціи котораго сохраняется между одними шанарскими жрецами,—онъ вышелъ, и подождавъ минуту, пока мистеру Полу угодно будетъ вселиться въ его недостойное тѣло, онъ вдругъ, высоко подпрыгнувъ на мѣстѣ, приблизился къ жертвенной коровѣ и закололъ ее на мѣстѣ. Напившись горячей крови, онъ сталъ плясать... Но что̀ это за пляска была! Вы знаете, я далеко не суевѣренъ... (я возрадовался въ душѣ что масс Б. спокойно спитъ за полмили отъ насъ на слонѣ!), но когда я увидалъ этого, словно вдохновляемаго всѣми демонами *нарака* (ада) жреца, вертящагося съ поразительною быстротой волчка на одномъ мѣстѣ, со мной чуть не сдѣлалось дурно. Вдругъ, при бѣшеныхъ крикахъ и воѣ толпы, онъ сталъ наносить себѣ окровавленнымъ жертвеннымъ ножомъ глубокія раны по всему тѣлу. Видѣть его какъ онъ съ пѣнящимся ртомъ и развѣвающимися волосами кулается въ крови закланной жертвы, смѣшивая ее съ собственною, стало наконецъ выше силъ моихъ. Со мною стало проис-

---

* Исторически извѣстный всѣмъ въ Индіи фактъ. Капитанъ Полъ до сихъ поръ у нихъ главный демонъ.

* Родъ балалайки съ тремя толстыми струнами изъ человѣческихъ—какъ говорятъ—жилъ, на которыхъ водятъ смычкомъ изъ бамбука.

ходить нѣчто въ родѣ галлюцинаціи. Мнѣ представлялось будто то я самъ верчусь. И вотъ все быстрѣе и быстрѣе...

Шамрао вдругъ прервалъ свой разказъ и разомъ онѣмѣлъ на мѣстѣ.

Предъ нами стояла Кангалиммъ.

Мы всѣ было смутились; до такой степени появленіе ея было неожиданно. Подъ вліяніемъ разказа Шамрао, мы не видали ни какъ, ни откуда она явилась: и еслибъ она выросла изъподъ земли, то этотъ фактъ не засталъ бы насъ болѣе неприготовленными и удивилъ бы не болѣе чѣмъ удивила насъ ея поразительная личность. Даже флегматическій Нараянъ вытаращилъ на нее свои большіе черные глаза, а бабу смущенно щелкнулъ языкомъ...

Вообразите себѣ трехъаршиннаго ростомъ, обтянутаго коричневымъ сафьяномъ скелета, на костлявыхъ плечахъ котораго посажена крошечная мертвая головка восьмилѣтняго ребенка! Глаза, глубоко впавшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе огромные, до такой степени пронизывающіе васъ насквозь своимъ дьявольскимъ жгучимъ пламенемъ что вы чувствуете подъ этимъ взглядомъ какъ вашъ мозгъ перестаетъ работать, мысли начинаютъ путаться, а кровь холодѣетъ въ жилахъ... Я здѣсь описываю свои личныя чувства и описываю довольно слабо. Но и полковникъ и У*** сильно поблѣднѣли, а У*** такъ даже плюнулъ!

Конечно это впечатлѣніе длилось не долѣе нѣсколькихъ секундъ; и когда ея мертвенно-пристальный и вмѣстѣ жгучій взглядъ оторвался отъ насъ чтобы перенестись на простертую предъ ней толпу, то оно также мгновенно изгладилось какъ и явилось. Но все наше вниманіе сосредоточивалось теперь на этомъ замѣчательномъ созданіи....

Триста лѣтъ? Почемъ и какъ кому это знать. Судя по ея наружности ей можно было дать съ такимъ же вѣроятіемъ или невѣроятіемъ и тысячу какъ и триста лѣтъ. Предъ нами стояла неподдѣльная, живая или скорѣе одаренная движеніемъ мумія; до того высохшая что она казалась какъ бы застывшею съ самаго сотворенія міра. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самыя стихіи не могли ни коснуться, ни даже повліять болѣе на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени коснувшись ее въ свой предназначенный часъ сдѣлала свое дѣло и—остановилась. Она не могла продолжать онаго, ибо окончила его. Такою явилась предъ нашими глазами колдунья „Мертваго города“.

И со всѣмъ этимъ ни одного сѣдаго волоска! Длинные, черные какъ смоль, блестящіе отъ кокосоваго масла и отсвѣчивающіе какимъ-то зеленоватымъ блескомъ волосы тяжело падали прямыми какъ стрѣлы, густыми космами вдоль спины и до самыхъ колѣней... „Говорятъ, у покойниковъ... у вампировъ ростутъ въ могилахъ волосы и отростаютъ ногти,“ мелькнуло у меня въ головѣ. И въ то же самое мгновеніе я поймала себя къ величайшему моему стыду что внимательно стараюсь разглядѣть ногти на рукахъ и ногахъ отвратительно страшной старухи... А она?

Она стояла попрежнему неподвижно, словно превратилась въ безобразнаго бронзоваго идола, и устремивъ свои углемъ горящіе глаза въ толпу раболѣпно лежащую въ пыли ногъ ея. Въ одной рукѣ она держала небольшое мѣдное блюдцо, на которомъ пылалъ большой кусокъ горящей камфоры, а въ другой горсть риса. Желтоватое блѣдное пламя развѣваясь по вѣтру почти касалось ея лица, лизало ей подбородокъ и освѣщало ее мертвенную голову; но она казалось не чувствовала и огня. Вокругъ ея морщинистой какъ грибъ, тонкой какъ косточка шеи лежалъ тройной рядъ не то мѣдныхъ, не то золотыхъ медальйоновъ, а голову окружала такая же змѣя. На жалкомъ подобіи тѣла кусокъ шафраннаго кровянаго цвѣта кисеи; вокругъ торчащихъ ребръ такой же...

Дѣвочки приподнявъ головы вдругъ завыли пронзительнымъ, животнымъ воемъ, и ихъ примѣру послѣдовалъ и старикъ. Тогда вѣдьма, судорожно встряхнувъ головой и будто приподымаемая на пружинахъ, медленно начала свою заклинательную молитву.

— *Ангатти-энне... ангатти!..* * шепталъ Шамрао, съ котораго лился крупный потъ. — Богиня... одна изъ семи сестеръ уже вселяется въ нее... Смотрите!..

Рекомендація была излишнею — мы смотрѣли во всѣ глаза.

Сперва медленно, судорожно и какъ-то неровно засеменила ногами колдунья; затѣмъ постепенно ея движенія стали плавнѣе; и вотъ, будто приноровившись къ выбиванью барабанной дроби, на-

* Буквально „входитъ въ человѣка“. Самое же выраженіе означаетъ что духъ, бѣсъ или какая другая невидимая сила начинаетъ входить въ избранное имъ тѣло.

гнувшись всѣмъ длиннымъ тѣломъ впередъ и угремъ извивая его во всѣ стороны, она понеслась съ невѣроятною быстротой вокругъ пылающаго костра... Сухой листъ логонземый вихремъ не несется быстрѣе. Беззвучно падаютъ на скалистую почву ея босыя костлявыя ноги; черныя космы разлетаются какъ стая змѣй во всѣ стороны, хлещутъ простирающихъ къ ней руки больныхъ зрителей, извиваются словно живыя.... Кого ни задѣнетъ черная прядь на головѣ этой фуріи тотъ такъ и падаетъ на землю, рыча отъ счастья, благодаря богиню и считая себя излѣченнымъ!.. То вѣдь не развѣвающіяся косы вѣдьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна изъ „семи“, дотронулась до избраннаго!...

Быстрѣе, все быстрѣе летятъ дряхлыя ноги; молодыя, крѣпкія руки барабанщика еле поспѣваютъ за ними; а старуха все мчится впередъ... Устремивъ неподвижный, мертвенный взоръ свой во что-то для всѣхъ невидимое, для нея одной присущее, она лишь по временамъ и на одно мгновеніе заглядываетъ въ лица стоящихъ, пронизывая ихъ насквозь этими взглядами; и на кого взглянетъ она, на того и бросаетъ зернами сухаго риса. Маленькая горсточка кажется неистощимою; словно въ морщинистой ладони спрятанъ мѣшокъ самого Фортуната. Но вотъ, она вдругъ останавливается будто вкопаная. Послѣ этой длившейся, по часамъ, ровно 12 минутъ бѣшеной скачки вокругъ костра, вы думаете она шатается, падаетъ?... Ни чуть. Ни малѣйшаго знака утомленія, ни капли пота на мертвенномъ лицѣ! Она остановилась лишь на двѣ секунды, дабы дать время богинѣ выскочить изъ нея. И вотъ, въ одинъ прыжокъ, не посрамившій бы и дикой кошки, она перескакиваетъ черезъ костеръ и въ одинъ взмахъ ужь очутилась въ глубокомъ танкѣ, возлѣ портика, по горло въ водѣ. Окунувшись одинъ разъ съ головою, гдѣ подъ водой ею овладѣваетъ другая сестра богиня, она снова выскакиваетъ изъ колодца и ждетъ—олицетворенное подобіе головы Медузы... Мальчикъ въ бѣлой одеждѣ подаетъ ей другое блюдечко, съ другимъ кускомъ зажженой камфоры. И вотъ она опять несется.

И снова, въ продолженіе уже 14 минутъ, по часамъ полковника, она мчится, и скачетъ, и прыгаетъ, послѣ чего окунается *два* раза съ головой въ колодцѣ, въ честь *второй* сестры. И такъ съ каждымъ новымъ „бѣсованіемъ“ она прибавляетъ по одному разу, пока дѣло не доходитъ до шести исчезновеній подъ водой.

До сихъ поръ мы еще не слыхали ея голоса. Ея губы крѣпко сжаты и она ихъ еще не разжимала. Теперь ровно *полтора часа* какъ она бѣгаетъ, мчась во весь опоръ; и ни разу не переводя духа. Во все это время она остановилась шесть разъ, всего на нѣсколько секундъ при каждомъ перерывѣ... „Сестры“ не мѣшкаютъ; онѣ знаютъ свое дѣло... На то онѣ и богини!

— Да что это, чортъ или женщина!.. восклицаетъ въ полголоса полковникъ, въ то время какъ голова вѣдьмы исчезаетъ въ шестой разъ подъ водой.

— Будь я проклятъ, если знаю! ворчитъ У*** нервно дергая себя за бороду.—Знаю только что зерно ея чортова риса попало мнѣ въ горло и застряло тамъ... Я не могу его выплюнуть...

— Тише... ради бога, тише!... шепчетъ Шамрао.—Вы испортите все дѣло...

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь въ догадкахъ... На его бронзовомъ, всегда столь спокойномъ, даже суровомъ лицѣ теперь лежитъ тѣнь глубокаго, неподдѣльнаго страданія. Его губы судорожно сжимаются; болѣзненно прищуренные глаза свѣтятся сквозь черныя рѣсницы фосфорическимъ блескомъ глазъ дикаго звѣря; а зрачки, расширенные какъ у человѣка подъ вліяніемъ морфія и повидимому устремленные на черный лѣсъ предъ нами, смотрятъ куда-то далеко, въ невѣдомыя и быть-можетъ никѣмъ не виданныя страны... Что это съ нимъ? думается мнѣ; но я не успѣваю его спросить, потому что колдунья, оставляя за собою ручьи воды, снова пускается въ бѣшеную погоню за собственною тѣнью. Но на этотъ разъ она измѣняетъ программу. Она уже не бѣжитъ, а порывисто скачетъ. То пригнувшись къ землѣ, съ движеніемъ черной лантеры, она подскакиваетъ къ одному больному и дотронувшись пальцемъ до лба дрожащаго поклонника, смѣется неслышнымъ смѣхомъ, скаля зубы какъ гіена; то отпрянувъ какъ бы отъ собственной тѣни, она кружится надъ нею, манитъ къ себѣ, заигрываетъ съ нею, являясь какою-то адскою карикатурой Дианоры въ ея „вальсѣ съ тѣнью“. Потомъ выпрямившись въ одинъ прыжокъ—она уже опять у курящагося подъ портикомъ алтаря, гдѣ она простирается предъ нимъ, стукаясь лбомъ о гранитный помостъ; другой скачокъ, и она у остова чудовищнаго Сиватерія, и падая предъ нимъ ницъ снова разбиваетъ камни лбомъ, съ

глухимъ стукомъ пустаго боченка о мостовую. Послѣдній прыжокъ, и она стоитъ выпрямившись во весь огромный ростъ на головѣ Сиватерія между его четырьмя рогами...

Съ чувствомъ ужаса и отвращенія который мы уже и не стараемся скрывать, мы всѣ быстро пятимся назадъ, всѣ кромѣ Нараяна.

Онъ остается одинъ возлѣ чудовищной головы; сложивъ руки на груди, онъ смотритъ въ упоръ въ лицо страшной колдуньи...

Но что это? Кто это вдругъ заговорилъ такимъ глубокимъ, густымъ басомъ? То ея губы шевелятся, то изъ груди ужасной старухи вылетаютъ эти быстрыя отрывистыя фразы; а между тѣмъ голосъ звучитъ глухо, точно онъ вылетаетъ изъ-подъ земли...

— Тсс... тсс... снова шепчетъ Шамрао, дрожа всемъ тѣломъ.—Она пророчествуетъ!..

— Либо она... либо „дядя“... бурчитъ У*** скаля зубы и съ улыбкой которая должна казаться толстяку чисто демонскою въ эту торжественную минуту.

— Горе, горе... вамъ! гудитъ *голосъ*.— Горе вамъ дѣти нечестивыхъ „Джаи“ и „Виджаи“ * насмѣшливыхъ, невѣрующихъ придверниковъ великаго Шивы, проклятыхъ 80.000 святыхъ мудрецовъ! Горе вамъ, невѣрующимъ въ богиню Кали и отвергающимъ насъ, ея семь божественныхъ сестеръ!.. *Азуры*... плотоядные, желтоногіе коршуны!.. Друзья притѣснителей нашей страны!.. собаки, не гнушающіяся ѣсть изъ одного корыта съ погаными *баллатами*!!..

— Ваша пророчица, какъ видно, пророчествуетъ заднимъ числомъ... произноситъ У*** философически закладывая руки въ карманы.—Это въ вашъ огородъ камешекъ, почтенный Шамрао...

— Гм!.. Да кажется и въ нашъ съ вами, бурчитъ немного сконфуженный полковникъ.

Злополучный Шамрао обливается потомъ ужаса и перебѣгаетъ подъ черною тѣнью лѣска, гдѣ мы пріютились, подальше отъ вѣдьмы, отъ одного къ другому, увѣряя насъ что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаемъ языкъ...

— Это она не объ васъ... повѣрьте, не объ васъ!.. Это обо мнѣ, потому что я служу... она неумолима!..

— Ракшазасы!.. Азуры!!.. осмѣлившіеся явиться предъ нами, богинями... въ *обуви*... стоять въ сапогахъ изъ кожи священной коровы... будьте вы прокля...

Но ея проклятію не суждено было родиться въ сей міръ. Одно мгновеніе, и огромная фигура Нараяна повалившись плечомъ на Сиватерія, перевертываетъ его вверхъ дномъ, вмѣстѣ съ хоботомъ и бѣснующеюся на немъ Пивіей. Еще секунда, и намъ кажется будто вѣдьма летитъ по воздуху, съ помеломъ или безъ онаго, про то лучше знать Шамрао, по направленію къ портику; а какой-то плечистый съ бритою головой браминъ катится кубаремъ внизъ въ провалье... А не проходитъ и третьей, какъ мы приходимъ къ грустному заключенію, правда, благодаря происшедшему общему смятенію, скорѣе по стуку тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на землѣ „семи богинь“ обратилась въ постыдное бѣгство, скрылась навсегда отъ нашихъ любознательныхъ взоровъ въ своемъ низменномъ царствѣ!.. и что наконецъ ея густой, неземной и подземный голосъ, дѣйствительно голосъ— чьего-нибудь „дяди“! . . . . . .

. . . . . .

О, Нараянъ!.. Какъ неряшливо, неаккуратно вращаются міры вокругъ насъ! Я начинаю серіозно оспаривать ихъ дѣйствительность. Съ этой минуты я начинаю глубоко вѣрить что все въ мірѣ иллюзія—одна *Майя*! Я дѣлаюсь Ведантской... Я сомнѣваюсь, наконецъ, найдется ли въ немъ что-либо объективнѣе индусской „вѣдьмы“ вылетающей *въ трубу*! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Проснувшаяся миссъ Б. пожелала узнать что такое случилось. Ее разбудилъ шумъ многихъ голосовъ и топотъ ногъ убѣгающей толпы голыхъ людей по направленію къ ущелью. Всѣ они казалось бѣжали безъ оглядки, какъ бы боялись какой погони и казались очень испуганными...

Затѣмъ облегчивъ себя разказомъ о своихъ впечатлѣніяхъ, и посушивъ зубную клавіатуру при свѣтѣ звѣздъ между благосклонною улыбкой и зѣвкомъ, она снова безмятежно уснула.

На другое утро, на зарѣ, мы нѣжно прощались съ добродушнымъ Шамрао. Онъ уже успѣлъ придти въ себя послѣ такого пораженія и успокоиться отъ ночнаго потрясенія. Позорно-легкая побѣда Нараяна сильно смущала его.

* Исторія этихъ *Ракшазовъ* падшихъ духовъ найдется дальше. Она весьма интересна, такъ какъ доказываетъ до нѣкоторой степени тождество главныхъ религіозныхъ преданій народовъ.

Послѣ подобной капитуляціи „семи богинь“, упразднившихъ поле битвы при первомъ толчкѣ отъ простаго смертнаго, его вѣра была сильно поколеблена и въ „сестеръ“, и въ святую отшельницу. Вслѣдствіе этого, онъ горячо, хотя и немного сконфуженно, пожалъ намъ руки, и съ лучшими пожеланіями его и семейства въ добрый путь, наши слоны, съ возсѣдающими на ихъ мощныхъ спинахъ героями сего правдиваго повѣствованія, направили свои тяжелыя столы въ направленіи къ большой дорогѣ и Джабельпуру.

Письмо XVIII.

Путь нашего самопросвѣтительнаго паломничества по первоначальному плану лежалъ на сѣверо-западныя провинціи, эти *status in statu* Англо-Индіи, гдѣ о вице-королѣ знаютъ, но стараются его игнорировать, приказанія его принимаются, но мало кто ихъ исполняетъ—провинціи съ правительствомъ деспотическимъ, подозрительнымъ и неугомоннымъ. Но о нихъ послѣ...

Чтобы снова попасть на Джабульпурскую линію съ которой мы сошли нѣсколько миль отъ Насика, намъ приходилось возвращаться на Акбарпуръ, затѣмъ ѣхать по проселочнымъ дорогамъ на станцію Саневадъ, на желѣзную дорогу Холькара, соединяющуюся съ Большою Индійскою Пенинсулярною дорогой. Древнія пещеры Багхъ (Bagh) находились всего за 50 миль отъ насъ, на востокѣ отъ Мáнду, и являлись сильнѣйшею приманкой. Мы колебались не сдѣлать ли намъ крюка и снова переѣхать Нербудду. У нашего бабу́ за Кандешомъ, какъ и вездѣ, оказывалось кумовство которое здѣсь зовется „однокастничествомъ“, и мы напередъ могли знать что встрѣтимъ и въ Мальвѣ вездѣприсущихъ, услужливыхъ бенгальскихъ бабу́ разсыпавшихся по землямъ Индостанскимъ какъ у насъ разсѣяны Жиды по Россіи. Къ тому же къ нашему „полку“ прибылъ еще одинъ товарищъ.

Наканунѣ мы получили чрезъ странствующаго и богомольствующаго *санньязи* письмо отъ Суамиджа Дайананда. Въ Хардварѣ холера усиливалась съ каждымъ днемъ, и нашъ еще не знакомый намъ союзникъ снова откладывалъ наше съ нимъ свиданіе до конца мая въ Дэра-Дэ́нѣ (Dehra-Dün), у подножія Гималая, или же въ манящемъ туриста своею прохладною прелестью Сахарампурѣ, въ 40 миляхъ отъ послѣдняго. Странникъ вмѣстѣ съ письмомъ принесъ намъ отъ *суами* букетъ самыхъ странныхъ цвѣтовъ о которыхъ, полагаю, въ Европѣ не имѣютъ и понятія. Они растутъ лишь въ извѣстной мѣстности, въ Гималайскихъ долинахъ, обладаютъ удивительною способностью измѣнять къ полудню цвѣтъ и засыхая по наружности не увядаютъ. Это прелестное растеніе (Rosa hibisca mutabilis) отъ зари до 10 часовъ утра распускаетъ цвѣтъ, представляющій ночью одинъ клубокъ сжатыхъ зеленыхъ лепестковъ, и густо покрывается бѣлоснѣжными цвѣтами какъ большія бѣлыя розы. но къ полудню розы начинаютъ алѣть: все болѣе и болѣе краснѣя, онѣ наконецъ къ четыремъ часамъ пополудни дѣлаются темнопунцоваго цвѣта какъ піоны. Цвѣты эти посвящены *Азурамъ* * (родъ пери или ангеловъ въ индійской миѳологіи) и богу *Сурьѣ* (солнцу). Послѣднее божество влюбленное съ сотворенія вселенной въ Азуру постоянно нашептываетъ цвѣтку въ которомъ пріютилась его возлюбленная о своей пламенной любви. Но Азура дѣвственница и посвятила себя съ начала временъ служенію богинѣ чистоты, патронессѣ всей монашествующей братіи. Любовь Сурьи напрасна: Азура не слушаетъ его... Но цвѣтокъ краснѣетъ и теряетъ наружно свою лилейную чистоту подъ вливающимися въ него огненными стрѣлами влюбленнаго бога... Туземцы называютъ это растеніе Lajaloo (скромницею).

Въ ту ночь мы кочевали въ долинѣ на берегу ручья, разбивъ палатки подъ тѣнистою смоковницей. Нарочно свернувъ съ пути въ Бомбей чтобы повидаться съ нами и исполнить порученіе Суамиджа, санньязи сидѣлъ съ нами далеко за полночь, разказывая о своихъ странствованіяхъ и чудесахъ своей когда-то великой родины, о старомъ „львѣ“ Пенджаба Руджитъ-Сингѣ и его геройскихъ подвигахъ. Странные, загадочные субъекты встрѣчаются между этими пилигримами. Многіе изъ нихъ чрезвычайно учены, говорятъ и читаютъ по-санскритски, видимо слѣдятъ за современною наукой и политическими событіями, и все-таки остаются вѣрными своимъ древнимъ философ-

* Этихъ „Азуръ“ не слѣдуетъ смѣшивать съ *Асурами* или „дьяволами“, которыхъ миѳологическая исторія Индіи называетъ первымъ вторгшимся въ страну непріятелемъ и которые, по всей вѣроятности, были древніе Ассиріяне.

скимъ воззрѣніямъ. Обыкновенно совершенно нагіе, за исключеніемъ желтокроваваго куска олоясывающей имъ бедра кисеи (да и то по приказанію полиціи въ городахъ гдѣ живутъ Европейцы), они странствуютъ отъ пятнадцатилѣтняго возраста по день смерти, умирая почти всегда въ глубокой старости, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и живя буквально какъ птицы небесныя и лиліи въ долинѣ. До денегъ они не дотрогиваются, а живутъ подаяніемъ и довольствуются горстью риса. Все мірское имущество ихъ состоитъ изъ маленькой тыквенной бутылки для воды, четокъ, мѣдной чашки и посоха. Саньясіи суами большею частью *cukku* изъ Пенджаба, и естественно монотеисты. Они презираютъ идолопоклонниковъ и ничего не имѣютъ съ ними общаго, хотя послѣдніе также часто величаютъ себя этими именами.

Но нашъ новый знакомый былъ уроженецъ Амритсира въ Пенджабѣ, и воспитанъ въ „Золотомъ храмѣ“ что на *Амрита - Сарасъ* (озерѣ Безсмертія). Тамъ находится ихъ верховный *гуру*— учитель cukkовъ, который никогда не выходитъ за предѣлы своего храма, гдѣ онъ сидитъ цѣлые дни изучая священное писаніе этой странной, воинственной секты—книгу *Адиграната* (Adigrantha). Cukku взираютъ на него какъ тибетскіе ламы взираютъ на своего далай-ламу. Какъ послѣдній есть воплощеніе Будды для ламъ, такъ амритсарскій маха-гуру—воплощеніе основателя секты для cukkовъ, Нанака, хотя по ихъ понятіямъ Нанакъ никогда не былъ божествомъ, а только пророкомъ вдохновляемымъ духомъ единаго Бога. Такимъ образомъ нашъ саньясіи не былъ однимъ изъ вышеописанныхъ нагихъ лилигримовъ, но настоящимъ *акали*—однимъ изъ шестисотъ священниковъ-воиновъ приставленныхъ къ „Золотому храму“ для божественнаго служенія и его охраны отъ нападенія жадныхъ мусульманъ. Звали его Рамъ-Рунджитъ-Дасъ и его наружность вполнѣ соотвѣтствовала принадлежащему ему титулу „Божьяго воина“, какъ себя величаютъ храбрые акали. Его наружность была чрезвычайно замѣчательна и типична, и онъ скорѣе походилъ на геркулесолодобнаго центуріона древнихъ римскихъ легіоновъ, нежели на кроткаго служителя алтаря, хотя бы и cukkскаго.

Рамъ - Рунджитъ - Дасъ предсталъ предъ нами верхомъ на прекрасной лошади въ сопровожденіи другаго cukka, на почтительномъ разстояніи, ловидимому послушника, либо слуги. Еще издали онъ былъ признанъ нашими Индусами за акали по совершенно отличному отъ другихъ туземцевъ костюму. На немъ была яркоголубая туника безрукавка — совершенно такого покроя какъ мы видимъ на картинахъ на римскихъ воинахъ; на его мускулистыхъ огромныхъ рукахъ были широкіе стальные браслеты и щитъ за спиною. На головѣ конической формы бѣлый тюрбанъ, а вокругъ стана вмѣсто пояса нѣсколько тяжелыхъ стальныхъ обручей о которыхъ злые языки и враги cukkовъ говорятъ что при случаѣ эти священные пояса становятся въ рукахъ опытнаго „Божьяго воина“ опаснѣе, будто бы, всякаго холоднаго оружія.

Кому неизвѣстна исторія cukkовъ, самой воинственной и храброй секты во всемъ Пенджабѣ? Слово „cukkъ“ (Sikh) означаетъ „ученикъ“. Основанное въ XV столѣтіи богатымъ и благороднымъ браминомъ Нанакомъ, новое ученіе такъ быстро привилось къ сѣвернымъ воинамъ что въ 1539 году (годъ смерти основателя) ихъ насчитывали уже до ста тысячъ человѣкъ; а теперь, эта секта, тѣсно связанная пламеннымъ религіознымъ мистицизмомъ и своими воинственными наклонностями, исповѣдуетъ свою вѣру по всему Пенджабу. Она основана на принципахъ теократическаго правленія, и ея тайные догматы почти неизвѣстны Европейцамъ, а Англичанамъ такъ и совершенно незнакомы. Ихъ ученіе, взгляды, обряды—все содержится и совершается въ величайшей тайнѣ. Знаютъ только одно: cukku строгіе монотеисты, не имѣютъ кастъ и не признаютъ ихъ, ѣдятъ все что и Европейцы, и—рѣзкое исключеніе между Индусами — *хоронятъ* покойниковъ. Второй томъ *Адигранты* учитъ: „боготворить Единаго Бога, избѣгать суевѣрій, *помогать умершимъ* (?) вести строгую нравственную жизнь и *уситъ мечомъ*“. Одинъ изъ ихъ великихъ *гуру* (Говинда, сынъ махараджи), дабы сдѣлать ихъ вполнѣ отличными отъ мусульманъ и другихъ Индусовъ, ввелъ между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усовъ и носить длинные волосы. Послѣ многихъ отчаянныхъ сраженій, cukku, врагами коихъ являлись теперь Индусы столько же какъ и магометане, остались побѣдителями. Ихъ вождь, знаменитый Рунджитъ-Сингъ, установивъ собственное верховное владычество въ верхнемъ

Пенджабѣ, заключилъ въ началѣ этого столѣтія трактатъ съ лордомъ Ауклендомъ, и его владѣнія были признаны независимымъ государствомъ. Но послѣ смерти „стараго льва“ снова возникли изъ-за его престола междуусобія между самими сикками. Махараджа Дулипъ-Синга (его побочный сынъ отъ публичной танцовщицы) оказался до того слабымъ что допусталъ своихъ сикковъ, оставшихся дотолѣ вѣрными союзниками Англичанъ попытаться отвоевать отъ нихъ весь Индостанъ, какъ когда-то они завоевывали пограничныя деревни и крѣпости въ Афганистанѣ. Попытка окончилась плачевно какъ для буйныхъ сикковъ, такъ и для слабаго Дулипъ-Синги, который, чтобы спастись отъ своихъ солдатъ и заслужить прощеніе отъ Англичанъ, принялъ христіанство и былъ тайно перевезенъ въ Шотландію. Его замѣнилъ Гулабъ-Синга. Вѣрный слову и политической программѣ Рунджитъ-Синги, онъ отказался сдѣлаться измѣнникомъ, за что и получилъ въ награду прелестную Кашмирскую долину отъ перепуганныхъ сикками Англичанъ, а сикки перешли въ неволю къ нимъ какъ и остальные Индусы.

Но еще остаются *куки*, вѣтвь отъ надломленнаго стараго дуба *сикхизма*. „Куки“—секта сикковъ и самый опасный элементъ въ подземномъ теченіи индійской народной ненависти. Эта новая секта была основана около 30 лѣтъ тому назадъ Балукъ-Рамомъ и образовалась возлѣ Аттока, въ Пенджабѣ, на восточномъ берегу Инда, гдѣ послѣдній, наполняясь водой изъ Кабульской рѣчки, впервые дѣлается судоходнымъ. Цѣль Балукъ-Рамы была двойная: вернуть религію сикковъ къ ея первобытной чистотѣ и организовать вмѣстѣ съ тѣмъ тайное политическое общество, готовое въ данную минуту на все. Это братство, состоящее болѣе чѣмъ изъ 60.000 человѣкъ, связано самыми страшными клятвами и залогами: волервыхъ, никогда не выдавать своихъ тайнъ; а вовторыхъ, не отказываться ни отъ какого могущаго явиться со стороны начальниковъ приказанія. Въ самомъ Аттокѣ, гдѣ съ жителями крѣпости еле насчитываютъ двѣ или три тысячи человѣкъ, ихъ мало. Насъ увѣряли будто „куки“ разсѣяны по Индіи; несмотря ни на какія старанія, ихъ совершенно невозможно уличить въ чемъ-либо противозаконномъ, до такой степени ихъ общество хорошо организовано. Ихъ начальники также неизвѣстны.

Нашъ Акали подарилъ намъ въ тотъ вечеръ, только не отъ суами Дайананда, а отъ себя, стклянночку изъ горнаго хрусталя наполненную священною водой изъ Озера Безсмертія. Въ случаѣ глазной боли или другаго недуга, онъ совѣтовалъ намъ помочить ею больное мѣсто, увѣряя будто одной капли оной довольно для излѣченія самой упорной болѣзни. Вода въ стклянкѣ была необычайно чиста и прозрачна, отъ того ли что въ Амритсарскомъ *тулао* (резервуарѣ) воды, по причинѣ множества въ немъ родниковъ, постоянно перемѣняются или отъ чего другаго, но Озеро Безсмертія славится на всю Индію необычайною прозрачностью и чистотой своей воды, несмотря на сотни людей ежедневно окунающихся въ ней. Когда мы посѣтили это прелестное озеро, или скорѣе бассейнъ во 150 кв. ярдовъ, то каждый камешекъ и малѣйшее на немъ пятнышко на довольно глубокомъ днѣ виднѣлись словно черезъ чистѣйшее стекло. Амрита Сарасъ, — прелестнѣйшее изо всѣхъ мѣстъ сѣверной Индіи. Отраженіе „Золотаго храма“ въ водахъ озера представляетъ нѣчто волшебное, восхитительное. Айвазовскій былъ бы въ состояніи передать эту картину на полотнѣ.

Итакъ намъ приходилось еще около семи недѣль времени колесить съ мѣста на мѣсто, на выборъ: по Бомбейскому ли президентству, по сѣверо-западнымъ провинціямъ, или же по Раджистану. Что выбрать? Куда ѣхать? Предъ подобнымъ изобиліемъ интереснѣйшихъ мѣстностей мы колебались какъ извѣстное животное между двумя стойлами. Мы такъ много наслышались о дворцахъ Гайдерабада и Голконды, прямо переносящихъ путешественника въ волшебную обстановку изъ Тысячи и Одной Ночи что мы было серіозно стали собираться повернуть нашихъ слоновъ къ Верхнему Синдху и ѣхать въ Гайдерабадъ, въ территорію Низама. Намъ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ Льва * построенный въ 1589 году великолѣпнымъ Кутбъ - Шахъ-Мухамедъ-Кули, которому все такъ

* *Хайдаръ*—по-арабски левъ, а *абадъ*—поселеніе, жилище. Гайдерабадъ назывался прежде *Бхагнагаромъ* (счастливымъ городомъ), получивъ свое имя отъ любимой наложницы шаха Мухамедъ-Кули, которую звали Бхагмати; но послѣ ея смерти измѣнили названіе.

пріѣлось на свѣтѣ что ему могла надоѣсть даже Голконда съ ея волшебными замками и сокровищами. Гайдерабадъ славится своими зданіями, остатками прежняго величія; по словамъ Миръ-Абу-Талиба, хранителя царскихъ сокровищъ, Мухамедъ - Кули - Шахъ истратилъ на украшеніе города въ первые годы своего 34лѣтняго царствованія, баснословную сумму въ 2.800.000 фунт. стерл. на англійскія деньги, хотя самая работа сооруженій не стоила ему ни одного *пайса*. Теперь, за исключеніемъ этихъ памятниковъ величія, Гайдерабадъ имѣетъ видъ кучи сора и навоза; но за то, по отзывамъ очевидцевъ, „Британская резиденція“ попрежнему славится въ немъ на всю страну, и не даромъ зовется Іерусалемъ Индіи. Исторія этой резиденціи весьма куріозна, и ясно характеризуетъ англо-индійскіе нравы.

Въ 1788 году, вѣроятно вообразивъ себя калифомъ — anch'io son pittore, (резиденты суть настоящіе калифы) — Ирландецъ, полковникъ Киркпатрикъ, занимавшій въ тѣ дни эту выгодную при Низамѣ должность, задумалъ начать постройку настоящей резиденціи, конечно на счетъ Гайдерабадскаго властелина. Зданіе явилось одинмъ изъ чудесъ свѣта. Оно соединяетъ волшебные сады Семирамиды съ роскошью французскихъ дворцовъ временъ регентства. Двадцать двѣ ступени, каждая изъ цѣльнаго куска розоваго гранита громадныхъ размѣровъ въ ширину, украшенныя по обѣимъ сторонамъ колоссальными сфинксами, ведутъ къ портику, во всю ширину коего гигантскія коринѳскія колонны изъ чистаго бѣлаго мрамора возносятся до самаго верхняго этажа главнаго зданія. Эти колонны на 8 верщковъ выше колоннъ знаменитой „Залы тысячи колоннъ“ Челамбрамскаго храма въ Мадрасской резиденціи. Полы изъ чернаго и бѣлаго мрамора; надо всѣми дверями вдѣланы гербы Ость-Индской Компаніи и Англіи; въ иныхъ куски чистаго золота замѣняютъ бронзу львовъ. Если ведущая подъ портикъ лѣстница справедливо считается „величайшею и роскошнѣйшею лѣстницей въ Индіи“, то пріемной залѣ резиденціи можетъ позавидовать любая зала царскихъ дворцовъ Европы. Она занимаетъ фасадъ дворца во всю длину, и по обѣимъ ея сторонамъ, какъ въ знаменитыхъ соборахъ, тянутся въ два ряда мраморныя колонны. Какъ въ Челамбрамѣ, гдѣ „зала тысячи колоннъ“ такъ названа вѣроятно потому что въ ней 936 колоннъ, такъ и зала резиденціи именуется „стоколонною залой“, ибо въ ней лишь по 32 колонны въ рядъ, итого 64, что и такъ весьма почтенно. Но кромѣ колоннъ рѣзной мраморной и бронзовой работы, въ этой залѣ находятся ниши въ которыхъ поставлены статуи индусскихъ и греческихъ боговъ и богинь — произведенія лучшихъ того времени скульпторовъ Италіи. Всѣ портьеры изъ малиноваго шитаго золотомъ баохата; краснаго дерева съ инкрустаціями мебель покрыта такою же матеріей; 60 зеркалъ между окнами, цѣльныя, во всю стѣну, отъ потолка до полу, въ самыхъ дорогихъ оправахъ, и три люстры которымъ Индусы строившіе этотъ дворецъ одно время поклонялись какъ богамъ, были выписаны за баснословную цѣну изъ Франціи. Таковы главныя черты этого достойнаго Алладина дворца, въ которомъ нынѣ проживаютъ резиденты, обязанность коихъ—въ извѣстномъ благородномъ предлогѣ выбранномъ Англіей для присоединенія себѣ индійскихъ провинцій— стоять защитниками и посредниками между притѣсненнымъ народомъ и ихъ „не умѣющими управлять бѣдными подданными“ вліятельными князьями Индіи. Народъ, между тѣмъ, періодически умираетъ цѣлыми милліонами *съ голоду*, тогда какъ одно освѣщеніе Британской резиденціи въ пріемные вечера, по *официальнымъ отчетамъ*, обходится казнѣ въ 1.000 фунтовъ за одинъ вечеръ...

О, Тартюфъ! Не Великобританіей ли ты прозываешься?...

Но это еще пустяки въ сравненіи съ прошлымъ. Въ *Исторіи Гайдерабада* (Эдуарда Уэствика) мы читаемъ слѣдующее: „Въ то время какъ резиденты принимали мущинъ, ихъ супруги увеселяли женскій полъ въ отдѣльномъ и столь же, если не болѣе великолѣпномъ дворцѣ, отстоящемъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго и извѣстномъ подъ названіемъ „Рангъ Махалла“. Какъ и первый, онъ былъ построенъ полковникомъ Киркпатрикомъ, бывшимъ министромъ при дворѣ Низама. Вступивъ въ бракъ съ индійскою принцессой, онъ соорудилъ нарочно для нея эту очаровательную обитель. Обнесенный, по азіятскому обычаю, высокою стѣной, центръ сада украшенъ большимъ мраморнымъ бассейномъ со сценами исторіи Рамаяны выложенными мозаикой на стѣнахъ. Павильйоны, галлереи, террасы,—все въ этомъ саду украшено въ самомъ богатомъ вкусѣ восточной архитектуры, то-есть съ из-

обиліемъ мозаики, живописи, позолоты, слоновой кости и мрамора. На праздествахъ даваемыхъ мистрисъ Киркпатрикъ являлись „наóтчи“ (профессіональныя танцовщицы) въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ,—подарки „великодушнаго“ резидента. На нѣкоторыхъ изъ нихъ насчитывали болѣе чѣмъ на 30.000 фунт. стерл. драгоцѣнностей, и онѣ положительно сіяли съ головы до ногъ алмазами и другими камнями...“

Слава Остъ-Индской Кампаніи во времена которой кампанейскіе резиденты могли такъ „великодушничать“ насчетъ принцевъ уже поблекла: теперь ни резидентамъ, ни самимъ принцамъ ничего не осталось. Какъ древніе алхимики, Англичане расплавили, въ надеждѣ найти философскій камень политики, все золото Индостана; и даже самую Индію—„драгоцѣннѣйшій алмазъ въ коронѣ Англіи“—истолкли въ прахъ, растопили и обуглили. Счастливы еще будутъ они если Афганистанъ ограничится тѣмъ что вмѣсто ожидаемой „придачи“, для вящаго блеска, къ ихъ обугленному „алмазу“ Индіи, онъ ихъ самихъ не истолчетъ въ мелкій порошокъ въ своей заколдованной ступѣ...

Разказы о чудесахъ Гайдерабадскихъ разжигали наше любопытство, и мы стремились увидѣть во очію эту волшебную страну. И Нараянъ и бабу́, оба нѣсколько разъ побывали тамъ, а у Нараяна находились тамъ даже и родственники. Особенно прельщалъ онъ насъ своими разказами и описаніями такъ какъ былъ знакомъ съ каждымъ уголкомъ центральной Индіи. Грустно отражалось въ его краснорѣчивыхъ сказаніяхъ все великое прошлое Индіи, великое еще такъ недавно — въ прошломъ столѣтіи, въ сравненіи съ ея горькимъ настоящимъ положеніемъ. Какъ низко упала эта красавица Востока къ ногамъ которой стремились нѣкогда всѣ мудрецы Греціи и богатствамъ коей завидовали всѣ цари земные!.. Попранная во прахъ, забитая, все въ ней теперь глохнетъ, постепенно замираетъ и исчезаетъ, начиная отъ малѣйшаго національнаго порыва тотчасъ же подавляемаго ревнивою, подозрительною ногой Англіи и кончая ея когда-то роскошными, дѣвственными лѣсами... нынѣ падающими сотнями десятинъ разомъ подъ топоромъ желѣзнодорожныхъ промышленниковъ...

Было нѣчто необычайно-плѣнительное въ этихъ простыхъ разказахъ бѣднаго Индуса. Словно послѣднею пѣсней лебедя звучала въ нихъ нота патріотизма забитаго, сдержаннаго, но столь же пламеннаго какъ и любовь къ родинѣ его славныхъ дѣдовъ, заставлявшая ихъ когда-то жертвовать не только богатствомъ и собственною жизнью, но даже жизнію всѣхъ имъ близкихъ—женою, дѣтьми, за славу отечества подъ побѣдоноснымъ знаменемъ Сиваджи. Напрасно Англичане воображаютъ что своими строгими мѣрами и западнымъ воспитаніемъ съ одной стороны, и отвратительнымъ поддакиваніемъ и покровительствомъ идолопоклонству съ другой, они выбрали самую благоразумную систему управленія. Первымъ они успѣшно замѣняютъ, конечно фальшивую, но все же искреннюю религію положительнымъ атеизмомъ; а вторымъ они только угождаютъ невѣжественнымъ массамъ которыхъ имъ рѣшительно нечего бояться. Еслибы съ этой стороны существовала хотя малѣйшая опасность, то обезоруженные ими идолопоклонники могли бы давно, безо всякихъ ружей и кинжаловъ, а одними бронзовыми и каменными идолами высылаемыми сюда ежегодно изъ Бирмингама тысячами, побить ненавистныхъ имъ *Ферринги* и утопить ихъ въ морѣ. Опасность стало-быть является со стороны *образованныхъ* патріотовъ, самое святое чувство коихъ—любовь и преданность къ родинѣ они попираютъ ногами при всякомъ удобномъ случаѣ. Чѣмъ образованнѣе, развитѣе становится Индусъ, тѣмъ горьче для него дѣлается сравненіе настоящаго съ тѣмъ что̀ было. Приведемъ одинъ примѣръ изъ тысячей: Индусы болѣе всего гордятся своею прошлою цивилизаціей, величіемъ родины въ тѣ дни когда Европа еще была погружена чуть ли не во мракѣ каменнаго періода. По единодушному мнѣнію путешественниковъ и особенно антикваріевъ, интереснѣйшимъ зданіемъ въ Гайдерабадѣ считается „Чахаръ-Минаръ“, когда-то знаменитая коллегія въ Индіи, построенная султаномъ Мухамедъ-Кули-ханомъ на развалинахъ еще древнѣйшей коллегіи. Она выстроена на перекресткѣ четырехъ главныхъ улицъ, на четырехъ аркахъ; подъ ними свободно проходятъ высоко навьюченные верблюды и слоны съ башнями. Надъ этими арками возвышается на нѣсколько ярусовъ само зданіе коллегіи; каждый ярусъ былъ предназначенъ особенному отдѣлу науки. Увы! Прошли тѣ дни когда Индія изучала философію и астрономію у ногъ своихъ туземныхъ мудрецовъ. Теперь эти ярусы превращены Англичанами въ складочные магазины.

Въ залѣ гдѣ изучали астрономію и стояли куріозные инструменты средневѣковой эпохи, теперь сложенъ опіумъ; а залу философіи наполняютъ огромные ящики съ ликерами и запрещенными какъ Кораномъ, такъ и брамана-ми ромомъ и напиткомъ „вдовы Клико“.

Мы совсѣмъ было собрались въ Гайдерабадъ когда наши чичероне и товарищи однимъ словомъ привели насъ въ ужасъ разстроивъ разомъ всѣ наши планы. Дѣло въ томъ что въ продолженіе шести такъ-называемыхъ „жаркихъ“ мѣсяцевъ въ году, термометръ въ Гайдерабадѣ (въ Нижнемъ Синдхѣ) стоитъ на 98°5' въ тѣни (по Фаренгейту), а температура воды въ Индусѣ достигаетъ теплоты крови; въ Верхнемъ же Синдхѣ гдѣ чрезвычайная сухость воздуха вмѣстѣ съ безплодностью песочнаго грунта дѣлаютъ изъ климата этой страны нѣчто схожее съ прелестью температуры африканскихъ пустынь, термометръ беззастѣнчиво доходитъ до 130° въ тѣни (по Фаренгейту). Не даромъ несчастные миссіонеры испытываютъ здѣсь такую постоянную неудачу: понятно что среди населенія слокойно вращающагося при такомъ пеклѣ, самыя краснорѣчивыя Дантовскія „описанія ада“ не въ состояніи произвести на мѣстнаго жителя ничего кромѣ развѣ „прохлаждающаго“ впечатлѣнія.

Разчитавъ что отправиться въ Бхагъ намъ нѣтъ препятствія, но что нечего и думать ѣхать теперь въ Синдхъ, мы успокоились. Затѣмъ мы рѣшили, общимъ совѣтомъ, покинуть всякую идею о заранѣе опредѣленномъ маршрутѣ и путешествовать на удачу, куда глаза глядятъ. Вслѣдствіе такого плана, мы отослали на другой же день нашихъ слоновъ, и не задолго до солнечнаго заката подъѣзжали уже въ *тонгахъ* къ слія-нію Вагрея и Гирны, двухъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ индійской миѳологіи рѣчонокъ блистающихъ чаще всего своимъ отсутствіемъ, особенно лѣтомъ. Предъ нами, словно притаившееся у противоположнаго берега чудовище, зіяла своими четырьмя отверстіями гора, будто моргая въ сумрачномъ туманѣ своими впалыми, черными глазами... То были пресловутыя Бхагскія пещеры...

Мы могли бы тотчасъ же перебраться къ нимъ на паромѣ, но на этотъ разъ благоразуміе взяло верхъ надъ привлекательною перспективой ночи проведенною какъ въ Карли въ пещерахъ древнихъ отшельниковъ. Къ тому же наши Индусы и даже *тангавалы* съ паромщиками отказались наотрѣзъ солутствовать намъ. Первые—потому что даже днемъ опасно посѣщать пещеры не пославъ туда предварительно людей съ факелами и вооруженныхъ *шикари* (охотниковъ). Эта часть Амджирскаго раджа изобилуетъ дикими звѣрями, особенно тиграми которыхъ, какъ видно, наравнѣ съ бенгальскими бабу, можно встрѣтить всюду по Индіи. Вторые же протестовали потому что послѣ заката солнца ни одинъ Индусъ не согласится подойти на милю къ пещерамъ. Они *белатти* со своими „глупыми географическими понятіями“ видятъ въ рѣкахъ Вагреѣ и Гирнѣ простыя рѣчки; въ сущности же, то боги-супруги, Шива и Первати; это волервыхъ. А вовторыхъ, бхагскіе тигры не простые тигры, какъ думаютъ *саабы*, а слуги *садду*, святыхъ чудодѣевъ уже много вѣковъ обитающихъ въ этихъ пещерахъ; они частенько даже и „оборотни“ этихъ самихъ вѣковыхъ старцевъ, и никто изъ нихъ—ни боги, ни садду, ни оборотни, ни тигры не любятъ чтобъ ихъ тревожили ночью...

Нечего было дѣлать. Грустно взглянувъ по направленію пещеръ, мы снова полѣзли въ наши долотолные экипажи, и поплелись далѣе. Бабу съ Нараяномъ рѣшили что мы переночуемъ у нѣкоего „кума“ въ городкѣ Бхагъ, отъ котораго мы находились всего въ трехъ миляхъ.

Изумительны и непонятны, какъ и многое другое въ Индіи, географическія и топографическія распредѣленія несмѣтныхъ территоріальныхъ владѣній въ этой странѣ. Здѣсь политическія соображенія словно постоянно играютъ въ „кастеты“ измѣняя, убавляя, прибавляя; у одного отымая, другому передавая. Что вчера принадлежало одному раджѣ или такуру, уже сегодня находится въ рукахъ у другаго. Напримѣръ: мы находились тогда въ раджѣ, или штатѣ Амджира, въ Мальвѣ, и ѣхали въ Бхагъ-городокъ, который также принадлежитъ Мальвѣ и включенъ въ Амджирскій раджъ. Мальва (на словахъ) составляетъ независимое владѣніе Холькара, однакоже раджъ Амджирскій принадлежитъ не Тукуджи-Рао Холькару, а сыну независимаго раджи Амджирскаго, котораго Англичане въ 1857 году „по ошибкѣ“ повѣсили, а затѣмъ позабыли возвратить раджъ его наслѣдникамъ. Городокъ Бхагъ и пещеры принадлежатъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, махараджѣ Синдіи Гваліорскому, который впрочемъ самъ не владѣетъ ими, а подарилъ Бхагъ

съ его 9.000 рупій дохода одному бѣдному родственнику у котораго, между тѣмъ, отнялъ оный одинъ Раджпутскій такуръ, да такъ и не отдаетъ. Бхагъ находится на дорогѣ изъ Гуджерата въ Мальву, въ самомъ такъ-называемомъ Уйделурскомъ ущельи, и поэтому ущелье составляетъ собственность Махарани Уйделурскаго. Построенный на вершинѣ заросшаго лѣсомъ холма, Бхагъ лока какъ спорная собственность не принадлежитъ никому, но за то маленькая крѣпость его, въ толстыя ворота которой мы скоро и въѣхали, составляетъ *частную* собственность вмѣстѣ съ находящимся въ немъ базаромъ нѣкоего „дхани“, то-есть вождя Бхималахскаго племени, по словамъ нашего бабу, „великаго вора и разбойника,“ который вдобавокъ оказался его „кумомъ“...

— Да какъ же вы ведете насъ къ человѣку на котораго указываете какъ на вора и разбойника? робко освѣдомились мы.

— Онъ „воръ и разбойникъ“ въ *политическомъ* только смыслѣ. Иначе онъ превосходный человѣкъ и самый вѣрный другъ. А безъ него мы и съ голоду умремъ: вѣдь базаръ его собственность, очень хладнокровно отвѣчалъ Бенгалецъ.

Кумъ оказался впрочемъ въ отсутствіи, и насъ принялъ его родственникъ, и насколько мы поняли, помощникъ *бхомія* (начальника). Намъ отвели садъ, и едва мы успѣли разбить палатки какъ со всѣхъ сторонъ стали приносить намъ провизію. Каждый выходящій изъ палатки бросалъ на землю черезъ плечо бетель и мелкій сахаръ—приношеніе иностраннымъ духамъ которые де непремѣнно должны были намъ всюду солутствовать. Наши Индусы просили насъ впрочемъ *не смѣяться*, говоря что это здѣсь въ глуши очень опасно.

Разсуждать съ этимъ народомъ оказалось напраснымъ. Мы были въ центральной Индіи, гнѣздѣ всѣхъ суевѣрій страны, и окруженные *Бхиллями* (Bhils). Вдоль всего горнаго хрепта Виндіи, отъ Джама, на западѣ „мертваго города“ и кругомъ всей Раджлутаны, страна густо заселена этимъ племенемъ, самымъ храбрымъ, разбойничьимъ и суевѣрнымъ изо всѣхъ полудикихъ племенъ Индіи. Нѣсколько словъ о нихъ окажутся можетъ-быть небезынтереснымъ.

Оріенталисты увѣряютъ будто названіе „Бхилль“ происходитъ отъ санскритскаго корня *bhil* (отладать, разлучаться); сэръ Ж. Мальколмъ полагаетъ поэтому что Бхилли суть раскольники отлавшіе отъ браманской религіи и затѣмъ выгнанные изъ касты. Все это быть-можетъ и такъ; но ихъ племенныя преданія говорятъ иное. Конечно здѣсь, какъ и вездѣ, къ исторіи примѣшана миѳологія и до ихъ родословнаго дерева приходится добираться чрезъ густую чащу вымысла. Проведшій съ нами вечеръ родственникъ отсутствующаго бхаміи разказалъ намъ слѣдующее:

Бхилли или *Билли*—потомки *Махадео* (бога Шивы) отъ одного изъ сыновей его и прекрасной чужеземной женщины съ голубыми глазами и бѣлымъ лицомъ, которую богъ нечаянно встрѣтилъ за *калапани* (за горною водой, за морями) въ лѣсу. Изъ нѣсколькихъ родившихся отъ этого союза сыновей, одинъ, столь же замѣчательный своею красотой какъ и порочностью, убилъ любимаго быка Махадео и былъ за это изгнанъ родителемъ опять *за моря*, въ Джадпурскую пустыню. Загнанный въ самый южный ея уголъ, онъ здѣсь женился, и вскорѣ его потомки переполнили страну. Они разсылались по всему протяженію Виндійскаго хребта и начали селиться на западной границѣ Мальвы и Кандеша, а позднѣе на лѣсистыхъ и дикихъ берегахъ рѣкъ Махи, Нармады и Талти. И всѣ они, наслѣдовавъ красоту прародителя, наслѣдовали вмѣстѣ съ голубыми глазами и свѣтлымъ цвѣтомъ лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. „Мы воры и грабители“ (наивно говорилъ намъ родственникъ честнаго „кума“ бабу), потому что такъ приказалъ отецъ нашего прародителя—могучій Махадео-Шива.Ославъ его каяться въ пустыню, онъ (то-есть богъ) сказалъ ему: Иди, окаянный, убійца невиннаго брата твоего, моего сына, быка * Нарди. Иди... и живи изгнанникомъ и разбойникомъ на страхъ братіямъ твоимъ... Такъ какъ же мы осмѣлились бы ослушаться приказаній на-

---

* Странно что быкъ *Аписъ*, священное животное у Египтянъ, въ такой же почести и у послѣдователей Зороастра какъ и у Индусовъ. Быкъ *Нарди*, созданіе Шивы, эмблема жизни въ природѣ—сынъ творческаго отца или оживотворяющій духъ его. Ормаздъ сотворяетъ быка, а Ариманъ убиваетъ его. Амміанъ Марцеллинъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій упоминаетъ о книгѣ въ которой разчитанъ *точный возрастъ* быка Аписа—ключъ къ тайнѣ міросданія и исчисленіямъ по цикламъ. Браманы тоже объясняютъ аллегорію о быкѣ Нарди—аллегоріей о продолженіи *жизни* на земномъ шарѣ.

шего великаго бога? Наши малѣйшія дѣйствія совершаются сообразно съ распоряженіемъ нашихъ *бхамій;* а такъ какъ послѣдніе суть потомки Надиръ-Сингa, перваго *Бхилалы* (плодъ отъ супружества Раджпута съ бхилльскою женщиной), то бхаміи и считаются нами прямыми посредниками между нашимъ народомъ и Махадео-Шивою"...

Такова власть надъ Бхиллями этихъ „посредниковъ" что самыя ужасныя преступленія совершаются по одному ихъ слову. Само племя нашлось вынужденнымъ, дабы хоть сколько-нибудь обуздать ихъ безусловную власть, назначить родъ совѣтниковъ въ каждой деревнѣ; этихъ совѣтниковъ они называютъ *тарви*, иногда сдерживающихъ этихъ безумно-разбойничьихъ *джани* или лордовъ. Но ихъ честное слово свято, а гостепріимство безгранично.

Исторія и лѣтописи Раджпутскихъ принцевъ Джодпура и Уйдепура подтверждаютъ эту легенду о Бхильской эмиграціи изъ ихъ первобытной пустыни; но откуда они явились туда, никто не знаетъ. Тоддъ положительно увѣряетъ что „Бхилли" аборигены Индіи, какъ Мины, Мерасы, Гоанды и тѣ племена что обитаютъ въ Нербудскихъ лѣсахъ. Только почему же въ такомъ случаѣ, рядомъ почти съ африканскими типами прочихъ холмовыхъ племенъ, Бхилли являются настолько свѣтлѣе прочихъ и даже часто съ голубыми и сѣрыми глазами? Что всѣ эти аборигены довольствуются названіями *Бхомапутра* и *Венапутра*, то-есть „сыны земли" и „дѣти лѣсовъ" въ то время какъ Раджпуты, ихъ первые покорители, именуютъ себя *сурьяванзами* и *индупутрами*—потомками солнца и луны, еще очень не многое доказываетъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, ихъ наружность, подтверждающая ихъ преданія, имѣетъ гораздо болѣе вѣса и значенія нежели филологія. Какъ весьма логично выразился Dr. Кларкъ: * „обративъ должное вниманіе на слѣды древнихъ суевѣрій народа, мы гораздо легче и вѣрнѣе доберемся до ихъ первобытныхъ прадѣдовъ нежели научными наблюденіями надъ ихъ языкомъ; ибо суевѣрія ихъ привиты къ самому корню, а языкъ подверженъ всевозможнымъ измѣненіямъ".

Но до сихъ поръ все то что мы знаемъ изъ исторіи этого народа сжато въ нѣсколькихъ словахъ вышеприведеннаго преданія, да въ самыхъ древнихъ пѣсняхъ ихъ бардовъ. Поселившіеся въ Раджистанѣ, эти барды или *Бхаты*, навѣщаютъ Бхиллей ежегодно, дабы не терять изъ виду подвиговъ своихъ соотчичей. Ихъ пѣсни—та же исторія, такъ какъ Бхаты существуютъ въ ихъ племени, воспѣвая эти подвиги для грядущихъ поколѣній съ незапамятныхъ временъ, что составляетъ ихъ прямую и наслѣдственную обязанность. Замѣтимъ кстати что нѣтъ во всей Индіи мало-мальски воинственнаго племени у котораго бы не было своихъ народныхъ бардовъ. А въ самыхъ древнихъ пѣсняхъ бхилльскихъ *Бхатовъ* ихъ начало происходитъ „за морями", то-есть гдѣ-нибудь въ Европѣ. Нѣкоторые оріенталисты, особенно Тоддъ, желаютъ доказать что Раджпуты покорившіе Бхиллей—пришлецы Скиѳы, а Бхилли аборигены Индіи. Въ доказательство этого они приводятъ черты общія обоимъ народамъ, какъ напримѣръ: 1) поклоненіе оружію—мечу, колью, щиту и коню; 2) поклоненіе и жертвоприношеніе солнцу (которому Скиѳы, поклонявшіеся мечу какъ главному божеству, между прочимъ вовсе и не поклонялись); 3) страсть къ азартнымъ играмъ (которая у Китайцевъ и Японцевъ развита еще болѣе); 4) обычай пить кровь врага изъ черепа (что дѣлаютъ и нѣкоторые краснокожіе аборигены Америки) и т. д. Конечно здѣсь не мѣсто входить въ научные этнологическіе диспуты, но все же невозможно не замѣтить какъ странно иногда разсуждаютъ ученые люди когда имъ приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить до какой степени исторія *древнихъ Скиѳовъ* запутана и темна сама собою чтобъ убѣдиться какъ неосновательно дѣлать подобные выводы на однихъ слабыхъ историческихъ данныхъ которыя мы имѣемъ подъ рукою о тѣхъ народахъ которыхъ обыкновенно включаютъ въ общее названіе *Скиѳовъ*. Что между обычаями древнихъ Скандинавовъ, поклонниковъ Одина (страна которыхъ была дѣйствительно занята Скиѳами 500 лѣтъ до Р. Х.) и обычаями Раджпутовъ есть много поразительно общаго, это неопровержимо. Только такая тождественность даетъ по крайней мѣрѣ столько же если не болѣе права Раджпутамъ указывать на *насъ* какъ на „колонію ушедшихъ на западъ Сурьяванзей", какъ и намъ увѣрять что Раджпуты „перекочевавшіе въ Индію — Скиѳы." * Скиѳы Геродота и

* *Travels in Scandinavia.* Vol. 1, p. 33.

* „Наше презрѣніе къ Татарамъ уменьшилось бы на добрую долю, говоритъ Пинкер-

Скиѳы Птоломея и рим'скихъ писателей двѣ совершенно различныя народности. Первый называетъ Скиѳіей страну отъ устья Дуная до Азовскаго моря (по Нибуру), до устья Дона (по Роулинсону); а Скиѳы Птоломея—страна исключительно Азіатская, включающая всю сѣверную Азію отъ Волги до Серики (Китая). Къ тому же эта Скиѳія была раздѣлена западною частью Гималаевъ называемою римскими историками „Jmaus" на Скиѳію intra Jmaum и на Скиѳію extra Jmaum. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ и при подобной неопредѣленности, быть-можетъ Раджпуты и дѣйствительно *азіятскіе Скиѳы*, а Скиѳы—*европейскіе Раджпуты*. Только нынѣшніе раджпутскіе воины никакъ не соотвѣтствуютъ описанію наружности Скиѳовъ какое находимъ у Гиппократа: „Тѣла у этихъ людей (говоритъ отецъ медицины) толстыя, грубыя. приземистыя; суставы ихъ слабы и вялы, животы отвислые, волосъ на нихъ почти нѣтъ и каждый изъ нихъ походитъ на другаго". Кто познакомившись съ воинами Раджистана, съ этими стройными. гигантскаго роста молодцами, съ длинными волосами и обросшими бородой лицами узнаетъ въ нихъ портреты Скиѳовъ по Гиппократу? Къ тому же Скиѳы—кто бы они ни были,—*хоронили* своихъ покойниковъ, чего Раджпуты. если судить по ихъ древнѣйшимъ лѣтописямъ, никогда не дѣлали. Скиѳы были кочевымъ народомъ. и описаны Гезіодомъ какъ „люди живущіе въ кибиткахъ и повозкахъ. и питающіеся кобыльимъ молокомъ" (кумысомъ). Раджпуты же народъ испоконъ вѣка осѣдлый, живущій въ городахъ и имѣющій свою исторію, по крайней мѣрѣ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х. (ранѣе временъ Геродота). И если они празднуютъ *Асвамедду* (жертвоприношеніе лошадей), то ужь до „кобыльяго молока" никогда не дотронутся и презираютъ Монголовъ. Геродотъ говоритъ что Скиѳы называвшіе себя Сколоти ненавидѣли болѣе всего чужеземцевъ и выгоняли ихъ изъ своихъ мѣстъ; а Раджпуты одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ въ мірѣ народовъ... Наконецъ, исторія довольно ясно указываетъ намъ Скиѳовъ въ войнѣ съ Даріемъ (516 лѣтъ до Р. Х.), а въ тѣ времена Скиѳы еще сидятъ на своихъ мѣстахъ, возлѣ Дуная. Въ тѣ времена Раджпуты уже были извѣстны въ Индіи и имѣли свое царство. Что же касается *Асвамедды* (жертвоприношеніе лошадей солнцу), на которомъ Тоддъ основываетъ главное свое доказательство напоминая что Скиѳы тоже приносили въ жертву лошадей, то этотъ обрядъ упоминается какъ въ *Ригъ-Ведѣ*, такъ и въ *Айтарѣ Браманамъ*. О послѣднемъ же сочиненіи Мартинъ Хаугъ говоритъ что по всѣмъ вѣроятіямъ оно уже существовало за 2.000,—2.400 лѣтъ до Р. Х.

Сознаюсь, отъ кума бабу́ до Скиѳовъ и Раджпутовъ допотопныхъ временъ—отступленіе довольно долгое. Опасаясь слишкомъ сильныхъ жалобъ, слѣшу вернуться къ пещерамъ.

Пока мѣстные *шикари*, подъ предводительствомъ воинственнаго Акали, отправлялись вытравливать могущихъ находиться въ пещерахъ тигровъ и оборотней, нашъ Бхиль получилъ для насъ позволеніе присутствовать при совершавшейся въ городѣ свадебной церемоніи. Браминъ выдавалъ замужъ дочь, и ее въ тотъ день вѣнчали. Эти новыя для насъ церемоніи были такъ занимательны что день прошелъ незамѣтно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ѣхать въ пещеры, и мы отложили поѣздку до слѣдующаго дня. Между тѣмъ опишу видѣнныя нами празднества, тѣмъ болѣе занимательныя что обряды сватовства, обрученія, свадьбы и т. д. не измѣнялись въ Индіи по крайней мѣрѣ за послѣдніе два тысячелѣтія. Они совершаются по предписанію Ману и безъ малѣйшей варіаціи на древнюю тему. Въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Индія какъ бы кристаллизовалась, и кто видѣлъ бракъ Индусовъ въ 1879 году, видѣлъ его навѣрное и въ древней Аріавартѣ за 1.000 лѣтъ до настоящей эры.

тонъ, еслибы мы только не забывали въ какомъ мы близкомъ съ ними родствѣ, что наши предки выходцы изъ сѣверной Азіи и что наши обычаи, законы и образъ жизни были первоначально одни и тѣ же что́ и у нихъ. словомъ что мы не болѣе какъ колонія Татаръ"... Кимвры, Кельты и Галлы, завладѣвшіе сѣверною частью Европы,—расныя имена одного и того же вышедшаго изъ Татаріи народа. Кто были Готы, Гунны Шведы, Вандалы, Франки какъ не рои одного улья? Хроники Швеціи указываютъ на Кашгаръ какъ на родину изъ которой вышли Шведы. Сходство между языками Саксовъ и Кипчаковъ поразительное; а кельтскій языкъ, существующій доселѣ въ Бретани и Вельсѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того что ихъ жители потомки Татарскихъ націй.

Дозволено цензурой. Москва, 1 апрѣля 1880 года.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

№ 9759
80